

16+

Василий
Рязанов

ЖИЗНЬ И ВОЙНА ГЕНЕРАЛА
Василия Рязанова

Василий Рязанов

**Жизнь и война генерала
Василия Рязанова. Книга 1**

«Автор»

2000

Рязанов В. В.

Жизнь и война генерала Василия Рязанова. Книга 1 /
В. В. Рязанов — «Автор», 2000

О жизненном и боевом пути дважды Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта авиации Василия Георгиевича Рязанова (1901-1951). Он командовал первым соединением штурмовиков Ил-2, 1-м гвардейским штурмовым авиакорпусом. О боевых операциях, о летчиках, воевавших под началом Рязанова. На основе воспоминаний одного из них, С. Д. Луганского, написан сценарий известного фильма «В бой идут одни «старики»». В первой книге довоенные события и война до форсирования Днепра.

© Рязанов В. В., 2000

© Автор, 2000

Василий Рязанов

Жизнь и война генерала Василия Рязанова. Книга 1

Предисловие

Я долгое время работал над этой книгой. Под названием «Серебряный якорь небес» в интернете в феврале 2008 года обнародовал предварительный и сокращенный вариант. Но неудовлетворенность остается. Противоречива сама задумка. С одной стороны, хотелось бы дать как можно более объективную картину, опираясь на архивные документы, – это дела Василия Георгиевича. С другой, – жизнь его, которую сухими документами не передать. Старшему брату Георгию, хорошо знавшему отца, публикация в интернете понравилась. Но он сделал важное замечание: не хватает живого отца, его характера, привычек. Но мне сложно написать портрет живого отца, поскольку в момент его смерти я был мал, и практически не помню его. Здесь я использовал фронтовые письма отца Георгию, опубликованные Л.А. Рязановым в книге «Обратный адрес – война», вышедшей в Горьком в 1986 году. Там они в отрыве от контекста. Здесь же они пересекаются с описываемыми событиями. Например, мама мне рассказывала, что в Молдавии у отца было две собаки. И о них же отец пишет Георгию. Но противоречие остается: нельзя в одной книге соединить строгое, желательное почти научное описание военных событий и непосредственную живую жизнь. Хотя очень часто реальные события закручивались покруче любой детективной истории, будучи намного драматичнее выдуманных коллизий. Да и все эти «объективные» события создаются людьми, субъектами. Так что грань здесь весьма условная. Объективность, видимо, следует понимать, как правильное освещение роли субъектов в создании тех или иных событий. Не тянуть на себя одеяло.

Кто такой генерал Рязанов? В Википедии – свободной энциклопедии написано:

Василий Георгиевич Рязанов (25 января 1901 – 8 июля 1951) – Дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, командир 1 гвардейского штурмового корпуса.

В. Г. Рязанов в 1951-м г.

В. Г. Рязанов

Василий Георгиевич Рязанов родился 25 января 1901 в посёлке Большое Козино, ныне Балахнинского района Нижегородской области, в семье крестьянина. Русский. Окончил начальное училище в 1916. Работал в [Сормове](#), Сергаче. После Октябрьской революции преподавал в начальной школе в родном селе, откуда в 1920 году ушел в армию. С 1920 по 1924 год учился в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова в Москве. Окончил Борисоглебскую военную школу лётчиков в 1926, Военно-воздушную академию в 1935. Командовал звеном, авиаотрядом и эскадрильей. С 1930 в управлении ВВС, был командиром и комисса-

ром авиационной бригады, затем на преподавательской работе в Военно-воздушной академии. Участвовал в советско-финской войне 1939–1940 годов.

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 был заместителем командующего ВВС 5-й армии (1941); командиром 76-й авиадивизии (1941—1942); командующим маневровой группой ВВС Юго-Западного фронта и 2-й истребительной авиационной армией (1942). В 1942 году Рязанова назначают командиром 1-го штурмового авиационного корпуса. Этот корпус под командованием Рязанова воевал на Калининском и Воронежском фронтах, на Курской дуге, уничтожал курсунь-шевченковскую группировку противника. Командиру 1-го штурмового авиационного корпуса (5-я воздушная армия, Степной фронт) генерал-лейтенанту авиации Рязанову за высокое мастерство в управлении частями корпуса в боях, умелую организацию взаимодействия с наземными войсками при форсировании Днепра и личный героизм 22 февраля 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. В 1944 году корпусу было присвоено звание гвардейского, 100 летчиков-штурмовиков были удостоены звания Героя Советского Союза. Командир 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса (2-я воздушная армия, 1-й Украинский фронт) гвардии генерал-лейтенант авиации Рязанов 2 июня 1945 года за отличия в боях на рубеже реки Висла и при разгроме Ченстоховско-Радомской группировки противника в январе 1945 награжден второй медалью «Золотая Звезда». После войны на командных должностях в ВВС, командовал авиационными соединениями, избирался депутатом Верховного Совета УССР, кандидатом в члены ЦК Компартии Украины. Награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1 степени, Суворова 2 степени, Красной Звезды, медалями, иностранными орденами. Умер 8 июля 1951. Похоронен в Киеве. Бронзовый бюст установлен на родине. В поселке Большое Козине установлен бронзовый бюст В. Г. Рязанова. На старом здании школы – мемориальная доска. Его именем названы улицы в Балахне, Большом Козино.

Сходная информация и в других энциклопедиях и на интернетовских сайтах, хотя на некоторых и более полная.

В Интернет-энциклопедии Кирилла и Мефодия его имя стоит в одном ряду с другими лучшими военачальниками всех времен и народов. Правда, я не знаю, по каким критериям выбирались военачальники в этот список. Рязанов, скорее всего, попал туда как генерал и дважды Герой. Там он недалеко от Сталина. Открывается этот алфавитный список фамилией маршала авиации Ф.А. Агальцова, старого друга и соратника В.Г. Рязанова, так отзывавшегося о нем: «Я понимаю, почему наш корпус стал таким. Рязанов был образованнейшим генералом Советской Армии. Он имел высшее политическое образование, окончил оперативный факультет Академии имени Жуковского. И всю жизнь учился сам, учил других и заставлял это делать нас... В этом – все успехи корпуса». Учеба понималась Рязановым не просто как накопление знаний, а выход за пределы наличной ситуации, необходимость движения, когда надо не проживать среди застывших представлений и прагматических потребностей, а двигаться, нарушая границы, балансируя над пропастью. Он осознавал, что часто конкретное даже детальное понимание вещей и процессов может быть просто предрассудками культурной традиции, и жить следует, рискуя, но не ради риска, а ради жизни, чтобы не омертветь и не упасть, остановившись. Человек, как ядерный реактор, живет в критическом состоянии.

Сейчас уже другие войны. И герои новые. Но хотя бы для истории хочется сохранить. Все конечно, и времена жизни любых систем, в том числе и людей, – тоже. На основе такого рода соображений можно даже построить весьма плодотворную и общую физическую теорию, в чем-то пересекающуюся с причинной механикой Н.А. Козырева, у которого поток времени создает энергию звезд. Печально, что уходит память о замечательных людях и их славных делах, но ничего не поделаешь: все умирает – и память тоже. Страсти, борения, искания, гибель и самопожертвование, – все уходит в прошлое, в стирающуюся историю. Все смывает поток

времени, рождая новую жизнь. Все настолько временно, мгновенно... Птицы и звезды, люди и звери... Главное душа и дух!

Я тоже Василий Рязанов, младший сын В.Г. Рязанова, он Георгиевич, а я – Васильевич. Чтобы не путали, а то в Интернете В.Г. Рязанову приписывают авторство книги о нем «Командир гвардейского корпуса Илов», написанной через 30 лет после его смерти нашим дальним родственником, моим четырехюрдным братом и земляком Василия Георгиевича Леонидом Александровичем Рязановым в соавторстве с Н. Чесноковым. Сам Василий Георгиевич тоже писал книги, но не воспоминания, а по технике пилотирования, тактике ВВС. Эти книги не сохранились, видимо, все было уничтожено после ареста Рязанова в 1938 году.

Мне не было и трех лет, когда отец умер, так что я его и не помню. Но мне и братьям адресовано его письмо. Есть еще фотография, где я детской ручонкой с совочком для песка в ней обнимаю шею отца. В июне 1951, 27 числа, Рязанов написал письмо сыновьям и своей теще, их бабушке, бывшей тогда с ними (сам Василий Георгиевич вместе с женой, Ириной Борисовной, был тогда в отпуске в санатории):

«27.6.51. Дорогие мои сыны ребятушки: Васенька, Мишуха, Славик и дорогая Ольга Васильевна,

Здравствуйте! Пишем Вам с мамой с Кислых вод. Сначала мама зажурилась: «Ну зачем переехали, доживали бы в Ессентуках». А как я ей показал кусочек кисловодской красоты, она сразу успокоилась, т. к. Кисловодск много красивее Ессентуков. Ну, а мне Кисловодск нужен, т. к. у меня что-то болит сердце, а здесь как раз сердце и лечат. Времени для лечения осталось мало, ну пусть хоть врачи как следует разберутся: что такое, почему болит сердце и посоветуют, что делать дома, чтобы оно не болело так сильно. Будьте здоровы, мои дорогие, не болейте, живите дружно, весело. Осталось уж немного, скоро все будем дома в нашем родном, дорогом Святошине.

Крепко, крепко всех целую. Ваш папа (подпись)

Адрес: г. Кисловодск, санаторий военно-морских сил, к-та 111, Рязанову В.Г. ».

Он и раньше писал детям. Ниже будут приводиться его письма с фронта старшему сыну Георгию. Письма эти вызваны не только свойственной ему педагогической жилкой, – он в 19-летнем возрасте около года проработал учителем в родном селе, и всю дальнейшую жизнь учился сам и учил других, но и желанием в письме сказать что-то важное, передать это детям в предчувствии того, что сам уже сказать не сможешь. Георгию он писал в напряженные моменты войны, когда каждый день мог оказаться последним. В «нашем родном, дорогом Святошине» он уже не побывал. Он умер через десять дней в том же кисловодском санатории, не увидев детей, в ночь перед отлетом домой. Мама не зря волновалась, не хотела ехать в Кисловодск. Женщины чувствуют беду. Что же важного в этом письме. Что он любит детей, желает им здоровья, дружной и веселой жизни, что они ему нужны, – а это очень важная вещь, и нужно успеть сказать ее. Последнее же его письмо с планами возвращения домой адресовано теще:

«3.7.51. Здравствуйте, дорогая Ольга Васильевна! Очень хорошо, что с Мишей так счастливо все закончилось. Большое спасибо Вам, что Вы так энергично и своевременно приняли все меры. Спасибо Артемьевым. Правда, у меня не все благополучно с сердцем, но здесь делать больше нечего. Лучше отдохну дома. Поэтому приедем, как и говорили. Прошу Вас позвонить Владимиру Ивановичу Артемьеву и передать ему, чтобы присылал самолет 8-го, пусть с аэродрома один человек (Шемекеев, а если его не будет – другой) едет в Кисловодск в санаторий военно-морских сил. Перед посадкой в Мин. Водах пусть обязательно заправятся горючим в Ростове, т. к. я думаю ночью, вернее, на рассвете 9-го вылететь, чтобы прилететь в Киев часов в 8-9 утра, а то днем жарко и беспокойно лететь. Рано утром лучше. Крепкий, крепкий поцелуй дорогим ребятушкам. Скоро, скоро все будем вместе. Будьте здоровы. Всего Вам лучшего. Ваш (подпись). Привет тете Паше».

Тетя Паша – домработница, Шемякеев – адъютант, порученец отца. Миша и Вася – его родные дети, Слава, его родной племянник, которого он усыновил после гибели матери Славы и его отца, брата Василия Георгиевича.

Многие люди предчувствуют кончину, и пытаются поделиться чем-то с другими, близкими людьми, дать им то, что никто, кроме него, не даст. Мама, светлая ей память и царство небесное, тоже все пыталась обучить меня премудростям кулинарии и ведения хозяйства, и в чем-то преуспела, хотя не сильно. Еще и мама, и бабушка, Ольга Васильевна, – раньше – незадолго до смерти начинали часто печь пироги, уже не пытаясь обучить их приготовлению. Мой приятель, царство ему небесное, полковник спецназа и мастер рукопашного боя, все упорно пытался научить меня этому бою, а через пару месяцев внезапно умер от тромба.

Заветы отца: живите дружно и весело. Не знаю, жили ли мы так. Но сейчас я молюсь о том, чтобы их души – отца моего Василия и матери моей Ирины – встретились, – они любили друг друга, – чтобы им, их душам было покойно, радостно и весело.

В воспоминаниях Хрущева приводится эпизод при обороне Киева. Тогда в окружении оказался штаб, среди документов которого были очень важные документы, которые не должны были попасть к врагу, но и уничтожить их тоже было нельзя. Например, схемы закладки баз с продовольствием, вещами, оружием для партизанского движения. Рязанов, бывший тогда заместителем командующего ВВС 5-й армии Юго-Западного фронта, полетел на маленьком самолете под пулеметным огнем противника. Взял документы, с ними еще политработника Шуйского, который затем был помощником Хрущева до конца его карьеры. И партизанское движение на Украине было очень эффективным. Такой поступок характерен для Рязанова. Может, вся его жизнь состояла из таких поступков. Хотя это преувеличение. Не может вся жизнь быть экстремальной и героической. В детстве я думал, что героизм, особенно военный, определяется чем-то необычным, нечеловеческой отвагой, силой. Но потом понял, что экстремальное как раз и нежелательно. Такие эпизоды, конечно, были. Но гораздо важнее монотонная последовательная упорная работа. Стратегическое мышление и далеко идущие планы – еще не все. Замыслы необходимо воплотить, а это часто намного сложнее, чем составление таких планов. Для авиационного командира такая работа это подготовка летчиков, борьба с потерями, повышение эффективности вылетов, чтобы часть или соединение действовали как хорошо отлаженный механизм.

Что еще примечательного и даже уникального в жизни Василий Георгиевича? Он, например, обладал сочетанием высшего политического образования – закончил в 1924 году Коммунистический университет им. Свердлова, где учился вместе с Щербаковым, Вознесенским, и военного – военно-воздушную академию им. Жуковского, оперативный факультет, закончил в 1935 году. При этом, при склонности к аналитике, творчеству, критическому восприятию действительности, он был эмоциональным, темпераментным и простодушным, открытым, искренним человеком. Любил музыку, песни, танцы, хорошую литературу, театр, жизнь вообще в ее светлых проявлениях. Может, и жизнь тогда была попроще? Там враг, надо его разбить, «цели ясны, задачи определены». Пригодились ли ему знания, полученные в Коммунистическом университете? С одной стороны, лишних знаний не бывает. Хотя иногда они могут и сильно повредить. В 1989 году я был на конференции в Вене. На приеме в венской ратуше обратил внимание на памятную доску в честь президента Австрии с 1945 до 1950 года Карла Реннера. Отец беседовал с ним в 1945 году на приеме для советских военачальников. Высказывал свое мнение о работах Реннера, написанных им давно. И тогда политические знания, полученные в свердловском университете, помогли отцу, да и отношение президента Австрии к СССР улучшилось.

Мы с вами живем в очень загадочном мире. Начиная с того, как он устроен, основы его, что такое время, пространство? Почему Земля вращается вокруг Солнца, почему работают законы гравитации? Почему человек принимает те или иные решения? Много можно объяс-

нить обстоятельствами. Но не все. Почему один пилот в воздушном бою сбивает другого, а не наоборот? Почему далеко не все решения приводят к победе? К примеру, маршал Жуков, человек не очень образованный, сходу, мгновенно говорит: делать так и так. И потом оказывается, что иначе нельзя было бы достичь победного результата, что только в этом узком и совсем неочевидном окне возможностей лежит путь хотя бы не поражения.

Еще честолюбие, тщеславие. Капитан хочет стать майором, майор – полковником, полковник – генералом. Один маршал стремится обойти другого, оставить след в истории. Но он, этот след, неизбежно стирается. Василий Георгиевич, наверное, в глубине души это осознавал. Хотя здоровое честолюбие у него было. Он любил фотографироваться, фигурировать в газетных статьях. Но на пространствах души и духа он все-таки был свободен от суеты. Посещала генерала и такая мысль. Он управлял действиями летчика, который управлял самолетом. Такая иерархия. В немалой степени он управлял и судьбой, и летчика, и самолета. Но кто-то управляет им самим, управляющим – еще кто-то. Иерархия управлений и судеб. Множество уровней. И не Сталин стоит во главе пирамиды. Бог? Высший разум? Возвращаемся к загадкам устройства мира.

Отец не был догматиком и начетчиком, воспринимал жизнь творчески, как процесс созидания, в котором не надо держаться за что-то жесткое и нерушимое, а надо создавать правила игры, и играть в нее хорошо. Жизнь он воспринимал как поток, в котором надо плыть в направлении, нужном тебе и родной стране, иногда против течения, а не барахтаться. Георгий Васильевич Рязанов, старший сын Василия Георгиевича, в своей очень интересной книге о новых мирах и новых формах жизни «Путь к новым смыслам» (изд-во Гнозис, Москва, 1993), посвященной мистической физике, где наряду с выводом полной картины физики, квантовой механики, тяготения, теории физических взаимодействий, живой физики, комментируются еврейский, греческий, индийский и китайский каноны, обсуждаются вопросы религии, искусства, строится общий план мира, писал, что «Мои родители были убежденными коммунистами, мать была увлечена этическим идеалом коммунизма, отец просто считал его исторически неизбежным. В итоге я был лишен в детстве каких-либо «чуждых влияний» и не знал никакого мифа, кроме обычных материалистических представлений нынешней науки». В серии книг «Радость возвращения к богу», размещенной в Интернете, он пишет: «Я родился в 1930 году. Мать – историк, коммунистка-идеалистка, считавшая мораль движущей силой истории (в духе Моисея Гесса и Ханны Аренд), – я с матерью согласен. Отец – военный летчик, считавший жизнь, включая коммунизм, глобальной Игрой, наслаждавшийся этой игрой, – я с ним не согласен. Не изменили отца даже полтора года жесточайших пыток в КГБ – в 36 лет он поседел».

Но эта оценка, противопоставляющая его матери, возможно, связана с личными мотивами. Любимой песней отца был «Варяг». Вот где выбор: погибнуть, но не сдаться! Это не игра, как писал Георгий об отце, а именно нравственный выбор, высокие самоотверженность и самопожертвование (хотя под Игрой у Георгия понимается более общая вещь). Дальше будут другие примеры подобного выбора.

Его сыновьям достались в наследство, возможно, генетически, вера в чудесное, и в то, что это чудесное достижимо разумом и трудом, вера в «разумное, доброе, вечное». Сайт Георгия открывается его фотографией со словами:

Я лечу – и вместе со мной летит наша прекрасная и обширная планета.

Надо мною – Божественный замысел Мироздания.

Позади меня – эволюция космоса и жизни, великие прорывы в сфере души и духа.

Во мне бьется мотор корабля – радостная игра духа и матери, творящих друг друга по воле Бога. Впереди меня – лавина замечательных открытий.

Бог у меня за плечами, через наши несчастья мы дорастаем до Его Откровений.

Бог ждет нас.

Постоянно используется термин полет, конечно, не в летном смысле, а в мистическом, а одна из книг Георгия называется «Корабль абсолютного полета. Конструкция корабля указана богом». Георгий занимался своими мистическими изысканиями в годы, в общем-то, несвободные. И мог вполне за отвлеченные теории получить конкретный срок (другое дело, что тогда он их не обнародовал). И у Михаила, брата моего, есть стихи о полете. Где теперь летят души отца, Георгия и Михаила?

Георгий, хорошо знавший отца, говорил о нем, как о свободном человеке в несвободной стране. Это удивляло и привлекало к нему людей. Он – по словам Георгия – был очень смелым человеком. Когда все молчали, он не боялся говорить правду. И другие свидетели, например, генерал-полковник А.Н. Пономарев, вспоминали о нем, как о человеке, органически не способном хитрить, кривить душой, что-то выгадывать. «...Со свойственной ему прямоотой...», – писал Пономарев о Рязанове. Георгий советовал мне написать о судьбе честного и работающего человека в тяжелых жизненных обстоятельствах. Как жили и что чувствовали такие честно работающие люди в обстановке больших человеческих потерь, что плохо для страны. Отец знал правду, знал изнанку парадной картинки. Сам он был морален, но не считал моральность обязательной для истории и политики. Вряд ли мне это удалось сделать. Это книга больше документальная, о военной истории.

Мне не было и трех лет в момент смерти отца, так что написанное ниже это историческая реставрация. Надо обложиться документами того времени, фотографиями, вещами, хотя вещей-то и не осталось, и попытаться воскресить дух той эпохи. Георгий пишет, что жизнь, язык, мышление существенно зависят от времени, в котором они функционируют. Сейчас популярна скрупулезная точность в реконструкции военных событий. Она, однако, прежде всего, недостижима по принципиальным причинам: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Важнее передать дух времени и событий в этом времени и рождающих это время. Этой цели служат документы. Тогда и люди, пожалуй, были значимее, крупнее, да и время масштабнее. Или это иллюзия? Написанное ниже, конечно, мой субъективный взгляд. Но я старался быть как можно более объективным, максимально используя документы, воспоминания свидетелей и очевидцев событий.

Примечательны насыщенность, напряженность жизни отца. Написал несколько исчезнувших книг (исчезли они потому, что их уничтожили после его ареста в 1938 году, да и арестовали его во многом из-за этих книг, вернее, его соавтора по этим книгам), постоянно учился сам и учил других, воспитал учеников. Так, генерал Каманин называл его своим учителем. А если вспомнить, что Каманин был первым командиром отряда космонавтов (затем эту должность занимал и генерал Одинцов, также воспитанник Рязанова, воевавший у него в корпусе и многое у него почерпнувший), то Рязанова с известной натяжкой можно назвать «дедушкой» Гагарина и других первых космонавтов. Рязанов крестьянствовал, работал в потребкооперации и на почте, был политработником и летчиком, сидел в тюрьме, подвергался пыткам, воевал, командовал армиями, был депутатом Верховного Совета и кандидатом в ЦК. Как он столько успел за небольшой срок? Любопытно, что он был человеком хладнокровным в прямом смысле этого слова: нормальная температура тела у него была пониженной, тридцать шесть градусов – это уже болезненное состояние. Сейчас из болот и озер достают танки и самолеты времен войны. Важна и техника. Но важнее сила духа, воли, разума.

Жизнь отца была сложной, правильной и удивительной. Сама жизнь, ее условия, обстоятельства иногда долгое время могут казаться стабильными. Но все меняется, причем, во время войны ситуация может измениться кардинально за несколько минут, и надо что-то решать, предпринимать. Может быть, гены отца помогали мне преодолевать какие-то невзгоды.

У Василия Георгиевича было три родных сына: старший Георгий от первого брака и Михаил и Василий – от второго. Был приемный сын Вячеслав, к которому отец относился как к родному. Любопытно, что старший – Георгий и младший – Василий независимо стали зани-

маться физикой, одним ее разделом – статистической физикой и очень близкими проблемами. У Георгия были статьи, связанные с теорией случайных процессов, и у Василия – тоже. Георгий занимался проблемами времени, и Василий – тоже. При этом все происходило независимо. Иначе как генетикой, влиянием отцовских генов, – матери-то у них разные, такое трудно объяснить.

Есть определенное сходство в характере работы командира и ученого, например, физика. Нужны точность и четкость, ясное представление общей картины и ситуации, хладнокровие, отвлеченность, абстрагированность от помех, сосредоточенность на цели и острый разум, отсекающий тьму, проникающий сквозь поверхность явлений, честность, критическое восприятие, как своей деятельности, так и дел других. Вместе с тем крайне желательна и фантазия, расширяющая существующие рамки, нетривиальность мышления и поведения. Воспитать такое сложно. И вообще, это непросто. Да и различий в работе военного командира и ученого можно насчитать гораздо больше. В образе мышления отца было и наследие предков его матери, сказителей.

Судьба бросала его, крестьянского сына, на грань между солдатом, ничего не решающим, и полководцем, принимающим решения. В его жизни объединились и солдатская участь, и ноша командира. Пока есть силы, надо сделать то, что не успел отец: описать его дела. В истории остаются люди, что-то важное для нее сделавшие, творившие не только свои личные дела, но и время, текущее сквозь мир и вместе с ним – мир течет вместе с временем, чем-то изменившие обыденный порядок бытия, выбившиеся из привычной колеи, хотя, возможно, такой цели они себе и не ставили. Что и как сделал В.Г. Рязанов, почему его еще помнят и чтут, – я и постараюсь изложить.

Авиация, которой порядка ста лет, – область творчества. Она была еще более творческой в 20-е – 30-е годы прошлого века. А применение авиации в быстро меняющихся военных условиях требует мгновенной реакции и единственно верных решений. Среди командиров авиационных корпусов было три дважды Героя Советского Союза: истребитель Савицкий, бомбардировщик Полбин и штурмовик Рязанов. Остались в памяти они не благодаря наградам. Награды были результатом тех славных дел, которыми запомнились эти командиры. То, что наработал Рязанов перед войной, пригодилось ему в военные годы. Почти все, что он сделал, продумал, изобрел, использовалось и применялось именно в моменты наибольшей востребованности, именно тогда, когда это было жизненно необходимо.

Да и не за награды сражались, а за Родину. Есть награды – хорошо, нет – что поделаешь. Многие герои этой книги, а еще гораздо больше тех, которые здесь не упомянуты, готовы были отдать все для достижения победы над врагом. И многие отдавали свои жизни. Кто-то написал, что исчезновение культа летчиков, обоготворения повелителей воздуха – симптом загнивания общества.

В книге Максима Калашникова «Сломанный меч Империи» написано: «Вопреки марксизму, проповедовавшему равенство, Сталин создавал строй неравенства, пытаясь выпестовать новую аристократию. Но не из чиновников или торгашей, а из воинов, боевых генералов, энергичных конструкторов, технократов и ученых. Он поднимал над общей массой профессоров и врачей, летчиков и высококвалифицированных рабочих. Гордостью и элитой страны должны были стать те, кто не жалеет себя во имя крепости страны и ее будущего. Не только воины, но и полярники, изобретатели, строители индустриальных гигантов, журналисты и писатели с имперским мышлением. Первопроходцы и люди отчаянной отваги. Именно потому ходят упорные слухи о том, что Сталин вынашивал планы наделения земель боевых генералов. Именно потому он повел борьбу с безродными космополитами, сделавшими карьеры на оплевывании и охаивании всего имперски-русского. Повернулся лицом к церкви».

Жизнь Василия Георгиевича была непростой. Были и очень тяжелые моменты, и светлые, радостные. Но никогда не оставляли его мужество, достоинство, честь.

Великие войны выигрывают духовно сильные народы, наделенные благодарной исторической памятью, глубоко укорененные в родной национальной почве. То, что каждый год мы отмечаем День Победы, – заслуга народа, движимого благородным идеалом, возвращенного на традициях человеческой культуры.

Где-то я даю ссылки. Но, кажется, не везде. В книге использованы материалы работ В. Перова, О. Растренина, Д. Давтяна, Л.А. Рязанова, Н.И. Чеснокова, Владимирского «На Киевском направлении», Хазанова «От Днепра до Балтики», воспоминания С.А. Донченко, С.Н. Гречко, С.Д. Луганского, И.Г. Драченко, А.А. Девятьярова, В.М. Шевчука, М.И. Коптева, Н.И. Пургина, Ю.Балабина, М.П. Одинцова, С.А. Красовского, И.Б. Рязановой, сайты Вас. В. Харина. Всем им автор выражает глубокую благодарность. Покойным – царствие небесное.

Глава 1. Детство. Байбак

Родился Василий Рязанов 25 января (по новому стилю) 1901 года в селе Большое Козино, недалеко от Сормова, рядом с Нижним Новгородом, северная окраина его почти срослась с Козино, всего два километра между ними. Сейчас туда городские автобусы ходят. Долгое время в прошлом уже двадцатом веке Б. Козино было рабочим поселком, многие его жители работали на заводе «Красное Сормово», на авиационном. Сормово – Соромово в свое время – в веке девятнадцатом – принадлежало большекозинскому уезду. Известно Б. Козино с 16 века. Жило там много старообрядцев. До сих пор ухожено старообрядческое кладбище у церкви Архангела Михаила в псевдорусском стиле, с элементами классицизма, сооружение величественное. Она, как и многие другие, была закрыта в советские годы, но в 1992 году возвращена верующим и отреставрирована. Есть разные версии происхождения названия поселка. И от коз, там водившихся, и от владельцев села братьев Козиных. Одному отошло Большое Козино, второму – Малое. Поселок Большое Козино расположен на невысоком увале в двух верстах от реки Волги. В окрестностях поселка – несколько живописных озер: Пестишное, Гурьяново, Вьюшино.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона написано: Козино Большое – село Нижегородской губернии, Балахнинского уезда, при впадении реки Пыры в Волгу. Жителей 2482, дворов 355. В 1608 г. здесь произошло сражение между нижегородцами и приверженцами Лжедмитрия. Делание гвоздей и судостроение. В большой советской энциклопедии: Большое Козино, посёлок гор. типа в Горьковской обл. РСФСР. Ж.-д. ст. (Козино) на ветке Горький – Заволжье. 9,7 тыс. жит. (1967). Население посёлка работает на предприятиях г. Горького и Балахнинского района.

Материал из Википедии – свободной энциклопедии дает справку: Большое Козино – посёлок городского типа в Балахнинском районе Нижегородской области России. Население – 5,7 тыс. жителей (2005). Железнодорожная станция (Козино) на ветке Нижний Новгород – Заволжье. Статус посёлка городского типа – с 1932. Население посёлка занято на предприятиях Нижнего Новгорода и Балахнинского района. Большое Козино – родина дважды Героя Советского Союза генерала В. Г. Рязанова, которому в посёлке в 1953 году установлен памятник. Скульпторы Л.Е. Кербель и В.Е. Цигаль.

Скульпторы хорошие и известные. 8 июля 2001 года, в день пятидесятилетия со дня смерти Василия Георгиевича, у памятника ему отец Алексей отслужил литию по усопшим. Учащиеся нижегородской семинарии спели молитвы. Солдаты возложили к памятнику гирлянду цветов и прошагали строем, равняясь на памятник, отдавая честь герою. В газете «Михайлов день», ноябрь 2003 года, иерей Алексей Червяков писал: «По настоящему государственные проблемы решаются лишь тогда, когда этим занимаются грамотные, а главное, благородные и благочестивые люди, имеющие в сердце своем любовь к ближнему, рожденную Богом. Изменения происходят тогда, когда люди ... делают свое дело не ради наживы, а для радости иных, ради славы Божией». Совершая литию по Рязанову, отец Алексей, видимо,

предполагал, что у него были эти качества: грамотность, благородство, любовь к ближнему, дела не ради наживы.

Сейчас поселок Большое Козино имеет 77 улиц, около 2500 частных владений, около 6000 жителей. В 16-м веке Козино с близлежащими деревнями было вотчиной Троице-Сергиева монастыря. Еще в 1801 году был построен восстановленный сейчас храм Архангела Михаила. В начале XX века археолог В.И. Каменский проводил раскопки неолитических стоянок у Балахны и Большого Козино. В III – II тысячелетии до нашей эры здесь жили племена балахнинской неолитической культуры. Культура эта получила свое название по типичной стоянке близ города Балахна. «Большекозинская» стоянка первобытного человека» у живописного озера Пестишное. Балахнинцы были охотниками и рыболовами. Во второй половине II тысячелетия до нашей эры они выплавляли металл, знали мотыжное земледелие, животноводство [1]. Василий, видимо, генетически полюбил природу, земледелие, огородничество, металл же золотыми звездами украсил его грудь.

В селе Козино жили монастырские крестьяне, выращивая рожь, пшеницу, лен, овес, просо, картофель, капусту. С 1764 года крестьяне Большого и Малого Козино поступили в ведение учрежденной коллегии экономии и позднее слились с массой государственных крестьян. В начале 19 века Большое Козино стало не просто большим селом, а волостью, в состав которой входили: Ляхово, Костенево, Высоково, Копосово, Починки, Сормово. Когда около 1859 года построили Сормовский завод, жизнь Большекозинской волости изменилась. Крестьяне шли работать на завод котельщиками, клепальщиками.

В храме Архангела Михаила Василия Рязанова крестили, о чем сохранилась запись в книге Нижегородской духовной консистории села Козина Балахнинского уезда. В 2006 году вышел документальный фильм «Пасха 1945-го». Там церковные православные праздники привязаны к знаковым событиям войны, оказывая метафизическое воздействие на исходы событий. С точки зрения теории вероятностей на исход событий влияют все факторы. В русской грамоте 1812 года написано: «Войны только начинают люди, а заканчивает Бог – в пользу правых». Через много лет, во время другой Отечественной войны, «Наше дело правое...», – сказал Сталин. Мнение о том, что Россию спасла только вера, можно оспорить, но то, что помимо военных действий происходила и духовная борьба православия с оккультными учениями нацизма, что вера поддерживала бойцов, пожалуй, неоспоримо. Для православных все иноверцы еретики. Победа была выстрадана, путь к ней оказался жертвенным и мученическим.

Люди в Большом Козино живут замечательные: добрые, душевные, искренние. То ли влияние природы, то ли климата и луны? А, может, из волжских разломов проистекают флюиды доброты? Такая вот гуманистическая география. А песни какие поют: «В городе Горьком, где ясные зорьки...», «Алексей Максимович Горький завещал хранить любовь...».

С самого начала своей многовековой истории Нижегородская земля играла важную роль в жизни русского государства, была колоритным и значимым краем. Ни одно важное историческое событие не прошло без участия нижегородцев. Нижегородский край был оплотом патриотизма, центром торговли, местом рождения и развития известных народных промыслов, колыбелью науки и культуры. Здесь легендарное озеро Светлояр, святая Дивеевская земля, таинственные места старообрядческого Керженца [1]. Летчики В. П. Чкалов, В. Г. Рязанов, П. Н. Нестеров, И. Е. Федоров, П. И. Шавурин, авиаконструктор С. А. Лавочкин жили и трудились в Нижнем, оставив в его летописи немало памятных страниц. В Козино народ боевой. Когда немцы наступали так сильно, что обсуждались возможности их подхода к Большому Козино, один из горячих патриотов родного села заявил почти стихами: херовато немцу будет Козино без боя взять.

Стоит Большое Козино в экологически чистом месте, над лугом. Луг тянется до Волги, где большекозинский затон. Там же на лугу есть и Малое Козино. Слева от поселка сосновый лес со святым источником в нем, справа дубрава, дубовая роща. Леса богаты грибами, яго-

дами. Пруд, озеро, образованное запруженной речушкой Пыра, протекающей через поселок. Вода в ней торфяная, коричневая. В прошлом речка Пыра играла большую роль в жизни населения. На ее берегах стояло несколько мельниц, находился паточный завод, куда привозили картофель, из которого делали патоку. Если пройти от церкви направо низом и снова правее, там две узкие старицы тянутся перед Волгой. Поздней осенью листья с деревьев давно опали, погода пасмурная, на небе – темные тучи. Но и в этой погоде есть своя прелесть. Над лугом туман – красивое зрелище. Вдоль Волги на многие километры тянутся пойменные луга, почти как нежный зеленый ковер у поселка. Легко и привольно в окрестностях. С незапамятных времен, с 16-го века, бьет в сосновой роще ключик преподобного Пафнутия Балахнинского. Источник известен тем, что именно он был местом совершения молитв святого, основателя Покровского монастыря в Балахне. Вода источника богата серебром и полезна при простудных заболеваниях. В конце 2007 года территория у ключа была обустроена, построена купальня, и 18 января 2008 года состоялось ее открытие. Под образами Спаса и Богородицы в день Святого Духа после Троицы и на крещение собираются у животворной воды верующие, паломники.

Как богата и красива природа, была и духовная жизнь поселка. Мой брат Георгий, объездивший почти весь мир, специалист в вопросах науки, религии, побывавший во многих мировых центрах философской, научной мысли, говорит, что уровень духовной жизни в Большом Козино был намного выше, чем где бы то ни было. Там развивалось множество теорий, как спасти человечество. Один предлагал сажать деревья, у других были иные методы. Недаром – говорил Георгий – из Козина вышло много начальников, сделавших немало добрых дел.

Василий мальчишкой бегал и по сосновому лесу, и по дубраве, купался в Пыре, плавал в Волге, зимой катался на лыжах на ямах – горках рядом с деревней, на коньках на пруду, отгребал снег, скалывал лед во дворе, летом косил сено на лугу. Козинцы знают его любимые места в лесу, горки, с которых он катался. Пруд был его любимым местом летом. Дядя Яков был большой мастак в косьбе, налаживал и племяннику косу. Косьба – и потом считал Василий – самый здоровый вид физического труда. Травы в лугах выше человеческого роста, птицы поют, облака на небе, – божья благодать. И он с детской непосредственностью радовался этому светлomu миру, наслаждался его открытостью и огромностью, играл и бегал с детьми, искренне и заливисто смеясь; был счастлив. С друзьями Степаном Салтыковым и Иваном Дворяниновым ловили рыбу, лазили за яблоками. Вася был добрым, отзывчивым, ребята его любили, в играх часто выбирали командиром. Яков был и прекрасным столяром, учил племянника орудовать стамеской и рубанком. Васе очень нравился запах стружки и то, как из куска дерева по твоей воле возникает задуманный предмет. Мой брат Георгий, зная и братьев, и сестер отца и братьев дедушки: Якова и Михаила, рассказывал мне, что дядя (для меня и Горы – двоюродный дедушка) Яков жил впритык с домом отца. Перед революцией он был руководителем местного отдела Союза русского народа, за что его затем посадили. На сколько, – Гора не помнит. Действительно, сразу после Февральской революции 17-го года все организации монархические были запрещены, а против руководителей Союза возбуждены процессы. Затем Октябрьская революция и красный террор привели к гибели многих лидеров Союза русского народа. Но Яков выжил. Из дерева Яков, по словам Горы, вырезал удивительные вещи. Он работал или сторожем, или садовником в парке, или совмещал эти должности. Но время для поделок у него оставалось, и он постоянно что-то мастерил. С внуком Якова, своим ровесником, соседом и троюродным братом, Юрием Александровичем Рязановым, Гора дружил в детстве, во многом под его влиянием начал заниматься физикой. Юрий затем работал в космической области в Подлипках. Удивительно светлая личность, – отзывался Гора о Юрии Рязанове. Его отец умер в возрасте двадцати одного года, когда Юра был младенцем. Сыну отец оставил скрипку, физическую лабораторию и энциклопедию Брокгауза и Ефрона. Юрий школьником прекрасно играл на скрипке, ставил физические опыты, к которым привлек Гору и еще одного друга, и был энциклопедически образован. Гора о времени, когда он жил в Большом Козино, вспоминал

почти с умилением. Там он духовно сформировался, вырос. И наш отец Василий, видимо, – тоже. Я был в Большом Козино несколько раз, недолго. Но какое-то ощущение родины предков, пожалуй, осталось. Основное впечатление – честность жителей. Как Гора говорил об отце: главной его чертой была честность.

Над берегом пруда живописно расположен парк – любимое место отдыха жителей. В парке проводятся различные поселковые мероприятия. Парк разбили в 1919 году. Василий с братьями посадили напротив своего дома пять берез в честь пяти братьев и две липы для двух сестер. После революции улица, к которой относится Большекозинский парк, получила официальное название Рассадничкая, на территории парка стояла теплица капустной рассады. В 1975 г. в честь 30-летия Великой Победы собрание жителей постановило назвать улицу именем генерала В.Г. Рязанова.

Когда Василий Георгиевич уже после войны дважды Героем приезжал в родное село, он так же непосредственно, как и раньше, общался с друзьями детства. Он вообще был лишен зазнайства, высокомерия, показной гордости чем-то внешним. Был простым, непосредственным, внутренне свободным. Хотя брат Георгий говорил, что иногда ему не хватало душевной чуткости. Так, он помешал отношениям Горы с его одноклассницей, чей внешний вид чем-то не понравился отцу. Однако родные места он любил, чувствуя, может быть, свое звено в цепи поколений, живших в стремлении к добру и красоте.

П.И. Мельников в своей дилогии "В лесах" и "На горах" тоже вспоминает о Большом Козино: «А вот село Козино. – Много девок свезено. А вот Нижний Городок. – Ходи, гуляй в погребок. Вот село Великий Враг. – В каждом доме там кабак. А за ним село Безводно. – Живут девушки зазорно. Рядом тут село Работки. Покупай, хозяин, водки». Не вошли в роман строфы: «А в Большое Козино сто воров навезено. Нас прижал под ноготок. В каждом домике кабак. Вот село стоит Безводно, – Пей-гуляй беспереводно. (Девки очень довольны). А пониже-то Работки. – Подноси всем девкам водки. А в Исаде под горой водят девок под полой. Как у старого Макарья по три денежки Наталья».

Какие пространства пересекались, какие астральные оболочки запутывались, какие вихри и бифуркации образовывались? Хаос перемежался с порядком, сепаратрисы множились и изгибались, ребенок родился, рос, и получил прозвище байбак. Любое прозвище, кличка, погоняло, отличает человека, выделяет его. Правильное ли, неправильное, обидное или лестное, но индивидуализирует названного, дает ему отметину. Мать прозвала, любя? Что такое байбак? Сурок, хорек, сонный и ленивый. Так называют неповоротливого ленивого человека, мешкотного, лентяя и соню. Почему байбак? Может, Василий был погружен в сферы, отдаленные от большекозинских повседневных забот, вращаясь душой в других мирах? Ленивым он, наверное, не был. Но инстинктивная экономия душевных сил, которые так понадобятся вскоре, возможно, была. Может быть, пониженная температура тела вызывала сонливость? Он не погружался в мелкую суету, непрерывные дразги, игнорировал то, что неосознанно не влекло его, концентрировался на главном. Н.П. Каманин писал, что в 1942 году на фронте он показался ему несколько флегматичным, но скоро Каманин убедился, что это не так. А Гора говорил, что слово байбак означало еще и волк, – отец дрался за правду, как волк. И матери тех ребят, с кем он дрался, прозвали его байбаком–волком. Гора говорил, что, когда он пришел в школу, одноклассники были уверены, что его фамилия Байбаков. Так и рождаются фамилии. Был, помнится, председатель госплана Байбаков.

Василий, Васька-байбак, был первым ребенком в семье отца Егора (Георгия) Васильевича и матери Натальи Алексеевны. Отец матери был народным сказителем. Наталья Алексеевна знала огромное количество народных песен, большей частью, неизвестных. Мой брат Гора как-то пытался их записывать. Традиции сказов сильны на русском Севере, в районе Архангельска, где много выходцев из нижегородских. У Егора было два брата: Михаил и Яков. Михаил был уважаемым человеком в селе, мельником. Несколько лет был Михаил и старо-

стой села. Мельница стояла на Пыре. Подъезжали подводы с зерном, мужики степенно договаривались с Михаилом, затем увозили муку. Мальчишкой Вася любил бывать на мельнице; вдыхать запах муки, смотреть на приезжих. Он вспоминал бабушкины сказки, представляя их героями – кого-то злодеем, другого добрым молодцом, а тот настоящий балда. Михаил затем помог племяннику поступить в Балахнинское четырехклассное высшее начальное училище. Гора рассказывал историю, как, наверное, во времена нэпа Михаил открыл магазин напротив своего дома, посадив туда работать жену. К ней пришли подруги. За разговорами пропустили рюмочку, другую, затем и сам Михаил присоединился. В итоге пропили магазин. Но Гора, наверное, ошибся. Не все истории достоверны. Родные Михаила обиделись, говоря, что Михаил прожил 88 лет, вообще не зная вкуса спиртного. На старом снимке он сидит в центре группового снимка с окладистой бородой, медалями, заложив левую руку за борт сюртука. На снимке, впрочем, все одиннадцать мужчин с бородами, только у одного в пенсне и с аккуратным пробором бородки почти не видно, зато концы усов щегольски закручены кольцами вверх.

Егор стал работать на лошади. Но это чуть позже. А перед своей свадьбой он только вернулся с военной солдатской службы, где был четыре года. Вскоре началась война с Японией. Его снова забрали на Дальний Восток. Отсюда и любимая песня «Варяг» у Василия. И он сам, как герои «Варяга», никогда не сдавался. Пойдет отец с сыном в лес за грибами и ягодами, и рассказывает всю дорогу о военных делах, про злых самураев, о штыковых атаках, о набеггах русской конницы, о сражении при Мукдене, Порт-Артуре, Цусиме. Запали в душу Василия рассказы отца. Может, и военным он стал под влиянием этих рассказов. С раннего детства воспитывался он на высоких нравственных примерах. С другой, более масштабной войны, 10 января 1945 года Василий пишет сыну Георгию: «Вышла замечательная книга Степанова «Порт-Артур». Мне ее прислали. Я бегло прочитал, буду еще читать. Сейчас книга ходит по рукам. Постарайтесь достать, так как здесь единственный экземпляр. Ее всю зачитают, и послать будет нечего». Сейчас передо мной лежит эта книга, объемный том более 700 страниц с автографом Рязанова и неверно поставленной датой: 7.1.44 (надо 45, но год только начался и по инерции, видимо, был поставлен еще прошлый). В приложении карта Порт-Артура военного образца. Книга действительно зачитана, но сохранилась неплохо.

Егор вернулся с русско-японской войны, разделился с братом, с которым до сих пор жил вместе. При разделе ему досталась старая полуразвалившаяся изба и корова. Без лошади нельзя было вести свое хозяйство. Он пытается поступить на сормовский завод, но один глаз после войны у него почти не видит, да и вообще здоровье неважное.

А семья прибавляется, ее надо кормить. Шесть младших братьев и сестер было у Василия, первенца в большой крестьянской семье. Следом за ним родились братья Алексей, Павел, Абрам, Сергей, сестры Полина и Мария. Для сестер и братьев Василий был наставником по огородным работам, на сенокосе, заготовке дров. Егор предпринял еще несколько попыток поступить на сормовский завод и в другие места на постоянную работу, но безуспешно. Тогда он занял тридцать пять рублей (немалые деньги по тем временам), купил на них старую, еле стоявшую на ногах лошадь. Земли было очень мало, все сельское хозяйство сводилось к уборке сена, да немного сажали картошки. Участок этот еще сохранился, дом уже развалился, на его месте выстроен новый. В Козине сажают огороды, с них часто и живут. Основная забота – полив скудной подзолистой почвы. В 1944 году в письме сыну Георгию Василий Георгиевич напишет: «Вообще, самым благоприятным, полезным и приятным из всех видов труда считаю огородничество».

Егор большей частью работал на лошади по извозу. Основной постоянной работой была обязанность возить пиво из города местному трактирщику. Не вылезал из долгов у трактирщика, и вся его работа сводилась к отработке долга. В остальное время пытался найти еще какую-то работу на лошади. Часто никакой работы не было, и приходилось целыми днями сидеть без куска хлеба. Нередко доходило до того, что мать ночью ходила в соседние деревни

просить милостыню, скрывая свое имя и лицо, чтобы не узнали: просить милостыню, когда есть мужчина в семье, считалось очень зазорным.

Семья все прибавлялась, к 1914 году уже было семь человек детей. Отец выбивался из сил, но не мог прокормить всю ораву. Зимой дети сидели дома на печке: не во что было одеться, чтобы выйти на улицу. Только весной, с наступлением тепла, выползали наружу. Вид у всех заморенный, ни кровинки на лице. Василий расстилал тряпки на крыше сарая, очищенной ими от снега, чтобы ребята погрелись на весеннем, – как он говорил, – самом полезном солнышке. Так и вырабатывались у него командные и организаторские навыки. И помогал, конечно, Василий нянчить братьев и сестер, в хозяйстве. Был любознательным и жизнерадостным, и очень хотел учиться. Уже в военное время он рассказывал сослуживцам: «Учиться мне очень хотелось, поэтому учился и учусь постоянно».

Василий работал дома по хозяйству чуть ли не с тех пор, как встал на ноги. А с семи лет уже старался как-нибудь хоть немного заработать денег, помочь вечно голодающей семье. Иногда он работал в местной пивной, подавал пиво, а больше ездил в город за пивом на лошади, – отец часто болел. Хорошо, лошадь была смирной. В девять лет он поступил на кирпичный завод, на хозяйской лошади подвозил глину к заводу. Работа была тяжелая, в летнее время от восхода до захода солнца. Зато платили по сорок копеек в день. И заработок сына стал больше, чем у отца. Кормильцем семьи становился старший сын. Похожее детство было у конструктора Ильюшина, у многих будущих военачальников и у других миллионов деревенских детей во всей огромной России.

Зимой Василий учился. В 12 лет окончил пять классов местной сельской школы, точнее, двухклассное земское училище с пятилетним сроком обучения. В 2005 году школе, уже новой, на старом здании была мемориальная доска, присвоено имя В.Г. Рязанова. Школа стоит на месте, где Рязанов сажал свой самолет, прилетая по несколько раз в год перед войной к землякам и родителям. Сразу переодевался в штатское и шел на Волгу, в лес, в луга. Учитель Василия Начинский В.Н. вспоминал: «За уроками он был активен, задавал много вопросов. Особенно любил арифметику и историю». Он стал одним из лучших учеников класса. С 1901 по 1919 год Рязанов Василий жил в поселке Большое Козино, почти сорок процентов своей недолгой жизни там прожил. Здесь формировались его характер, его воля и дух. В редкие свободные деньки тянуло Рязанова на речку, где вместе со сверстниками играл он в казаков-разбойников, плавал, удил рыбу.

Он очень хотел учиться дальше, но не было денег на учебу, и надо было поступать куда-либо на казенный счет. Удалось поступить в училище в уездном городе Балахна. В 1912–1917 гг. оно называлось Балахнинское высшее начальное училище. Тут важно отметить самопожертвование отца. Хотя Василий денег из дома не брал, – их не было, но семья лишалась работника, а Василий уносил из дома хлеб и картошку для пропитания. Помог племяннику и дядя Михаил. Добирался Василий до Балахны часто пешком за 12 верст, зимой, в метель и стужу, нередко в драных ботинках и расползающихся штанах. Через Малое Козино и Рогожино, по суходолу – дубовой роще, она тянулась вдоль Волги до самой Балахны. Когда было тепло, весной, он по дороге купался в Волге, с удовольствием плавал. Будучи учеником Балахнинского училища, Рязанову приходилось подрабатывать почтальоном (в 1914 году на станции Рузаевка, затем в Сормово), работать на кирпичном заводе. Высшее начальное училище давало и профессию учителя, чем Василий вскоре и воспользовался.

Ходила пословица: «Стоит Балахна, полы распахня». Еще тогда говорили: «Балахна смотрит на юру». Здесь жили его родные по матери. И зимой он иногда по несколько месяцев жил у них. Здание школы, рядом с церковью, двухэтажное, добротной постройки, с высоким крыльцом, высокими потолками, широкими коридорами и высокими и широкими окнами. Просторные комнаты – классы тогда – залиты светом. В 2001 году, когда я там был, здание пустовало. Мне показалось, что аура у дома какая-то светлая, добрая. В земстве Василий

выпросил стипендию, сначала 15 рублей, а потом дали и 30 рублей в год. Учился он отлично. В 1916 году училище Василий окончил. В Балахне помнят Василия Георгиевича, земляка, ученика их школы, гордятся его делами, любят его. Наравне с Кузьмой Мининым стал сегодня Рязанов для балахнинцев символом героической истории края.

В 1915 году отца, несмотря на проблемы со здоровьем, снова забрали в армию, на первую мировую войну. Василию едва удалось окончить училище, хотя и был он в числе лучших учеников. Но пришлось стать старшим мужчиной в семье, все хозяйство перешло на него. Не удавалось заготовливать сено, нечем было кормить корову, и Василий ее продал. Источником заработка оставалась лошадь, и все заботы сосредоточились на том, чтобы ее удержать. В конце 1916 года отец вернулся из армии уже совсем инвалидом. Больше года прослужил, и только тогда увидели, что к службе-то он не годен. Но на лошади, хоть и с трудом, работать он мог. Умер отец в 1934 году. Василию приходилось брать на себя самую тяжелую работу: сенокос, погрузку, ремонт телеги.

Потом Василий, чтобы заработать для семьи, поступил в местное потребительское общество. Сначала перетаскивал тяжести, затем на него, как на парня грамотного, возложили работу по счетоводству и всю канцелярскую часть. Оттуда он перешел работать в открывшееся почтовое отделение. На почте работал и в Сормово. Был он и рабочим на кирпичном заводе. Рано пришлось Василию нести ответственность за себя и за других, повзрослеть. Потом эти ответственность и взрослость только росли. И лишь в снах иногда ощущал он себя беззаботным ребенком, вспоминая утром с сожалением эти сны, приходившие очень, очень редко. Наступил февраль 17-го года. Василий пытался разобраться в событиях. Тогда он в Балахне был учеником телеграфиста на почте.

1 марта революция пришла и в Нижний Новгород. Иерей Алексей Червяков в упомянутой выше газете писал: «В различных революциях мы много найдем схожего с бунтом Сатаны. ...но ни одна из них не породила ничего, кроме хаоса, не решила социальных вопросов, тем более не удовлетворила духовных исканий». 2 марта революционные солдаты и рабочие сбросили с фасада губернаторского дворца императорскую корону, арестовали губернатора А.Ф. Гирса, вице-губернатора и других представителей царской власти. Тут же возникли советы рабочих, а также солдатских депутатов, объединившиеся в начале апреля в общий Совет рабочих и солдатских депутатов. В апреле-мае по всем уездам губернии создаются советы крестьянских депутатов, хотя оставались здесь уездные и городские земские управы.

Василий вступил в Союз молодежи, в котором и работал, совмещая с работой на почте, там он был контролером в сберкассе, – работа ответственная, не дай бог ошибиться или просчитаться. Октябрь застал его в Сормово. К осени 1917 года политическую и военную инициативу в Нижнем Новгороде перехватили большевики. В конце октября власть практически оказалась в руках большевистского Военно-революционного комитета. 2 ноября 1917 года только что обновленный состав Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов провозгласил полномочия Советов в городе и губернии.

В октябре Василий принимает участие в организации Революционного Совета почтово-телеграфных работников, и избирается секретарем этого Совета, хотя был еще 16-летним юнцом. На пожелтевшем листочке выписан мандат №2, датированный 11(29/III) апреля 1918 года (даты нового стиля еще не устоялись): Предъявитель сего есть действительно секретарь Сормовского Революционного Совдепотель (странное слово, с ятем, по старой орфографии, но так в документе, видимо, совет дел почтово-телеграфных) Василий Георгиевич Рязанов, что подписью с приложением печати и удостоверяется. Подписан мандат председателем местного революционного совдепотель и его членами. Стоят печать и штамп Сормовского местного комитета всероссийского почтово-телеграфного союза. Весной 1918 года Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже управлялась губерния, а земское самоуправление

ликвидировали. В апреле 1918 г. началась национализация крупных заводов и фабрик. Одним из первых был национализирован Сормовский завод.

В Большом Козино сейчас есть улица генерала Рязанова, на которой родился, жил и рос Василий, и просто улица Рязанова (Николая Рязанова), двоюродного брата Василия, сына его дяди Михаила, мельника. Николай активно участвовал в революции. Оказавшись в Архангельске, когда его оккупировали англичане, боролся с ними. У него была кличка «гармонист», потому что во время подпольных совещаний он наигрывал на гармошке, имитируя обычную вечеринку на случай внезапного обыска. Но это не спасло его от ареста и расстрела. Когда их выводили на расстрел, он заиграл на гармошке и запел «Интернационал». Ему стали подпевать товарищи, падая под пулями. Сейчас, когда выясняется, что интервенция Антанты была направлена на уничтожение России, а не на поддержку белой армии, его борьба и гибель представляются патриотическим подвигом.

Козино родное, ты стоишь на Волге,
Красотой своею привлекаешь ты,
Мы в тебя влюбились, кажется, надолго,
И тебе доверили лучшие мечты.
Над дубравой всходит солнце золотое,
Тень дубов высоких пляшет на пруду,
Костерок игривый, пламя озорное,
Огоньком поманит взрослых, детвору.
– пишет современный поэт, патриот родного села.

Василий Георгиевич был рожден под этим небом, ходил по этой земле, дышал этим воздухом. Его здесь помнят. Во всех народах войны почитались, как защитники, закрывающие собой своих соплеменников от набегов. И он всегда помнил о родных местах, о людях, давших ему жизнь и силы для свершений. Здесь в военные годы жил его старший сын Георгий, Гора. Отец писал ему письма, находя для этого время среди самых напряженных боев, вспоминая о косьбе и огородничестве, купании, лыжах и других детских козинских занятиях. Эти воспоминания подпитывали генерала, в них он черпал силы, хотя бы в мыслях, как сказочный богатырь, припадая к родной земле.

Земляки же ответили долгой своей памятью о Василии, гордостью за него, любовью к нему за его подвиги. В 2011 году отмечался 110-летний юбилей генерала. Утренний митинг у памятника ему собрал, несмотря на мороз, почти полную площадь. Люди ловили каждое слово выступавших. Поселок был засыпан снегом. Но открыли мемориальную доску на доме, построенном на месте, где стоял родной дом Василия. Школьники школы имени Рязанова издали книгу своих стихов о нем, дарили самодельные подарки ветеранам его корпуса. Полный зал был и в Балахне, где показали фильм о военачальнике, выступали ветераны, пели песни. Встречи состоялись и в Чкаловске, в доме-музее В.П. Чкалова, и в Балахне у мемориала Советским воинам, – ветераны отдали дань памяти погибшим. В Сормовском сквере имени Рязанова, открытом в 2010 году, возложили цветы к памятному камню, как и в Нижегородском кремле, где посту №1 у Вечного огня присвоено имя Рязанова, а еще стоит небольшой обелиск с именами дважды Героев Советского Союза В.Г. Рязанова и А.В. Ворожейкина, – к нему тоже возложили цветы. Истребитель Ворожейкин прикрывал штурмовиков Рязанова на Калининском фронте. Похожие встречи были и в 2016 году, когда Василию Георгиевичу исполнилось бы 115 лет. В Большом Козино отмечали день рождения своего прославленного земляка. Каждый год в день рождения генерала в школе №20 имени Рязанова проводят уроки его памяти.

[1] История Нижегородской области. <http://www.bg-znanie.ru/print.php?nid=10350>

Глава 2. Юность. Коммунистический университет

Наступило лето 1919 года. Василий, чтобы помочь семье, перебрался из Сорново в Большое Козино. Здесь он оказался в гуще общественной жизни села: работал в союзе молодежи, был председателем общества «Народный дом». Правлением Бол. Козинского общества 15 октября 1919 года выдано удостоверение в том, что предъявитель сего есть действительно председатель правления Б. – Козинского общества «Народный дом» Василий Георгиевич Рязанов. Во дворе ли, в подворотне, в любом коллективе, – такой закон самоорганизации, – люди сбиваются в стаи, компании, выбирают вожака, он затем тянет за собой своих. Закон синергетики: всегда существует управляющий параметр, человек, в данном случае, подчиняющий себе окружение. Но Василий не хотел быть вожаком. Он хотел учиться. Его знаний еще не хватало ему. Но пришлось учить других.

Сельская школа в Козине была одной из лучших в уезде. Но она разваливалась тогда, не хватало учителей. Местные жители упросили Василия поработать учителем. А ему надо было помогать младшим братьям и сестрам, быть рядом с ними. Отдел народного образования назначил его учителем в эту школу. Деревянное здание школы сохранилось до сих пор. Теперь рядом с ним памятник Рязанову, а на стене здания была мемориальная доска о том, что он там работал. В 1981 году бывшая ученица Василия Георгиевича вспоминала, как он приходил на уроки всегда подтянутым, чисто одетым, со всеми, даже самыми маленькими, был вежлив, объяснял материал увлеченно, доходчиво. Августом 1919 года датировано удостоверение о том, что он учитель Б. – Козинской едино-трудовой советской школы №1 1-й ступени. 6 декабря 1919 года выдано такое же удостоверение большекозинским волостным исполкомом. Гора рассказывал мне, что отец, прилетая в Козино, катал его на самолете, делая фигуры высшего пилотажа, «мертвую петлю». Козинцы с восхищением наблюдали. Еще Гора говорил, что чердак дома Василия был во время войны, когда Гора там жил, завален множеством книг,

оставленными уже братьями Василия Георгиевича. Гора прочитал там много интереснейших книг.

Е. Сорокин, ставший директором Б-Козинской средней школы в 40-х годах, вспоминал, как он сам учился у Рязанова: «С великим благоговением вспоминаю то время, когда я учился в начальной школе у Василия Георгиевича Рязанова. Помню: скромно одетый, худощавый на лицо, спокойный в движениях, жизнерадостный приходил он в класс и учил нас письму и чтению». Всю жизнь Василий учился сам и учил других.

Учить ведь тоже способ учебы, причем, не худший. Работал в школе он до конца 1919 года, когда отдел народного образования назначил его внешкольным инструктором. Балахнинским уездным исполкомом советов рабочих и крестьянских депутатов 19 апреля 1920 года выдано удостоверение, о том, что Рязанов В.Г. состоит инструктором внешкольного п/отдела. Он ездил по уезду, инструктировал в школах. Некоторым учителям, особенно, со стажем, солидным, не нравилось, что присылают учить их мальчишку. Но, когда выяснялось, что Василий, несмотря на молодость, сам поработал учителем, что парень он свой, местный, но уже образованный, отношение менялось. Да и Василий был вежливым, обходительным, не кричал, не ругался, как некоторые нервные проверяющие. Ни в чем особо не старался убедить. Спокойно, обстоятельно, Василий рассказывал об обстановке в стране, в волости, уезде, о новостях, о своих делах, о других школах, расспрашивал о заботах местных, может, чем помочь надо. Детально вникал во все вопросы, подробно их разбирая. И все так же спокойно, но в то же время веско и емко, подходил к проблемам с новой, неожиданной стороны. Мягко, ненавязчиво, тактично, строго и по-деловому, давал какие-то советы, делал предложения. Советы и предложения оказывались очень дельными. Это нравилось. Кто-то даже предлагал Василию остаться у них поработать. Чувствовались в этом парне ум и характер. Другой бы на его месте был бы упоен тем, что старика может унижить, свое самолюбие потешить. Василию такое даже в голову не приходило.

К концу гражданской войны экономика Нижегородского края оказалась в очень тяжелом положении. В Балахне возникли проблемы с продуктами и прочими товарами. Решили отправить Василия в Нижний за помощью. Выписали ему бумагу. Штамп: РСФСР. Балахнинский уездный исполком советов рабочих и крестьянских депутатов. Апрель 19 дня 1920 г. №2168. Гор. Балахна, Нижег. губ. Мандат. Предъявитель сего тов. Рязанов Василий Георгиевич инструктор внешкольного потдела балахнинского уотнароба уполномочен отделом на ведение всякого рода переговоров с нижегородскими губернскими учреждениями, а равно и на получение материала и продуктов. Подписи председателя отдела и секретаря. Странное слово уотнароб, видимо, расшифровывается как уездный отдел народного образования. Василий с этим мандатом отправился в Нижний, ходил по губернским учреждениям, вел всякого рода переговоры, но ничего не получил: ни материала, ни продуктов.

Уком (уездный комитет) партии иногда давал ему поручения инструктировать и сельские ячейки РКП. Тут выяснилось, что он не член партии. И позднее в его жизни с этим вопросом складывалась неоднозначная ситуация. В 1938 году перед арестом его исключили из партии. Только в 1950 году, когда его выдвинули кандидатом в ЦК Украины, оказалось, что формально он исключен из партии. Срочно восстановили.

И в 1919 году, когда Василий работал в комсомольской ячейке Б. Козино, в селе все его называли большевиком. Он сам думал, что он большевик, поскольку был комсомольцем. Такое неформальное отношение ко многим вещам было в его характере. Сохранился членский билет №157 социалистического союза рабочей молодежи Сормовского района, выданный тов. Рязанову В.Г. с 1-го января 1918 г. по 1-е января 1919 г. В Б. Козино была сильная организация эсеров. Так что у него был выбор. Сделал он его, не задумываясь, видимо, о партийных спорах, а подчиняясь логике необходимости непосредственной повседневной работы. Он написал заявление, и до мая 1920 года был кандидатом, а в мае уже стал членом РКП.

Сохранилась личная карточка № 411 члена 1-й роты, от 29 мая 1920 г., где на основании секретного приказа Рев. Воен. Совета Республики тов. Рязанов Василий Георгиевич имеет право на хранение и ношение при себе в пределах гор. Н. Новгорода одной винтовки системы «Витерле» №8589 и определенного количества патронов к ней, и членский билет № 23 Российской Коммунистической Партии (большевиков) нижегородской организации. Оружие, возможно, требовалось для самообороны, иногда в Н. Новгороде было тогда небезопасно. Личная карточка удостоверяла состояние товарища, на имя которого она выдана, в коммунистическом отряде района, что являлось обязанностью коммуниста. Примечание: личная карточка не может служить видом на жительство. Товарищи, зачисленные в отряд особого назначения, не считались состоящими на военной службе, и никакими отсрочками и преимуществами по призыву на военную службу не пользовались. В том же 1920 году он был откомандирован в губсовпартшколу. В удостоверении, выданном Нижегородским губернским комитетом РКП(б) 14 июля 1920 г. за № 51 говорится: Предъявитель сего курсант Высшей Политической Школы при губкоме РКП тов. Рязанов командирован в Балахнинский уезд для проведения очередных компаний (недели детей рабочего и крестьянина, и недели крестьянина) сроком до 29 июля сего года, по истечении которого без всяких задержек и опозданий должен явиться обратно в распоряжение Высшей Политической Школы. Все советские учреждения и лица обязываются оказывать тов. Рязанову всякое содействие в выполнении возложенных на него обязанностей и своевременной явки в школу. 24 ноября 1920 года он получил удостоверение, что действительно прослушал 4,5-месячный курс лекций в ВПШ РКП Нижегородской губернии.

Потом Василия мобилизовали в армию. Он хотел на фронт, но его не пустили и направили работать лектором-агитатором политического отдела губвоенкомата (погуб). Повезло, наверное, что не участвовал в братоубийственной гражданской войне. После слияния погуба с губполитпросветом его послали работать руководом (была такая, несколько странно звучащая сейчас должность, руководитель политкружка) в губсовпартшколе. В ВПШ Нижегородского Губкома РКП(б) 2 декабря 1920 года выдано удостоверение, что Рязанов В.Г. является руководителем кружковых занятий при губернской Советской Партийной школе, действительное по 1 января 1921 года.

В 1921 году его послали на 2-х годичный курс Свердловского Коммунистического университета в Москву. Тогда продолжительность курса менялась. Если в момент откомандирования она составляла 2 года, то за время его учебы выросла до 3-4 лет. Нижегородский Совет рабочих и крестьянских депутатов выдал удостоверение, что тов. Рязанов действительно откомандировывается в г. Москву в ком. университет имени Свердлова. 14 марта 1921 г. политуправление реввоенсовета республики (Москва, Сретенский бульвар 6) выдало удостоверение №96ба: дано сие тов. Рязанову В.Г. в том, что действительно демобилизован на основании отношения центрального комитета РКП за № 627, что подписями с приложением печати удостоверяется. От руки написано: справка: приказ Р.В.С. №2804 от 17.12.20. На обороте выцветшими чернилами и карандашом написано: по квитанции № 153 от 14.6 выданы сапоги, гимнастерка, брюки, белье, носовой платок, фуражка. По квитанции №247 от 21.6: шинель, носки, ремень. Одновременно со Свердловским университетом в Москве он посещал рабфак и окончил его в течение года. В бумаге, выданной рабфаком 16 марта 1922 г., президиум рабочего факультета ПСХА (Петровской сельскохозяйственной академии) сообщает, что переведенный на рабфак 1-го государственного университета тов. В. Рязанов числился за рабфаком ПСХА с 29.04.1921 г. в группе 3-го года обучения. Местной комиссией по проверке состава студентов оставлен на рабочем факультете.

Рабфак Петровской сельскохозяйственной академии (будущей Тимирязевской сельскохозяйственной академии) занимал главный дом усадьбы Грачёвка, по фамилии М.С. Грачёва, купца и последнего владельца усадьбы, в селе Ховрино. С главным домом галереей связан кухонный флигель. Здание красивое. Со стороны парка фасад украшен скульптурами, вазами,

каменными львами, ажурная башенка. В доме огромный зал для танцев с большим камином. Прототипом дома послужило казино в Монте-Карло, где, по преданию, М.С. Грачёв нажил своё состояние. Рабфаковцам было где разгуляться.

Они же упорно учились. Им читали политэкономии и литературу, иногда совмещая: тему иллюстрировали выдержками из книги "Джунгли" Синклера, водили в музеи и читали лекции по искусству. Работал литературный рабфаковский кружок. Были экскурсии в банк, очень интересные: директор банка говорил о роли банка в хозяйственной жизни вообще и о его роли в жизни республики (банк – сердце, деньги – кровь!). Василий ходил на заседания методологического и политико-экономического кружков, участвовал в оживленных прениях. Остальные два года пребывания в свердловском университете Василий свою учебу совмещал с работой. Преподавал на вечерних общеобразовательных курсах, вел пропагандистскую работу в красноармейских частях, был руководом на курсах уездных партработников при ЦК ВКП. Последние месяцы с февраля по июнь 1924 года работал инструктором Сокольнического райкома РКП. Сокольнический райком РКП(б) 13.03.24 г. выдал удостоверение, что его предъявитель тов. Рязанов В.Г. действительно состоит на службе в райкоме в должности инструктора агитотдела и удовлетворяется жалованьем в размере (графа не заполнена). Удостоверение действительно до 1.04.24 г. (на 17 дней). Стоит факсимильная подпись секретаря райкома В. Котова. Котов Василий Афанасьевич, партийный деятель, был внешне похож на В. И. Чапаева. В 1915 году вступил в РСДРП, большевик. Неоднократно арестовывался. В 1917 году работал в Москве. В 1919-1925 годы секретарь Сокольнического райкома РКП(б) (Москва). В 1925-1928 годы секретарь Московского комитета ВКП(б). В 1925-1930 годы член ЦК ВКП(б). В 1936 году арестован. 25.5.1937 года приговорён к смертной казни. Расстрелян.

Работой Василия довольна Татьяна Федоровна Людвинская, активный участник революционного движения, член Коммунистической партии с 1903, также работавшая в райкоме. 19 мая 1924 года Сокольнический райком РКП (б), Москва, ул. Красносельская, 5, выдал справку №1273: Агитотдел Райкома удостоверяет, что тов. Рязанов В.Е. студент лекторского курса Коммун. Ун-та им. Свердлова работает с февраля 1924 г. в качестве инструктора пропагандистского п/отдела Райкома. Т. Рязанов проявил себя как хороший организатор, добросовестно выполняющий возложенную на него работу. Он руководил и сокращенной школой политграмоты (ленинского призыва). На пропагандистской работе тов. Рязанов проявил умелый подход к рабочей аудитории. Брат Георгий рассказывал мне, что студенты жили в общежитии, там все крепко сдружились. Когда же отец работал инструктором Сокольнического райкома, ему дали квартиру в Сокольниках. Однако жить там ему пришлось недолго.

Лекторский курс был повышенным курсом Свердловского университета, аналог нынешней аспирантуры, в которую он затем и преобразовался. Рязанов, как и другие студенты лекторского курса, мог продолжать учебу в институте красной профессуры. Практически всю свою сознательную жизнь Рязанов учился и учил других, закрепляя и применяя при этом полученные знания. Часто он оказывался лучшим и в учебе, и в работе, но никогда не зазнавался, – вот эта черта была ему совершенно не свойственна. И у других он не любил напыщенности, гордости своим положением, своими успехами. 1 июня 1921 г. Рязанов избран членом бюро комячейки Петровской сельскохозяйственной академии. 1 июля 1922 г. ему, слушателю рабочего факультета имени М.Н. Покровского, выдано удостоверение, что президиумом рабфака предоставлен отпуск с 1.07 по 1.09. По окончании указанного срока названный тов. Рязанов В.Г. обязан вернуться на факультет.

Важно представить обстановку, в которой в Москве после села и провинциального Нижнего оказался 20-летний Василий. Впрочем, он не был провинциалом и никогда не боялся попасть впросак, повсюду чувствовал себя уверенно, вел себя активно, иногда вступая в конфликты. Было такое время: слома устоев и утверждения новых порядков и новых традиций. Кипящий переходной слой революционного перехода перемешивал общество. Невиданные

эксперименты, а – главное, – надежда и вера у молодежи в то, что все подвластно человеческой воле и разуму. И не только в России. Процветала антропософия, летали первые пилоты. Антропософией он не занимался, а летчиком стал.

В БСЭ написано: Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, первое в СССР высшее партийное учебное заведение, готовившее кадры партийных и советских работников. Образовался из созданных в июле 1918 в Москве по инициативе Я.М. Свердлова курсов агитаторов и инструкторов при ВЦИК... Курс обучения в университете вначале составлял 6-8 месяцев, затем был увеличен до 2, 3, 4 лет. В программу коммунистических университетов входили циклы общественно-политических (история, философия, политэкономия), естественнонаучных (математика, физика, химия, география, биология) дисциплин, а также изучение русского и иностранных языков. Наряду с администрацией существовали, пользуясь большим влиянием, правления; в них входили представители руководства, преподаватели и слушатели [1]. А в газете «Черная сотня» №11 написано: «После захвата власти сионистами в 1917 году стали создаваться учреждения для подготовки мasonicких кадров. Первым из них стал коммунистический университет им. Свердлова».

Коммунистический университет размещался в здании бывшего Московского купеческого собрания на Малой Дмитровке, построенном в 1907–08 гг. известным архитектором И.А. Ивановым-Шица в стиле модерн. Московские купцы были людьми богатыми и культурными. После революции дом захватили анархисты, разграбив всю обстановку. Большевикам пришлось расстреливать артиллерией дом анархии. Тут разместились Совпартшкола, позже и преобразованная в Коммунистический университет имени Свердлова. Маяковский использовал новую рифму: "Здесь раньше купцы веселились ловко, теперь Университет трудящихся Свердловка". Здесь осенью 1920 года на 3-м съезде комсомола Ленин призывал «Учиться, учиться и учиться». В 1921-м свердловцы открыли в здании коммерческий кинотеатр «Малая Дмитровка». Сюда приходили Эйзенштейн, Юткевич, Ромм, здесь проводились диспуты, кинотеатр работал как дом кино [2]. Здесь позже со своим джазом выступал Александр Цфасман. Мама еще позже слушала его в кинотеатре «Художественный». Не знаю, слушал ли его Василий.

Потом в здании был театр рабочей молодежи, ТРАМ. Его консультантом был М.А. Булгаков, работали Илья Судаков, Рубен Симонов, Мейерхольд. Потом театру присвоили звание Ленинского Комсомола. Ленком до сих пор занимает это здание. Рядом церковь Рождества Богородицы в Путинках. Чуть дальше Страстной монастырь, в стенах которого вместе с последними монахинями уже разместился военный комиссариат. Рядом с монастырем стоял знаменитый «дом Фамусова», принадлежавший М.И. Римской-Корсаковой. Здесь не раз бывали Пушкин и Грибоедов. По легенде Грибоедов написал «Горе от ума» после инцидента, происшедшего здесь.

Немного дальше по Малой Дмитровке, на другой стороне улицы жил тогда Алексей Толстой, вернувшийся из эмиграции и писавший роман «Петр Первый». Сокоиков, однокурсник Василия, как-то показал ему на представительного мужчину, входившего с компанией в пивную на Страстной площади, сказав, что это Алексей Толстой. Возможно, среди спутников Толстого был и М. Булгаков. Василий только что увлеченно прочитал «Аэлиту» в «Красной Нови», и с интересом смотрел на рослого, плотного, холеного писателя. Хотел даже подойти к нему, высказать свои впечатления, но Толстой оживленно беседовал со своими спутниками, прерывать было неловко, а они с приятелем спешили, да и вид у Толстого был какой-то высокомерно-барственный, хотя это, конечно, не испугало бы Василия при всем его почтении к писателям.

Университет готовил теоретически подкованные кадры для советской и партийной администрации: Троцкий называл "Свердловию" "поставщицей партийного молодняка" [3]. Многие руководители большевиков преподавали там, а некоторые, в том числе Сталин, Бухарин, Троцкий, выступали перед слушателями, лекции читали Луначарский, Горький, Калинин. Ленин

читал лекцию «О государстве», текст второй его лекции, прочитанной здесь, до сих пор не найден. После смерти Ленина Сталин прочитал ряд лекций, вошедших в его работу "Об основах ленинизма".

Василий быстро привык к суматошной и обаятельной московской жизни, полюбил Страстной монастырь и Кремль, напоминавший ему нижегородский, но гораздо более величественный. Если у Страстного Василий бывал почти каждый день, смотрел на надвратную церковь с шатром и часами, то к Кремлю стремился подойти, так строя свои маршруты по городу, чтобы хотя бы издали полюбоваться башнями и зубчатыми стенами. Осенью 1923 года на Неглинной раздался мощный взрыв. Взлетел на воздух охотничий магазин, взорвался порох. В дом Неринзее по Большому Гнездииковскому переулку, который тогда был самым высоким зданием Москвы, возвышаясь над Тверской, и перекликаясь с колокольной Страстного монастыря, Рязанов после войны, когда вертикали изменились, не стало уже ни колокольни, ни монастыря, поселил сына Георгия.

Университет имени Свердлова стал в какой-то мере наследником Московского университета Шанявского, где работали видные русские ученые: языковед Реформатский, химик Лебедев, историки Гернет и Готье, биолог Кольцов. В 1918-м году университет Шанявского закрылся, научно-популярное отделение слили с рабфаком свердловского университета [4], который Василий закончил в 1922 г. О том времени вспоминала Анастасия Цветаева: "Москва тех лет! Полусытые люди, рвущиеся слушать стихи, бегущие на концерты, ломящиеся на доклады, диспуты, лекции – чудесный русский народ!". А журнал "Смена вех" писал: "Чрезвычайно интересно просматривать афиши в Москве. Что преобладает? Афиши о лекциях на научные и общественно-литературные темы и концертах. Страну охватила огромная жажда положительных знаний; не десятками, не сотнями, а тысячами насчитывается количество общедоступных лекций в месяц. ...на многих из этих лекций зал не может вместить всех желающих".

В одно время с Рязановым здесь учились Михаил Кошкин, будущий конструктор танка Т-34, Николай Вознесенский, председатель Госплана СССР, зам. председателя Совета Министров СССР, расстрелянный в 1950 г., А.С. Щербаков, 1-й секретарь МГК, Сабуров Максим Захарович, зам. пред. Совета министров СССР, будущий писатель Александр Бек, Владимир Михайлович Киршон, поэт и драматург, один из руководителей РАПП и ВОАПП, башкирский поэт и прозаик Тухват Янаби, Яков Исаакович Серебрянский, агент ОГПУ в разных странах, Капалкин Василий Михайлович, один из руководителей советской военной разведки, будущий генерал, болгарин Иван Винаров, сын генерала Чан Кайши, и еще много других людей, известных и не очень знаменитых, расстрелянных в 30-е годы, погибших на фронте, и умерших персональными пенсионерами. Заочно учился Николай Островский. Как и Рязанов, летчиком после университета стал Ефимов. Горин (Коляда) стал президентом Белорусской академии наук. Было много будущих наркомов и секретарей обкомов. Все они тогда были веселыми, голодными, полными планов, надежд, идей, задумок, юного азарта и задора. Жизнь казалась бесконечной, светлой и радостной. Среди преподавателей были Н.И. Бухарин, А.В. Чаянов, экономист-аграрник, выдающиеся философы – Л. Аксельрод и А. Деборин, Д.И. Сахаров, отец академика А.Д. Сахарова, с 1922 года по 1925 преподавал будущий нобелевский лауреат по физике И. Е. Тамм, работали брат Ленина Д. И. Ульянов, академик Б. М. Завадовский, организовавший научно-исследовательскую лабораторию экспериментальной биологии и начавший работы по созданию биологического музея, Баранский, российский экономгеограф, член-корреспондент Академии наук, способствовавший становлению географии населения как науки, в которой население рассматривалось как главное звено во взаимодействии между природой и экономикой.

Была ранняя специализация в области общественных наук – философии, политической экономии, истории всеобщей и русской. Наряду с основным и сокращенным курсами в состав

Университета входил с 1920 г. лекторский курс, в который затем и вошел Василий, теоретическое отделение которого стало кадровым резервуаром Института красной профессуры, – там училась затем жена Василия. В Коммунистическом университете издавали "Записки Комм. университета им. Свердлова" и "Свердловец" [5].

Именитыми учеными стали знакомые Василия Ф.А. Горохов, Б.М. Кедров, М.Б. Митин, И.П. Подволоцкий, В.Н. Ральцевич. Лекции по философии читал польский социал-демократ, эмигрант С.Я. Бобинский. Наука, учил Бобинский, должна быть мозгом революции. "Какая тут ждет еще науку революция!" – предвещал Бобинский. Философские темы, вспоминал Кедров, затрагивались многими преподавателями – Волгиным, Невским, Покровским, Рязановым, (Д. Рязанов – псевдоним старого революционера-меньшевика), Тимирязевым. "Величайшие философские вопросы, – писал Кедров, – волновали нас не меньше, чем вопросы о любви и браке". А.К. Тимирязев прочитал лекции «Внутриатомная энергия» и «Принцип относительности».

Корпуса академии в то время почти не отапливались, студенты и преподаватели сидели в аудиториях в зимней одежде. Обед состоял в основном из хлеба да чая, которые нагревались в тоненьких колбах на газовых горелках. Домой Василий возвращался уже поздно вечером, усталый, озябший, голодный. Но был доволен прожитым днем, заполненным занятиями, общением с интересными людьми, новыми волнующими известиями. Была эйфория не от еды или алкоголя, а от духовного подъема.

23 января 1923 г. И.В. Сталин читает в Коммунистическом университете лекцию «О стратегии и тактике партии». В апреле 1924 г. И.В. Сталин читает здесь курс лекций «Основы ленинизма»: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции...». 9 июня 1924 г. И.В. Сталин выступает в Московском Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова с ответами на вопросы слушателей этого учебного заведения. 13 июня 1925 г. ко дню второго выпуска основного и профессионального курсов Сталин шлет приветствие университету, где пишет: «Свердловский университет является одним из наиболее мощных орудий в деле выработки командного состава партии по руководству массами». Л. Д. Троцкий на пятилетнем юбилее Коммунистического Университета 18 июня 1923 г. произносит речь «Задачи коммунистического воспитания»: «Так вот в этом сложном историческом переплете среды и активно действующего человека мы-то сейчас и создаем, в том числе и через Свердловию, не отвлеченного гармонического и совершенного гражданина коммуны – о, нет, мы формируем конкретного человека нашей эпохи, который должен еще только бороться за создание условий, из которых вырастет гармонический гражданин коммуны. Такая задача была бы жалкой ребяческой утопией. Мы хотим создавать борцов, революционеров, которые явились бы восприимчивыми и продолжателями еще исторически незавершенной революционной традиции». Рязанов слушал и Сталина, и Троцкого, по подозрению в троцкизме впоследствии был арестован, но, конечно, не за слушание той лекции. Когда в январе 1924 года в газетах опубликовали бюллетень о состоянии здоровья Троцкого и его отставке, студенты, уже искушенные в политике, сразу поняли, что двухмесячным сроком, который был указан в газете, отстранение Льва Давидовича «от всяких обязанностей» не ограничится.

По бульварному кольцу, оглушительно звеня, ходила «Аннушка» – трамвай, обвешанный гроздьями пассажиров. Василий грыз сухие, сморщенные груши из полученного пайка, ухитряясь при этом читать книгу и выдерживать полученные от толпы толчки и пинки. По булыжникам мостовой дребезжали пролетки извозчиков. Окутываясь зловонным дымком и рыча клаксонами, пронеслись черные обшарпанные автомобили. Василий ехал на Кудринскую площадь, ставшую затем площадью Восстания. У него была назначена встреча со знакомым, земляком, работавшим в библиотеке Румянцевского музея и обещавшим ему дать почитать несколько книг оттуда. Через несколько лет на Центральном аэродроме он услышит, что эту площадь прозвали «Тарелочка» за совершенно круглую форму, отлично приметную с воз-

духа. Поднимаясь над Москвой в южном направлении, летчики всегда замечали этот характерный ориентир [6].

«Университет имени Свердлова» был главной партийной школой, главным партийным университетом, где готовили руководителей высшего разряда. Были ещё различные партийные школы, которые готовили уже кадры для отдельных губерний, регионов. Эти учреждения уже играли роль и в политической борьбе, и в сложных околовластных интригах. Троцкий потерял былое влияние в армии, хотя поклонников и сторонников у него оставалось немало. Вдобавок ко всему в состав Реввоенсовета республики ввели несколько новых членов, которые были не в ладах с Троцким, а заместителем Троцкого назначили М. В. Фрунзе.

Алексей Брусилев, герой первой мировой войны, образовал «Русский национальный союз». И хотя Брусилев умер в 1926 году, созданная им организация просуществовала до 1930 года. Входили в него и нижегородцы, в частности, Владимир Романович Захаров-Антонов, 1883 года рождения, исключенный из ВКП(б) за попытку нелегально прорваться за границу. Он имел два высших образования: медицинское и педагогическое. Работал в Лаборатории экспериментальной биологии при Коммунистическом университете имени Свердлова. Был осужден как один из руководителей РНС и приговорен к высшей мере – расстрелу. Василий, к его счастью, не поддерживал с ним никаких отношений, хотя биологией интересовался и с земляками общался.

Новыми были живопись, литература, балет, музыка, кино. Василий в свободное время ходил по театрам. Ему нравится конструирование жизни драматургами. Часто фальшиво, искусственно, но очень занятно. Он сравнивает игру актеров, отмечая вдохновение, иногда сопутствующее артисту. А затем он к театру внезапно охладел без всякой внешней причины. Да и времени не было: параллельные учеба и работа не позволяли ходить даже на концерты, – а он любил послушать хороших певцов. Очень понравился ему Головин, баритон из Большого театра. Говорили, что он был дьяконом в Ставрополе, пришел в оперу и вскоре пел сольные партии. У Василия тоже был баритон, и он любил петь. Его зачаровывало, когда гармония мира выливалась в мелодию, а ты сам своим собственным голосом несешь эту мелодию обратно в мир, усиливая его мелодичность. Но надо было прорабатывать очень много литературы.

Вечерами он сидит в читальне новых книг в библиотеке Коммунистического университета, просматривает "Печать и революцию", "Книгу и революцию" и "Красную новь". Достает много нужных книг. Начал читать 1-й том сочинений К. Кавелина и делать заметки. Ту же работу выполняет над К.С. Аксаковым "Сочинения исторические" (в ПСС, т. 1. М., 1861) и С. Аксаковым "Славянофильство и западничество". Читает "Садовника" Р. Тагора. Читает В.И. Пичета "Введение в русскую историю (источники и историография)", М., 1923. Читал-просматривал П. Милюкова "Из истории русской интеллигенции", СПб, 1902. Читает В.И. Несмелова "Наука о человеке". На философском марксистском кружке слушает доклад о неокантианцах. Читает Г.В. Плеханова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (1919, М.), "Титанджали" Р. Тагора, пер. Н. Пушешникова, под редакцией И. Бунина, изд. 4-е, М., 1918, А. Деборина "Введение в философию диалектического материализма" с предисловием Г. Плеханова, книгу Л. Троцкого "1905", Рибо "Эволюцию общих идей", "Ключ веры" М.О. Гершензона, "Историю сословий" Ключевского, В.И. Вернадского "Начало и вечность жизни", "Иное царство и его искатели в русской народной сказке" Евгения Трубецкого, Карла Пирсона "Грамматика науки" и множество других книг. Возможно, под влиянием чтения у Василия вырабатывается свой слог. Что-то в нем было эпическо-афористическое. А что-то было былинным. И шло такое сказочно-загадочное от бабушки-сказительницы.

Он глотает книгу за книгой, но жажда знаний не убывает. Уже потом, с возрастом, после войны и других испытаний, он станет спокойнее относиться и к книгам, и к знаниям, поняв, что нельзя знать все, что многое и не следует знать, что среди книг мусора не меньше, чем на городских улицах. А пока он не может оторваться от книг. Прочитанное в одной книге

сравнивается с содержанием других, рождаются ассоциации, ткуются вязи догадок и мыслей. Эта вовлеченность, ввинчивающаяся в бытие, пробивала его к новым горизонтам. Срывались оболочки, он прорывался к еще неоткрытым мирам, к яркому и нестандартному пониманию тривиальных, вроде бы, вещей. Однажды на улице он видел, как мужик плакал, потому что милиционер застрелил его лошадь. Ему, хорошо знавшему, что такое для мужика лошадь, были понятны эти слезы. Он сам чуть не заплакал, глядя на убитую лошадь и безутешного, теперь уже бывшего ее владельца

Изучает три новые книги по экономическому материализму – Бухарина, Сарабьянова и Деборина, участвует в прениях. Был на заседании кружка по изучению Фрейда. Был на лекции о Луи Пастере, на лекции о внутренней секреции. Много читает Бухарина, Куно Фишера "Гегель. Его жизнь, сочинения и учение", полутома I и II, в его "Истории новой философии", СПб., 1903, перевод Н.О. Лосского. Читает "Красную новь", № 4, за 1922 год, главным образом Всеволода Иванова "Голубые пески" и Ник. Никитина "Рвотный форт", изучает "Капитал". На заседании марксистского кружка слушает доклад о гносеологии марксизма. Прочел весь том 1-й Лили Браун "Роман моей жизни. Мемуары социалистки", Густава Шпета "Очерк развития русской философии", ч. 1, 1922, Пб, М.О. Кояловича "Историю русского самосознания", "Геометрия и опыт" Альберта Эйнштейна. В № 5 "Красной нови" прочел отрывок Вересаева "В тупике". Был на диспуте на тему "Пролетариат и его философия".

Ленин учил решительно бороться со всякого рода доктринерством и начетничеством. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях пишет о разговоре с В. И. Лениным по поводу изучения марксизма в Коммунистическом университете имени Свердлова. В отчете университета сообщалось, с каким увлечением студенты изучали теорию стоимости, и приводился пример, как один из студентов, проспорив всю ночь, как надо определять, что такое стоимость, был настолько возбужден этими спорами, что утром выскочил на улицу, схватил какого-то прохожего и стал спрашивать, как он определит, что такое стоимость. Выслушав этот рассказ, В. И. Ленин заявил, что это не марксизм, что при изучении произведений Маркса гнаться за отдельными формулировками не следует. Главное при изучении марксизма – это понимание духа марксизма, понимание его основных идей, умение приложить марксизм к действительности. Василий был того же мнения.

Осень двадцать третьего, листопад на Тверском бульваре. В эстрадной «раковине» духовой оркестр играет вальс «Дунайские волны». Скамейки заняты самой пестрой публикой. Прогуливаются девушки, молодые люди. В конце бульвара кинотеатр «Великий немой». Его администратор выдавал студентам бесплатные контрамарки. Василий с приятелем, не спеша расхаживают по бульвару. Его спутник – очень красивый юноша, статный, высокий, с иконописным лицом. При виде его встречные девушки так и тают. Ребята довольны, веселы и чуть озорно настроены. Но девушкам, чем они занимаются, не рассказывают. Рядом ресторанчик на Тверской. Там марочные вина – шато-лафит, шато-марго, водкой тогда еще не торговали. На небольшой эстраде струнный ансамбль играет танго, поет солистка [6]. Ребята же все это полностью и сознательно игнорируют. Да и надо уже идти готовиться к занятиям. К Страстной площади шла группа милиционеров с оркестром впереди. Ребята пошли за ними.

Как-то Василий разговорился со своим однокурсником Григоряном. Тот говорит: «Слушай, Вася, коммунизм, это, конечно, очень хорошо. Но я вот что думаю. Если каждый что-то сделает для себя, то получится то же самое, если каждый и все сделают для всех. Результат то будет один и тот же. Чистая арифметика». Василий ответил: «Но я или ты, или кто-то еще сможет дать всем что-то новое, то, что не даст никто другой. Да и коллектив может выступать как единое целое, как один организм. Просто что-то качественно новое, как, например, пчелиный рой. Помнишь, в «Диалектике природы» у Энгельса: количество переходит в качество».

Жизнь текла своим чередом. 9 мая 1920 года, еще до приезда Рязанова, загорелся склад снарядов на Ходынке. Основная тяжесть легла на пожарных. На Ходынке собралось целых семь

московских команд. Им помогли двести студентов Коммунистического университета имени Свердлова, – передовой отряд молодежи, курсанты пехотных и кавалерийских курсов, караульные части московского гарнизона, несколько отрядов чекистов – практически все организованные силы, которыми располагали тогда московские власти. Горевшие амбары гасить и не пытались – их только охлаждали.

Ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова М.Н. Лядов в начале 20-х годов говорил: "Крупная фабрика и завод уничтожают дух индивидуального творчества, индивидуальной психологии... В будущем обществе даже интеллигентный труд будет коллективным... Коллективное творчество гораздо продуктивнее индивидуального во всех видах человеческой деятельности...".

Но в начале 20-х еще сохранялись остатки того цветущего многообразия русской культуры, которая стала известна по балетам Дягилева и картинам мираискусствников, стихам серебряного века и трудам профессоров старой школы. Василий наслаждался и прозой Тургенева, и стихами Пушкина и Лермонтова, запоем читал Гоголя и сборники акмеистов. Он не призывал сбросить классиков с корабля современности. На поэтическом вечере имажинистов ему понравилась свежесть рифм, острота восприятия мира. На рабфаке ценили поэзию Брюсова, а Василию она казалась суховатой. Мама рассказывала, что отец в 1947 году купил только что вышедший из печати том Брюсова, но отозвался о нем весьма критично. Он читал Флоренского, Бердяева, Вернадского наряду с Лениным, Каутским и Марксом. Рязанов, конечно, должен был соблюдать правила игры, что он и делал. Но существовали различные творческие возможности, как от этих правил отступить, так и изменить их, чем Василий также постоянно пользовался. Уже в 20-х в обществе все, связанное с человеком, как личностью, часто теряло ценность. С этим Василий не мог смириться. В анкете всероссийской переписи членов РКП(б), заполненной Рязановым 2.02.22, в пункте 10: а) имеете ли какие-либо религиозные верования (убеждения?), – стоит ответ: нет; б) если Вы неверующий, то с какого возраста: с 15 лет. «Стыдно мне, что я в бога верил. Горько мне, что не верю теперь», – писал Есенин в это же время. Писать тогда в анкете о своих верованиях, конечно, было нельзя. И сейчас трудно сказать, насколько Василий был искренен в своих ответах. По свидетельствам очевидцев, генералы Чуйков и Родимцев были верующими. А Родимцев дружил с Рязановым.

На вопрос об образовательном цензе следует ответ: а) 2-х классное земское училище, учился 5 лет, окончил; б) 4-х классное городское училище, учился 3 года, окончил; в) губернская партшкола, учился 0,5 года, окончил; учусь в ун-те им. Свердлова, 3 месяца. На вопрос пункта 16: если имеете желание учиться, то чему именно (грамоте, наукам, искусству, ремеслам – каким именно), – следует ответ: общественным наукам.

Социальное и национальное происхождение: 1) дед (с отцовской стороны). Основная профессия – землепашец. Положение в обществе – хозяин-одиночка. Национальность: русский. 2) отец. Основная профессия – землепашец. Положение в обществе – хозяин-одиночка. Национальность: русский. 3) мать. Основная профессия – домашняя хозяйка. Положение в обществе – домашняя хозяйка. Национальность: русская. С какого времени живете своим трудом: с 7 лет в своем хозяйстве. П.22. а) основная профессия и специальность до 1917 года: землепашество; б) сколько лет работали по этой профессии: 12 лет. П.23. Основные источники средств к существованию до 14 г.: средства родителей; в 14-17 гг. – заработок.

Таблица работа и служба с 17 г. до настоящего опроса: Почтово-телеграфное отделение, Нижегородская губерния, зав. отделением, по найму с 05.17 по 3.19; школа 1-й ступени, Нижегородская губерния, учитель, по найму с 03.19 по 12.19; уоноаробраз, Нижегородская губерния, инструктор, по найму с 12.19 по 04.20. П.33. Последний месячный заработок: нет; основная ставка: 30000 руб; весь заработок: 30000 руб+паек.

Таблица 4: партийный стаж: РКП, рядовой член. Таблица 5: революционный стаж: 1. Участие в стачках экономических: нет. В стачках политических, в уличных политических

демонстрациях, в студенческих движениях, в подпольных кружках, в нелегальных массовках и митингах, в маевках, в вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях, в партийных конференциях, в партийных съездах – везде нет.

П.42. Тюремный стаж: в тюрьме, в административной ссылке, на поселении, в политической эмиграции, число совершенных побегов – везде нет. Этот стаж у него затем появится, но в анкетах не будет отмечен. П.43. Какие газеты и журналы читали в 1921 г.: «Правда», «Известия», читал случайно, нет времени, читал в читальне. П.44. Член профсоюза с 19 г., в профработе в настоящее время участие не принимаю. В царской армии, в белой, зеленой не служил, в красной армии – пехотинец, рядовой, с 04.20 по 03.21. В таком же бланке, заполненном 5.02.22, через 3 дня (может, какие-то ответы посоветовали подправить?), отец и дед указаны не землепашцами, а крестьянами, мать – работницей, национальность – великоросс. В революционном стаже указано участие в 3-х конференциях. Среди читаемых газет добавлен «Коммунистический интернационал». Наряду с желанием учиться общественным наукам появилось и желание учиться технике.

Рязанов, как и его ровесники, выросли и сформировались до 17-го года. Государство создано для соблюдения законов общежития. Но основа самоорганизации общества не во внешнем насилии, а в человеке, в его морали, философии, чувстве долга и способности им следовать. Все студенты, оканчивающие Свердловский университет, включались в номенклатуру. Все, что имело отношение к руководящим кадрам, к решению "кадровых вопросов", носило секретный характер. Скорее всего, основной причиной, побудившей Рязанова уйти из политики в авиацию, и была нетерпимость к непрерывному идеологическому давлению, стремление уйти из-под жесткого контроля, может быть, укрыться в другой нише, где больше настоящего, меньше фальши; как говорил уже сегодняшний классик: жить не по лжи. Иногда прозреваешь будущее, в каком-то сумеречном состоянии, видишь то, что сбудется, и будет важным для мира и для тебя. Я, например, лет в 14-15, когда социализм в СССР был могуч и непоколебим, как бы увидел его будущее разрушение и почему-то не обрадовался, хотя давление системы на личность, особенно в таком юном возрасте, воспринималось очень болезненно. Не так давно умер мой друг студенческих лет. Мы давно поссорились из-за пустяков, много лет не виделись и не общались. Но именно в ночь его смерти какой-то голос очень явственно и четко шепнул мне: Гена умер. Были ли у Василия такие предвидения?

Многое, как и всегда, было неоднозначно. Кипение перемешивающегося переходного слоя давало и обильную пену. Александра Коллонтай в 1923 году призывала «Не сдерживать своих сексуальных устремлений, раскрепостить инстинкты и дать простор любовным наслаждениям!». Университетом имени Я. Свердлова в 1924 году была выпущена книга профессора А. Залкинда «Революция и молодежь», в которой он пытался фундаментально обосновать воззрения пролетарской этики на библейские заповеди. Порой автор заходил столь далеко, что в предисловии к книге ректор Коммунистической академии М. Лядов (он же был и одним из первых историков партии) отмечал ее «спорный» характер. В частности, предлагалось «диалектически подойти к убийству», заповедь «не укради» подменялась «этической формулой товарища Ленина» «грабь награбленное». Автор пытался регламентировать половые отношения, предлагая свои «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата» [8].

Одно короткое время некоторые мужчины и женщины ходили по городу и даже ездили в трамваях голыми, только с повязками через плечо «Долой стыд». Первый серьезный сексологический опрос был проведен в 1923 году среди студентов Коммунистического университета. "Революционная" мораль столкнулась с таким, считавшимся буржуазным, явлением, как венерические болезни. В 1922 г. в Московском коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова 40% студентов болели гонореей, а 21% имели по два-три венерических заболевания.

Рязанов относился к проценту здоровых студентов. Он во время учебы, в 1923 году, женился (хотя официально они и не были женаты) на своей однокурснице, красивой и скромной девушке Клавдии Беленькой, еще в университете занимавшейся проблемами морали, и в дальнейшем посвятившей себя исследованию этих задач. Работала она учительницей, как и ее сестра, а еще одна сестра была библиотекарем. У них в 1930 г. родился сын, названный в честь деда Георгием (Гора, – от имени Егор, – называл его отец). Своего второго сына от второй уже жены Василий Георгиевич назвал Михаилом в честь дяди Михаила, бывшего мельника. Третьего сына он хотел в честь второго дяди назвать Яковом, но тут воспротивилась жена, назвав его Василием. Как мама передавала слова отца незадолго до смерти (ее и, видимо, его – тоже): меня на жизнь детей хватит. Удивительна здесь интуиция, предвидение, как видение будущего: ровно на жизнь каждому сыну и хватило.

Отношения Рязанова и женщин, в общем-то, были нормальными и здоровыми. Он был красивый человек, увлекался ими, как и они – им. После его ареста в 38 г. в числе компромата НКВДистами были собраны свидетельства о его связях с различными женщинами. Но моя мама незадолго до смерти сказала: я хотела бы быть там вместе с твоим отцом: неважно, в раю ли, в аду, но вместе...

По окончании Свердловского университета в 1924 году ЦК РКП вместе с другими товарищами, родившимися в 1901 и 1902 гг., направил его для работы в армию. Сохранился приказ №8.44211 отдела Учраспред. ЦК РКП(б) от 16 апреля 1924 г.: В Коммунистический Университет имени Я.М. Свердлова. На Ваш запрос за №1703, о выпуске студентов 1901 года рождения, ЦК РКП предлагает: тт. Соковикова А., Силонова А.Н., Туманьян Г.Л., Царевского Н.С., Григорьяна А.Д., Ваньянца А.А., Червова Н.Д., Шахгельдяна В.П., Иногамова А.А., Прошицкого П.С., Дербаносова М.Г., Максимова А.Л., Левитина С.С., Фрайберга С.И., Баранова А.Н., Рязанова В.Г., Королева А.К., Левитануса И.М., Арнольдова М.О., после выпуска направить в ПУР тт. Фролова Д.Д., Эльвова Н.И., Полонского В.Д., Жилова Г.З., Виноградова С.Ф., Духовного М.М. и Туровлина З.И., как прослуживших в Красной Армии 1,5 года и больше, направить после выпуска в ЦК. Секретарь ЦК Молотов, зам. зав. учраспредом ЦК М. Лукоянов.

Отдельная и интересная тема – жизненные пути выпускников Свердловки. Вот две судьбы из этого списка. Гай Лазаревич Туманян. Брат жены Анастаса Микояна. Дивизионный комиссар, с 6.12.42 г. – генерал-майор танковых войск, с 19.04.45 г. – генерал-лейтенант танковых войск. Кандидат исторических наук. После Коммунистического университета им. Свердлова в Москве (1924) окончил восточный факультет Военной академии им. Фрунзе (1929). В РККА с 1924 г. – помощник военкома, военком Горской национальной кавалерийской школы, помощник по политчасти командира 61-го кавалерийского полка, командир батальона 3-го полка Тихоокеанской дивизии. В распоряжении Разведывательного управления Штаба РККА с 02.30 г. Был секретарем парткома управления. Первый секретарь консульства СССР в Харбине, сотрудник для особых поручений (с 1935 г.), начальник спецотделения "А" (с 02.36 г.) РУ РККА. Участник гражданской войны в Испании. Заместитель по политической части начальника Военно-инженерной академии (с июня 1938 г.). Командир 4-го Ленинградского партизанского полка (1941). Представитель Северо-Западного направления по руководству партизанским движением. Военный комиссар 2-го гвардейского стрелкового корпуса (до 12.04.42 г.). Военный комиссар 2-го танкового корпуса (12.04.42-26.05.42). Член военного совета 5-й танковой армии (19.06.42-20.04.43). Член военного совета 6-й танковой армии (с 24.01.44). Умер в 1971 году.

Внес большой вклад в создание партизанских отрядов. Он иногда рассказывал племянникам о своей работе до войны в Китае, о встречах с легендарным Рихардом Зорге [9]. Рязанов, много взаимодействующий с танкистами во время войны, возможно, встречался с ним, и они вспоминали совместную учебу. Хотя членом военного совета 5-й танковой армии, с которой

работал Рязанов, Туманян был до апреля 1943-го, а Рязанов сотрудничал с 5-й танковой дивизией с июля 1943-го. Но и с 6-й танковой Рязанов работал.

Михаил Осипович Арнольдов – участник гражданской войны, в 1927 году окончил школу лётчиков, первым в СССР начал осваивать «слепые полёты». С Рязановым они наверняка были знакомы не только по Свердловскому университету. В начале 30-х годов окончил военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, а в 1935 году возглавил советскую дирекцию Дерулюфта, совместного русско-германского общества воздушных сообщений. В связи с прибытием в столицу Восточной Пруссии экипажа В.П. Чкалова, его встречу и размещение в гостинице производил директор Дерулюфта, для которого Кенигсберг был базовым аэродромом общества. Сохранилась фотография М.О. Арнольдова в Кенигсберге у самолёта АНТ-25 рядом с В.П. Чкаловым. Может быть, они тогда искали общих знакомых, и нашли Рязанова. В 1938 году М.О. Арнольдов как «враг народа» был расстрелян по надуманному обвинению [10].

Как и Арнольдов, Рязанов стал лётчиком, тоже закончил военно-воздушную академию им. Н.Е. Жуковского, тоже был арестован в 1938-м. Как Туманян, стал генерал-лейтенантом. Но в разведке не служил и в совместных обществах не работал. Из тюрьмы вышел в 39-м, не погиб там. Но умер на двадцать лет раньше Туманяна.

До своего распределения Рязанов 5 лет учился в земском училище, 3 года в городском училище в Балахне, полгода в губернской совпартшколе, год на Рабфаке и 3 года в коммунистическом университете им. Свердлова. Оказалось, что ему еще предстоит поучиться уже новому для него делу. Делу, которое станет главным в его жизни.

[1] Коммунистические университеты. <http://bse.sci-lib.com/article063460.html>.

[2] Почти 100 лет «Ленкома». <http://www.teatral-online.ru/news/371/>.

[3] Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца. http://orange.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=3348&print=1.

[4] Университет Шанявского. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20«Москва»/Университет%20Шанявского/>.

[5] Л.А.Коган. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты»). <http://russcience.chat.ru/papers/kog02vf.htm>.

[6] Заборский М. А. Голубые «разговоры». – М.: Московский рабочий, 1979.

[7] Ходынские взрывы. <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=1E383DBB2DAA4097B815DF781F59F880>.

[8] Борис Ланин. Мир без женщин, или целомудренность разврата. http://eccosman.edu.ru/data/436/866/1217/016_Lanin.pdf.

[9] Микоян С. А. Мы – дети войны. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.

[10] История города. http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a1_6.php?print=Y.

Курс Коммунистического университета им. Свердлова. Рязанов сидит в кепке четвертый слева. В верхнем ряду справа крайний стоит Вознесенский. 1924-й год.

1920 год. Рязанов мобилизован в Красную армию.

Глава 3. Армия. Небо.

Каждое утро надо вставать, совершать поступки, строить свою жизнь и жизнь человечества – все связано очень тесно. Жизнь многообразна и заполнена иногда такими вещами, которые и вообразить сложно. Что движет людьми? Любовь и голод, а также миллионы страстей и прочих эмоций, зависящих от координат и импульсов астрального фазового пространства. Влияют также события в пространствах физическом и духовном, которые все три (вместе с душевным, астральным) пересекаются в живом человеке, по учению антропософа Рудольфа Штейнера. Однако множество поступков, как и прочее в этом мире, бывают спонтанными, их нельзя объяснить конечной совокупностью причин, невозможно проследить нить следствий. Одним из поступков, важных для Василия Рязанова и, в общем-то, и для страны его родной, стало его решение учиться на летчика.

Но сначала его, согласно предписанию, подписанному Молотовым, направили в армию, инструктором подива – политотдела 17-й Нижегородской дивизии. Прибыл он туда 1.07.1924. С 1.09.24 был еще членом бюро ячейки РКП(б) в управлении дивизией. Служил там до 19.03.1925 г. В красной армии он уже служил, рядовым, пехотинцем, с 04.20 до 03.21. Работа инструктора была ему знакома. Направили его на родину. Возможно, тогда выпускника Коммунистического Университета возвращали туда, откуда он прибыл? Хотя в армии после войны установилось перемешивание, когда из Азии посылали солдат служить на Север, и наоборот. А, может, тогда учитывали пожелания выпускников, которых было еще немного? Недавно мне попала фотография, где Рязанов сидит среди группы пятнадцати человек под портретом Бубнова, часть в буденовках – шесть человек, остальные в фуражках. Рязанов в новой форме, новые перчатки, лицо строгое, настороженное, но и светлое, некая устремленность в будущее просматривается. Ну, иначе в двадцатитрехлетнем возрасте бывает редко.

Работал Василий Георгиевич в охотку. Выполнял различные поручения. Так, 6.11.1924 г. ему был выписан мандат: дан настоящий инструктору политотдела 17-й стрелковой дивизии тов. Рязанову Василию Егоровичу (в различных документах отчество то Георгиевич, то Егорович (В.Р.)) в том, что ему согласно ст. 50 УПХ и приказа ПУР и Военной Прокуратуры Верховсуда № 399/10 от 3.10.1923 г. предоставляется право выступить 10 ноября 1924 г. в качестве обвинителя в судебном процессе по делу б. комвзвода 51-го стрелкового полка Дмитриева. 20 октября 1924 г. политотдел выдал ему удостоверение под №2: дано сие инструктору по школьной пропаганде Подива тов. Рязанову в том, что он является членом бюро по собиранию материалов и сведений в местных советских, партийных и профессиональных органах, необходимых для изучения политического, географического и культурного региона комплектования дивизии, что и удостоверяется. Ко всем советским, партийным и профессиональным органам просьба оказывать тов. Рязанову всяческое содействие при исполнении им возложенных на него обязанностей. Был он, оказывается, еще инструктором по школьной пропаганде (как бывший учитель, и бывший школьный инструктор, видимо) и краеведом. Может быть, история и культура родного края его интересовали, и он вступил в такое бюро, о чем и была выдана бумага. 15.02.1925 г. Нижегородский губернский комитет РКП(б), базирующийся во дворце свободы в Кремле выдал ему удостоверение: предьявитель сего тов. Рязанов командировается в распоряжение Ветлужского укома для работы по проведению перевыборов Советов на весь период проведения этой компании в деревне. Президиум Ветлужского Уисполкома в свою очередь выдал ему удостоверение: предьявитель сего тов. Рязанов командировается в Одоевскую волость в распоряжение волисполкома. Помимо проведения перевыборов Советов на поименованного товарища возлагается инструктирование и налаживание вновь избранных сельских советов волости. В виду чего Президиум уисполкома приглашает все учреждения и должностных лиц оказывать тов. Рязанову всемерное в этом деле содействие и исполнять все его законные требования. Аналогичное удостоверение выдал и Одоевский волостной избирком, где ска-

зано, что помимо проведения перевыборов Советов на поименованного товарища возлагается инструктирование и налаживание вновь избранных сельских советов волости.

А вот выписка из протокола заседания проверочной комиссии по проверке ячейки РКП(б) управления 17-й стрелковой Нижегородской дивизии от 6-19 декабря 1924 г.: слушали: тов. Рязанова Василия Егоровича, члена РКП(б) с мая 1920 г. Постановили: политически развит хорошо. Как партиец выдержан и дисциплинирован. В политработе принимает активное участие. Идеино устойчив. Оставить в партии. 19 марта 1925 г. датирован отзыв ячейки РКП(б) управления 17-й стрелковой Нижегородской дивизии на члена РКП(б) тов. Рязанова Василия Егоровича: Тов. Рязанов член партии с 1920 г. Политически развит. В обстановке ориентируется быстро. В партийной работе принимал активное участие, являясь членом бюро и руководителем политшколы II ступени. Дисциплинирован, партийно устойчив. Как товарищ – хорош, пользовался авторитетом среди членов партии и беспартийного состава. Характер тов. Рязанова твердый. Под влияние не подпадает. В вопросах разбирается свойственно его политической подготовке. Окончил Свердловский ун-т. Тов. Рязанов, имея хорошую политическую подготовку, может быть хорошим руководителем парторганизации. Тов. Рязанов при ячейке РКП(б) управления дивизией проходил поверку (постановление XIII партсъезда о поверке штабных и управленческих ячеек). Копия решения поверочной комиссии, прилагается к его личному делу.

Познакомился и подружился Рязанов со своим прямым начальником Иваном Степановичем Коневым, назначенным комиссаром и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии в Нижнем Новгороде. Это знакомство и взаимная приязнь оказались полезными лет через 20, в военные годы. Позже Конев командовал полком и этой дивизией, что стало для него, как он сам говорил, большой школой войскового опыта. « – Я с радостью вспоминаю то время, – говорил впоследствии маршал. – Там, в полку, я приобрел все, что так пригодилось мне потом и в дни мира, и в дни войны». В служебной характеристике, данной И.С. Коневу как командиру полка, написано: «Инициативный, энергичный и решительный командир. Требователен и настойчив. Пользуется деловым авторитетом у подчиненных». Взаимная симпатия, душевное притяжение Конева и Рязанова почти неизменными остались и лет через 20, во время Великой Отечественной войны, или в дни боев возросли, и это было важным для оперативного решения многих неотложных вопросов.

Маршала Ивана Степановича Конева нижегородцы тоже считают своим земляком. С ноября 1922 года он проходил службу в 17-й стрелковой дивизии в Нижнем Новгороде. Штаб дивизии сначала находился на территории Нижегородского кремля, а затем размещался на улице Большой Покровской, 30, в бывшем женском Епархиальном училище. Конев с семьей жил на ул. Алексеевской, 37. В 1924 году он принимал парад войск 17-й дивизии на площади Советской (ныне площадь Минина и Пожарского), и с этого же года учился на курсах усовершенствования высшего начальствующего состава. До 1932 года был командиром и комиссаром стрелковой дивизии. Во время Великой Отечественной войны военные дороги Рязанова и Конева пересеклись, с 43-го и до конца войны они сражались вместе. Маршал Конев тепло отозвался о Василии Георгиевиче Рязанове, назвав его "командиром высокой культуры". Конев писал, что тяжело перенес преждевременную смерть Рязанова. В память о Коневе установлена мемориальная доска на Доме офицеров, где он служил. В кремле, где служили Конев и Рязанов, на выставке оружия установлен небольшой гранитный обелиск в память о двух дважды Героях Советского Союза – Василии Рязанове и летчике-истребителе Арсении Ворожейкине, сбившем в годы войны (и перед войной) 52 самолета противника. А пост у вечного огня в кремле носит имя Рязанова.

С 1925 г. Рязанов начальник партучебы и помвоенком 2-й военной школы летчиков в Борисоглебске. Город чем-то похож на Балахну. Здесь с первых же шагов окунаешься в атмосферу самобытного российского городка. Прямо на улицах Борисоглебска растут яблони, усы-

паннные созревающими плодами, и свисающие через высокие заборы ветки со спелыми, никем не собираемыми вишнями. Город утопает в зелени [1].

Лётное училище являлось предметом особой гордости Борисоглебска. В декабре 1922 года начальником Главного управления Красного Воздушного Флота был издан приказ о формировании в Борисоглебске авиашколы. Школе присваивалось наименование "2-я военная школа летчиков Красного Воздушного Флота". Сокращенно ее стали называть "2-я ВШЛ КВФ". В ней учились В.П. Чкалов, В.К. Коккинаки, Н.П. Каманин, А.Б. Юмашев, В.В. Талалихин. Первым начальником школы был назначен опытный летчик В.М. Ремезюк, окончивший летную школу еще в 1916 году в Севастополе. Начальником 2-ой военной школы летчиков с 1924 г. по 1929 г. был Владимир Владиславович Ягушевский

26 октября 1923 года состоялся первый выпуск курсантов. Среди них был и Валерий Чкалов. Многие выпускники 2-й военной школы летчиков 1923-1925 годов стали впоследствии выдающимися авиаторами, генералами, Героями Советского Союза. В их числе С. К. Горюнов, П. И. Пумпур, Е. С. Птухин, А. Б. Юмашев, Э. Г. Шахт. Крупными авиационными специалистами стали Ф. Арженухин, А. Борман, М. Вахрушев, П. Гроховский, Н. Момот, П. Федрови, а также летчики-испытатели Н. Кастанаев, В. Степанченко, А. Торговкин, Ф. Уваров и другие. Шандор Шимич стал государственным деятелем Венгрии после ее освобождения от фашистской оккупации.

В 1926 году в городе была закрыта церковь. Вскоре началась перестройка ее под клуб для летной школы. Вокруг клуба началось строительство комплекса культурно-спортивных сооружений – стадиона с трибунами для зрителей и бытовыми комнатами для спортсменов, концертной эстрады, танцевальной площадки и т. д. Позднее клуб школы стал Домом офицеров Борисоглебского гарнизона. Весьма популярна была футбольная команда летной школы (организована в 1923 г.), неоднократно завоёвывавшая первенство в соревнованиях команд города, военного округа, школ ВВС. Ведущими игроками ее были в разное время И. Журавлев, Ю. Немцевич, А. Петров, В. Хользунов, В. Чкалов, Ш. Шимич и многие другие.

Размещалась школа в кавалерийских казармах, аэродром устроили на учебном поле конницы, а конюшни и манежи переделывались в ангары для хранения самолетов. Впоследствии школа была преобразована в Борисоглебское высшее военное авиационное ордена Ленина Краснознаменное училище лётчиков им. В. П. Чкалова. Среди его выпускников 150 генералов, 272 Героя Советского Союза, 14 дважды Героев.

Это сейчас авиация знакома и привычна (хотя и сейчас все намного сложнее). Тогда же область деятельности была совсем новой. Если подумать, действительно, эпохальное достижение, новое пространственное измерение становится доступным. Все неведомое, загадочное, таинственное. Никогда таких летательных аппаратов не было. Соответственно, опыта обращения с ними не было. Как с ними управляться, какие движения должен делать человек, какие действия предпринимать. Все постигалось путем проб и ошибок, нащупывания вслепую чего-то верного. А почему это верно, почему нельзя лучше, – неизвестно. Говорили о гении Жуковского. Но теория всего не опишет. Да и уровень науки в то время был послабее.

Василий подружился с комсомольским секретарем Александром Николаевичем Пономаревым, ставшим затем генерал-полковником авиации. Они встречались потом в академии имени Жуковского, а затем и на фронте, вспоминая Борисоглебск. В своей книге «Конструктор С.В. Ильюшин», уже в 1988 году, Пономарев писал: «Я хорошо знал Василия Георгиевича Рязанова еще по совместной службе в Борисоглебске во 2-й военной школе летчиков. Политработник Рязанов поступил в школу летчиков в 1924 году после окончания Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (небольшая неточность (В.Р.)). Сын крестьянина, он привык к труду, много читал, всегда учился. Но учился он не для удовлетворения собственного любопытства, он старался применить свои знания на пользу окружающим, на пользу нашей стране и авиации. Внешне суровый, Рязанов был человеком добрым и общительным. В школе

он активно работал в партийной организации. Коммунисты избрали его секретарем партийной организации. Мне, как секретарю комсомольской организации, приходилось часто советоваться с Василием Георгиевичем и потом проводить в организации партийные решения.

Вскоре после окончания школы летчиков В.Г. Рязанов поступил на курсы усовершенствования начальствующего состава при Военной Воздушной Академии РККА им. профессора Н.Е. Жуковского и закончил их в 1931 году. В академии мы часто встречались с Василием Георгиевичем, вспоминали Борисоглебск, строили планы на будущее. Несколько лет Рязанов служил в строевых частях, командовал звеном, эскадрильей, бригадой, а затем опять пошел учиться, на этот раз на оперативный факультет академии. С 1939 года полковник Рязанов работал преподавателем академии. Одним из первых Василий Георгиевич освоил штурмовик Ильюшина, не только летал сам, но и обучал других. За самоотверженную боевую работу, высокое мастерство в управлении боевыми частями на поле боя, отличную выучку личного состава, за правильную организацию взаимодействия с наземными войсками и проявленный личный героизм командиру 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса генерал-лейтенанту авиации В.Г. Рязанову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. За отличия в боях на завершающем этапе войны ему была вручена вторая «Золотая Звезда» Героя Советского Союза...».

Вид у Василия в те годы, судя по немногим сохранившимся фотографиям, действительно был суровым. Есть его фото именно в Борисоглебске, он стоит у самолета среди других авиаторов, рядом с ним мужчина очень похожий на С.К. Горюнова, работавшего тогда там летчиком-инструктором. Рязанов в коротком кожаном пальто, очки на козырьке фуражки. Но здесь его вид мягче, чем на групповом снимке курса Свердловского университета, где он насупился, вихры падают на лоб из-под кепки. Он сидит рядом с несколькими преподавателями, и его сосед даже чуть опасливо отстраняется от него. Крайним в верхнем ряду стоит Вознесенский, небольшого роста, вид мальчишеский. Где-то здесь и Щербаков, и первая жена Василия. Брат Георгий говорил мне, что почти все мужчины с этой фотографии были расстреляны. С Вознесенским это так, а Рязанов тогда избежал смерти, – в следующей главе расскажу, как и почему. Среди фотографий того времени, принадлежавших Василию, есть и фотография экономгеографа Баранского, возможно, подарившего этот снимок Василию. На групповом снимке видно, что-то Василия гнетет. Если это марксистские догмы, по которым придется строить свою деятельность и жизнь – одно неразрывно с другим, то понятным становится его чуть смягченный вид на снимке у самолета, когда он, видимо, уже решил сменить род занятий, счастливо обнаружив любимое дело. Хотя, как говорил мне Гора, у отца в должности политработника было какое-то высокое звание, чуть ли не комбриг, что соответствует нынешнему генерал-майору. Когда он ушел с политработы, пришлось снова расти в званиях, уже не так быстро. Еще больше смягчился он после тюрьмы, осмыслив, возможно, тщету многих усилий и желаний. Но и на фронте внешняя суровость сохранялась. Командир полка А.И. Митрофанов писал о нем в воспоминаниях: «Каманин приехал на аэродром с высоким и на вид суровым генералом».

Есть люди, вызывающие невольное уважение. Не словами и поступками, а некой аурой, окружающей их. Каждому человеку хочется нравиться, – и себе, и другим. Они делают комплименты знакомым и незнакомым, надеясь на ответные, ловят во взглядах одобрение и похвалу. Женщинам, возможно, это больше присуще. Рязанов же, как и люди такого сорта, не искали внешних импульсов, они черпали внутри себя силу и знания, почти всегда твердо знали, что надо делать, как поступать. Словно какие-то загадочные ангелы высших сфер диктовали им. И это чувствовалось, за это уважали без слов. Даже в такой новой области, – не только для Рязанова, а для всех, – как авиация, Рязанов знал, как поступать, что делать и с самолетом, и с коллегами и подчиненными. Безаварийность его немалой летной практики, отсутствие поломок машин, могут служить подтверждением правильности его мышления, решений, действий.

В авиационной среде живут и поддерживаются авиационные традиции, приметы, суеверия, хотя степень их соблюдения авиаторами может быть различна в зависимости от вида авиации, авиационной профессии. Тяжело сказать, откуда берут они начало, – может быть, из понимания непредсказуемости воздушной стихии, но эти традиции уважают и соблюдают. Так, курсант после первого самостоятельного вылета выставляет «вылетные». Тогда обычно это были папиросы «Казбек». По одной пачке дарили своему инструктору, командиру звена, командиру аэродрома, руководителю полётов, проверяющему. И, конечно, угощали всех на «старте». А на одной из пачек друзья оставляют на память об этой знаменательной дате свои подписи, иногда краткие пожелания. И на фронте Рязанов курил «Казбек», который доставал ему начальник тыла.

Кроме этого была традиция за первый самостоятельный дарить инструктору и командиру звена коньяк. Если на следующий день не было полётов, но чаще это было под конец недели в субботу, некоторые инструкторы приглашали виновника торжества «обмывать» событие к себе домой (и это был первый, и единственно допустимый за время учёбы случай совместного употребления курсанта и инструктора). Предупреждённые инструктором дежурный по части и ответственный по аэродрому делали вид, что ничего не знают и ничего не замечают, но строго следили, чтобы вернувшихся курсантов не понесло на дальнейшие подвиги, а в отдельных случаях наиболее «весёлых» мягко, но настойчиво укладывали спать.

При составлении плановой таблицы у каждого замкомэски или комэски (основные планирующие органы) были свои карандаш и резинка, и любой причастный к плановым таблицам человек всегда знал, как выглядят карандаш и резинка того или иного планировщика. На любых авиационных застольях произносится третий тост – за тех, кого с нами нет. Интерпретации тоста разные, но пьют обязательно стоя, и не чокаясь.

Еще приметы: если перед вылетом что-то забыл – не возвращаться. Обычно просили друзей или техсостав принести забытое. Перед полетом не фотографироваться: это фото на памятник. Бриться не утром, а только вечером. Плохая примета – подпускать женщину к кабине самолёта. Многие лётчики всегда брали с собой в полёт личные талисманы. В общении практически не применяется слово «последний», оно заменяется словом «крайний». Многие пилоты верят в чёрную кошку. Во время войны многие при вылете не прощались с товарищами, не вылетали на самолете с тем номером, который был, когда тебя сбили, и прочее, и прочее [1]. Талгат Бегельдинов в своей книге «Пике в бессмертие» писал: «Что же касается амулетов, то, дело прошлое, были они и у нас. В эскадрилье Луганского легчики поочередно брали с собой в воздух небольшую собачонку – общую любимицу, а у нас в полку один летчик-штурмовик все время летал с котенком. Некоторые летчики ни за что не брились перед боевым вылетом, некоторые обязательно садились на землю, прежде чем сесть в кабину самолета. ...А вот случай, когда «амулет» спас жизнь летчика и стрелка. В нашем соединении был летчик-штурмовик Николай Опрышко. На земле он не расставался с гитарой и обязательно брал ее с собой в полеты. Однажды самолет Опрышко получил повреждение и совершил вынужденную посадку на территории врага. Летчик и стрелок стали пробираться к своим. К ночи они подошли к берегу реки, за которой находились наши войска. Гитару Николай нес с собой. Едва экипаж начал спускаться к берегу, как стрелок в темноте разглядел немецкий патруль. Два солдата с автоматами двинулись прямо на них. Что делать? Стрелять? Нельзя. Кругом враги, и выстрелы взбудоражат их. И лежать нельзя – сейчас наскочат и убьют. Когда немцы подошли совсем близко, были уже в нескольких шагах, Опрышко вдруг всеми пятью пальцами ударил по струнам. В абсолютной тишине этот аккорд был подобен артиллерийскому залпу. Немцы кинулись в разные стороны. А летчик и стрелок кубарем скатились к реке и поплыли. Когда враги опомнились, пришли в себя, было уже поздно – попробуй попади из автоматов по двум плывущим в темноте. Гитару все же пришлось бросить. Об этом страшно горевал Опрышко. Но вскоре

обзавелся новой и не расставался с ней». «У нас в полку был летчик Опрышко. Перед вылетом всегда штаны снимет, присядет и только потом летит. Без этого никак».

И снова Рязанов торопится сделать больше за меньшее время, совмещает работу с учебой. Пошел он учиться на летчика, чтобы лучше вникнуть в специфику их работы, чтобы пилоты не говорили, что он только языком работает. И увлекся, увлекся так сильно, что в мыслях постоянно звучало: летать, летать, летать. Вечерами он не мог заснуть, обдумывая полеты. Проводя политинформации, он думал о самолете. Ему раньше иногда снилось, что он летает. С какой-то горы, как на лыжах, несется, а затем взлетает и парит легко и свободно. А тут, словно сны наяву. Брат Георгий говорил мне, что друг отца, летчик, прокатил его на самолете, – и все, – он уже больше не мог без неба. «Летишь. Летать я люблю и всегда любил. Это особое состояние души – полет», – говорил Г.Г. Черкашин, штурмовик с 240 боевыми вылетами, в книге А. Драбкина «Я дрался на ИЛ-2».

Может быть, авиация и оставила его в армии. Так, отслужив некоторое время, он мог уйти на гражданскую политическую работу, работать, например, в ЦК, как его сокурсники. А став летчиком, он становился военным летчиком. После выхода из тюрьмы в 1939 году он тоже мог бы в армию не возвращаться. Но он подал рапорт, где писал, что он уже не мыслит себя не в армии и не в авиации. Его отец был солдат-бомбардир. Хотя в Коммунистическом университете у него были мысли заняться наукой. В анкете он писал об увлечении техникой. Его привлекали новые тогда электротехника, радио. Недаром радио он занимался потом немало, конечно, с точки зрения потребителя. Да и два его сына стали заниматься физикой.

Что такое полет? Перемещение в трехмерном пространстве с выделенной вертикальной координатой. Но это еще не беда. Главный подвох в том, что среда, в которой происходит это перемещение, – атмосфера, – система очень неустойчивая. Мы придавлены к поверхности Земли силой ее притяжения. И перемещаемся по двумерной поверхности, по дну атмосферы, дыша ее воздухом, и изредка с трудом подпрыгивая над ней. В поисках высоты люди забираются в горы. На одном из фестивалей современного искусства, проходившем летом на открытом воздухе, мой знакомый выставил обыкновенную стремянку, сопроводив ее цитатой из Канта и названием «Лестница в небо».

Дополнительное измерение дает дополнительную свободу. И ощущение этой свободы сильнее тягот полета, его неудобств и опасностей, режущего мотора, брызжущего маслом и бензином, строгого выполнения предписаний и правил. Летчик ведь всего лишь дополнительный винтик в самолете, использующийся четко и функционально. Но тяга к полету оказывается сильнее всего этого. Полеты – это ведь еще и творчество. Ни один полет, выполняемый по самым жестким регламентам, не похож на предыдущий. Воздух – ненадежная опора, и летчик должен постоянно изобретать какие-то новые приемы, чтобы удержаться в нем. Самолет, машина, созданная по законам механики, принципиально не учитывает флуктуации, переходы в хаос, состояния, характерные для воздушной среды. В этой ситуации важна интуиция, что-то лишенное логики, прямое видение. Пилот становится посредником между механическим аппаратом самолета и хаотической стихией. Тут он уже не просто винтик, дополнительный механизм, а творец, создатель, победитель хаоса, покоритель стихии. Тогда и наступают эйфория, чувства всевластия, всеислия иногда, к сожалению, и вседозволенности. Плохо пилот выполнит свои обязанности проводника – медиатора, – сам погибнет, машину и еще кого-то загубит. В упорной учебе движения и навыки доводятся до автоматизма. Хотя движения при пилотировании не являются готовыми штампами. Когда-нибудь люди поймут механизмы гравитации и смогут летать безопасно, но раньше они должны победить свою агрессивность, чтобы не использовать эти новые гигантские возможности для совершения зла. Сам полет иногда экзистенциален, пролегая недалеко от границ нашего брэнного бытия, и за обычными действиями пилота, как за обыкновенными звуками хорошей симфонии, чувствуется дыхание вечности.

Что-то иррациональное, запредельное, удовлетворяющее извечные желания людей творческих подняться над обыденностью мира, есть в стихии полета и, тем более, воздушного боя.

А красота земли сверху! Меняются краски, освещенность, солнце оказывается то слева, то справа, ветер крутит свои завихрения, восходящие потоки сменяются нисходящими, самолет проваливается в разреженную область – воздушную яму, но летчик уверенно ведет машину, послушную его воле, – ему помогают закон Архимеда и силы Жуковского. Хороший летчик должен обладать противоречащими друг другу качествами: осторожностью и отвагой, удалью и трезвым аналитическим умом, бесшабашностью и железной дисциплиной. И, конечно, верой в себя, в возможности своей воли и своего разума! Чувства и ощущения пилотов того времени описаны у Экзюпери. Восторгу от первого полета у Василия не было границ. Сначала кружилась земля. Инструктор сказал: смотреть на горизонт. Стало видно, что вращается машина. И хотя в небе все показалось Рязанову так просто и ясно, но потом он видел, как самолеты капотируют, переворачиваются, бьются о землю, горят. Простота не легкая, а легкость не простая. Он всегда был внимательным и уважительным с самолетом, напрасно не рисковал. Около четырех тысяч часов налета было у него. Аварий и поломок не было. Я недавно летел на аэробусе А320. Место попало у иллюминатора возле крыла. И на взлете наблюдал, как крыло дрожит, вибрации усиливаются. Аппарат, как птица, пытается взмахнуть крылом, с обтекателем на конце. Кажется, вот-вот и отломится. Тогда все...

В «Поэме воздуха» Марины Цветаевой, написанной в это же время, в 1927-м году под впечатлением перелета Линдберга над Атлантикой, – сама Цветаева датирует это: дни Линдберга, – есть такие строчки:

Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро –
Сам – зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою
Легкою – утла!
Но – сплошное легкое –
Сам – зачем петля
Мертвая? Полощется...
Плещется... И вот –
Не жалеете летчика!
Тут-то и полет
Не рядите в саваны
Косточки его.
Курс воздухоплавания
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розысков
Дичь... Щепы?... Винты?..)
Ахиллесы воздуха
– Все – хотя б и ты,
Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплавания
Смерть, где всё с азав,
Заново...

Человек давно мечтал летать. Авиация – сбывшаяся мечта, новая эра. Человек проникает в тайны мира, углубляет свои отношения с миром, реализовывает свои желания и потенциалы, очеловечивая мир. «...Нет ничего прекраснее полета, хотя никогда полет вчерашний не бывает

похож на полет сегодняшний... каждый полет – это творчество, где слиты воедино желание и долг, эмоции и мысль, расчет и риск, дерзость и уверенность, скорость и спокойствие... В наслаждении небом, в борьбе с небом, в стремлении понять его легчики быстро становятся мудрыми», – писал М.П. Одинцов. Рязанов стал одним из тех, кто, проникая в тайны полетов, стремился уменьшить их опасность. Он вводил управление с земли, на более высоком уровне, управляя летчиком, который управляет самолетом, борясь с хаосом.

К радости Василия, инструктор, сидевший в задней кабине, все реже поправлял его. Инструктор был доволен учеником: он четко выполняет полетное задание, есть ощущение положения аппарата, хорошая ориентация, отточенное внимание, прекрасное старание. Василий управляет рычагами и ручками, следит за приборами, оценивает поведение мотора, влияние ветра, видит ориентиры. Инструктор видит: курсант подчиняет машину своей воле. Уже несколько десятков часов посвящено контрольным, программным упражнениям, и инструктор говорит: пора лететь самостоятельно. Воля, решительность, сообразительность – главное, что нужно летчику. Позже будут перевороты, бочки, иммельманы, виражи, боевые развороты, мертвые петли. Теперь только взлет, набор высоты, полет по кругу над аэродромом, заход на посадку, планирование и посадка у знака «Т», но Василий счастлив: инструктор подписал характеристику Рязанову – летчику. Смеющийся Василий раздает заранее приготовленные пачки «Казбека», угощает всех на «старте». Его хлопают по плечу, жмут руку, обнимают, расписываются на пачке папирос. Один из курсантов, с которым Василий не раз дискутировал на собраниях политкружка, пишет мелкими буквами: «Чтобы, как летчик, Рязанов превзошел начальника партучебы». Это пожелание запомнилось Василию. Оно совпадало с его стремлениями. Хотя в 25 лет, возрасте уже зрелом, кардинально менять сложившуюся жизнь нелегко. – Запомни, мужество и находчивость необходимы военному летчику, – сказал инструктор, похлопав его по плечу.

Остаток учебы Рязанов провел в упорных тренировках, самостоятельных полетах: по кругу, в зону пилотирования, по небольшому маршруту. Летать Василий любил, в воздухе чувствовал себя свободно, легко, уверенно, и в каждом полете находил для себя новое, интересное. В полетах был неутомим, выполняя их с все более растущим летным мастерством. Одним из летчиков-инструкторов был Сергей Кондратьевич Горюнов, будущий командарм 5-й воздушной, с которым Рязанов очень тесно работал военный год. И это сотрудничество с июля 43-го по июль 44-го было очень плодотворным, возможно, и потому, что дружили они с 1925-го года. Надо летать смело, точно, уверенно. Менялись машины. Освоена «Авро», и, наконец, он сел в кабину боевого самолета. Василий любил полеты в зону: ведь там можно было делать виражи – мелкие и глубокие. Можно снижаться спиралью, скользить на левое или правое крыло, делать штопор, разгонять самолет со снижением, или наоборот, резко уходить ввысь... В детстве Василий так не радовался; в какие-то неведомые измерения уходили и самолет, и душа Василия. Хотелось петь от восторга. Он смеялся без всякой причины, только от чувства полета.

Когда он отлично освоил полеты в зону, инструктор показал Василию, как делается "мертвая петля" и переворот через крыло. Здесь нужны согласованные, точные и быстрые действия ручкой управления, педалями и сектором газа. Вскоре он научился выполнять их безукоризненно. Летал много, но хотелось еще больше. Летчик в воздушном океане как лермонтовский парус, но не в тумане моря, в неба голубом... А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой! Военный летчик должен не только искать бурю, но и создавать ее: чем большую бурю создает летчик-штурмовик, тем он успешнее.

Летал Василий много, но хотелось еще больше. Однажды на взлете толчки самолета стали реже и вдруг прекратились. За миг до этого Василий увидел, что допустил левый крен, и исправил его. Самолет оторвался от земли; он быстро перенес взгляд с капот-горизонта на землю и стал отжимать ручку, давление на которую все возрастало. Определяя на глаз расстояние

до земли, он выдерживал самолет на одной и той же высоте 0,75 м. Одновременно следил на слух за работой мотора. Вдруг он ощутил резкий запах горелой резины. Потянув носом раз другой, понял: случилось что-то с мотором. Убрал газ, прекратил взлет и посадил самолет, чтобы выяснить, что случилось.

Кремовые шторы, абажур, – неосуществимые мечты М. Булгакова. Любопытно, Булгаков недолго работал в издательском отделе Военно-Воздушной академии им. Жуковского. Этой своей службой он был очень доволен и гордился ей. И его, и Рязанова судьбы лишились точек опоры, вековых традиций. Поэтому Рязанов так любил семью и сыновей. Должна быть какая-то стационарная точка устойчивости в нестабильном, динамичном, быстро меняющемся мире. Почему у одного человека жизнь ровная и спокойная, а у другого – сплошные гонки с препятствиями? Потоки времени в открытых системах текут неравномерно. Судьба бросала его, крестьянского сына: он был и солдатом, ничего не решающим, и военачальником, принимающим решения, от которых зависят жизни других. Простые, в общем-то, люди действовали как мифические герои, как персонажи легенд, сказок, сказаний. И объясняться Василий часто стал как-то иносказательно.

С августа по декабрь 1926 г. Рязанов командирится в Ленинградскую военную школу летнабов (летчиков – наблюдателей, потом это название сменилось современным термином – штурман), где кроме полетов, в учебном отделе работает начальником партийной учебы, входя также в бюро ВКП(б), руководя Ленинским кружком. Это его последняя политическая работа. С 1927 года он уже не совмещает политическую работу с летной, а работает только летчиком. Это ему нравилось больше всего. До конца дней своих он любил летать. Некоторое время он работает летчиком-инструктором. Затем становится командиром звена – это его первая, но не последняя командирская должность. В воскресные дни ходит по Ленинграду, любясь набережными, мостами, парками, пропадает в музеях вместе со своими новыми друзьями. Вечерами летчики собирались в ленинской комнате, читали газеты, спорили, беседовали об учебе, об авиации, о жгучих вопросах политической жизни. Время тогда было бурное. На предприятиях и в учреждениях Ленинграда шли горячие политические дискуссии, навязанные троцкистско-зиновьевским блоком. Троцкий и Зиновьев объединились и объединили своих сторонников в рядах так называемой новой оппозиции.

Лето в Ленинграде теплое. Белые ночи, правда, к сентябрю заканчиваются. Иногда шел дождь, с моря налетали шквалы пронизывающего ветра. Но Рязанову некогда было замечать капризы погоды. С утра до вечера – работа, учеба, в классах, на основных и дополнительных занятиях по новым предметам, снова он учится сам и одновременно учит других. Так и сам глубже осваиваешь то, что объясняешь и показываешь другим. Проявляются какие-то раньше не замеченные аспекты материала. Хотя пилотирование самолета предъявляет высокие требования к вниманию. Специально посвященная осмотрительности глава XIV Наставления по производству полетов начинается словами: «Каждый летчик и летчик-наблюдатель обязаны всегда прививать себе навыки в осмотрительности. Основные задачи осмотрительности: а) приучить себя в мирное время своевременно замечать противника, лишив его этим возможности напасть внезапно; б) предотвратить столкновение с препятствиями в полете и во время руления». Тогда в Ленинградской военно-теоретической школе летчиков учились будущие генералы, будущие комкоры, коллеги Рязанова В. В. Нанейшвили, Е. М. Белецкий. Белецкий затем вместе с Рязановым служил инструктором в 3-й военной авиашколе летчиков и летнабов в Оренбурге. Позже, в 1942-м, 1943-м, они будут вместе воевать. С Белецким на Северо-Западном фронте. С корпусом Нанейшвили корпус Рязанова взаимодействовал в Львовской операции.

С сентября 1927 г. он учится и одновременно служит командиром отряда в Серпуховской школе воздушного боя, в 3-й ВШЛ и ЛН (военной школе летчиков и летнабов). Растет его командная должность. Он уже не командир звена, а командир отряда. В Ленинграде и Серпу-

хове он сдружился с Б.В. Стерлиговым, ставшим затем главным штурманом ВВС КА. В Серпуховской школе летчики за шесть месяцев улучшали свои теоретические знания, повышали технику пилотирования. Среди выпускников школы летчики знаменитые: А.В. Жуков, Громов Михаил Михайлович, Юмашев Андрей Борисович, они были инструкторами (с ними Рязанов встретится в 42-м на Калининском фронте), тот же Чкалов. Школа размещалась в зданиях бывшего Владычного монастыря. По воспоминаниям старых прихожан богослужения во Введенском соборе не прекращались до 1927 года. Летное училище «уживалось» с действующим храмом на одной территории!

Интересно, Юмашев с 1946 года, в сорокачетырехлетнем возрасте, отошел от армии и авиации, поселился в Алушке и занялся живописью. Еще в дореволюционный период он посещал классы Общества поощрения художников и мечтал стать архитектором и художником. В 1930-е гг. Юмашев познакомился с И.И. Машковым, П.А. Коринным, Н.М. Ромадиным, П.П. Кончаловским, Р.Р. Фальком, А.В. Фонвизиным, позже с В.В. Стерлиговым. Этот круг знакомств определил творческую судьбу Юмашева. С 1946 года А.Б. Юмашев – член МОСХа – московского отделения союза художников. Его персональные выставки проходили в Москве в 1980-х гг., в Алушке в Воронцовском дворце, в музее города Обнинска, в США и в Канаде (Ванкувер). А 1937 он совместно с М. М. Громовым и С. А. Данилиным совершил беспосадочный перелёт Москва – Северный полюс – Сан-Джасинто (США). В годы войны был заместителем командующего воздушной армией Громова. Работы художника находятся в ГТГ, в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, в Смоленском художественном музее, в музее города Обнинска и во многих других собраниях и частных коллекциях. Он прожил как бы две жизни. Первую – авиатора, а вторую – художника. Похоже судьба сложилась у еще одного выдающегося летчика – Константина Константиновича Арцеулова. Он первым вывел самолет из штопора, учил летать Чкалова. Но в 1933 году был сослан. Вернулся в 1937 году, большой перерыв в летном деле. И он стал художником. Как и Юмашев, первую половину жизни был летчиком, вторую – художником.

В октябре 1927 г. Серпуховскую высшую школу воздушного боя перевели в Оренбург. В этом году Рязанов ее окончил. По заданию начальника ВВС было произведено детальное обследование окрестностей Оренбурга с целью определения возможностей перебазирования Серпуховской высшей школы воздушного боя в этот район. Дальним маршрутом Серпухов-Пенза-Оренбург летчики-инструкторы перегнали самолеты. Этот массовый трудный перелет обошелся без летных происшествий. «В далекий край товарищ улетает, родные ветры вслед за ним летят. Любимый город в синей дымке тает...» – более поздняя, 1940-го года песня. Оренбуржцы восторженно встречали летчиков. Осенью 1928 г. из Ленинграда туда же перебазировалась и Высшая военная школа летчиков-наблюдателей, которая, объединившись с Серпуховской школой, вошла в состав Третьей военной школы летчиков и летчиков-наблюдателей имени Ворошилова. Оренбург новым местом дислокации школы выбрали не случайно. Расположен в глубоком тылу страны на границе Европы и Азии, что гарантирует работу школы на случай войны, благоприятные метеорологические условия для курсантских полетов – много солнечных дней в году. Школу торжественно открыли 7 ноября 1927 года. Оренбург в те годы был небольшим степным городом. Зимы здесь суровые. Весной степь покрывается огромным ковром цветущих тюльпанов и маков. А летом земля трескается от нестерпимой жары [3]. Многие преподаватели и летчики-инструкторы (Рязанов – тоже) состояли в военно-научном обществе школы. Исследовали вопросы боевого применения авиации, обучения летного состава групповым полетам. Пытались научно обосновать боевые порядки истребителей при атаке наземных целей и действий летчиков в воздушном бою. Был введен код сигнализации для летчиков-истребителей и разведчиков. Но Рязанову уже тогда это казалось недостаточным и ненадежным.

Алкнис уделял особое внимание Оренбургской 3-й военной школе летчиков и летнабов. Начальником школы был Ф.А. Астахов, будущий маршал авиации, вместе с которым Рязанов будет воевать в 1941-м. Массивный учебный корпус возвышался на берегу Урала. Степные дали завораживали. Дурманящие запахи разнотравья в начале лета кружили голову. Василий полюбил старинные казачьи песни «Из-за синих гор», «Ой – ты батюшка, Оренбург – город», казачьи пляски, народные гулянья.

Курсанты жили в палатках прямо на аэродроме. Ранним утром, до восхода солнца начинались полеты. В эти часы было еще не так жарко. Потом начинался нестерпимый зной. Ветер часто нес тучи пыли, застилавшие горизонт. Когда жара спадала, снова шли к самолетам. Программа была напряженной. И от курсантов, и особенно от инструкторов требовались большие усилия. Рязанов учил курсантов постепенно осваивать возможности боевого самолета Р-1. Однажды во время обычных полетов, на аэродром вместе с начальником школы прибыл Алкнис [3].

Школа делилась на три части: учебную, летную и техническую. В ее состав входили два авиационных отряда: истребительный и разведывательный. С 1924 г. отряды стали комплектовать из выпускников Качинской, Борисоглебской летных школ и Ленинградской высшей школы летчиков-наблюдателей. Рязанов был выпускником двух последних школ. Был установлен единый учебный план для слушателей истребительного и разведывательного профиля обучения. Ведущим стал цикл тактики и основ теории боевого применения авиации. В комплексе с тактической подготовкой осваивались теория воздушной стрельбы и бомбометания, конструкция самолетов, их оборудование, аэродинамика полета. Школе оказывалась значительная материальная помощь. Она получает новое оборудование для авиационных мастерских, силовую станцию. Поступает достаточное количество строительного материала и инструмента, аэронавигационные и метеорологические приборы и агрегаты. Преподаватели и инструкторы в сжатые сроки разрабатывали необходимые пособия. Значительно усовершенствовалась учебно-материальная база. На занятиях слушатели стали получать глубокие теоретические знания и практические навыки ведения боевых действий во взаимодействии с другими родами войск. Для воспитания у будущих авиационных командиров нужных качеств воздушного бойца широко использовались примеры из опыта строевых частей, боевой практики инструкторов и преподавателей. Большое внимание стало уделяться и научно-исследовательской работе. Ее цель заключалась в разработке различных вопросов боевого применения авиации, в создании учебных пособий и методических разработок. Многие преподаватели и летчики-инструкторы состояли в военно-научном обществе школы. В центре их внимания были вопросы боевого применения авиации, обучения летного состава групповым полетам. Уделялось большое внимание опытному строительству авиационной техники. Советские конструкторы создали новые образцы отечественных самолетов и моторов. Уже в 1925 г. авиационные предприятия дали стране более 200 самолетов, а авиационных двигателей построили в шесть раз больше, чем в 1924 г. Школа получила на вооружение истребитель И-2, а несколько позже его модификацию И-2бис. В 1927 г. слушатели стали обучаться на новом отечественном самолете Р-1 с мотором М-5. Это был двухместный одномоторный биплан, разведчик и ближний бомбардировщик [18]. Создателями этих машин были талантливые конструкторы Д. П. Григорович и Н. Н. Поликарпов. Развернулась большая организационно-пропагандистская работа. Призыв «Трудовой народ, строй Воздушный флот!» нашел самую горячую поддержку у советских людей. Для сбора средств в пользу содействия авиации была проведена первая Всесоюзная лотерея. Во всех уголках нашей страны шли сборы пожертвований в фонд строительства авиации. Особая заслуга в создании отечественной авиации принадлежит Обществу друзей Воздушного флота, созданному в марте 1923 г. Активными участниками этого общества были комсомольцы. За два года существования ОДВФ собрало более 5 млн. рублей. Военно-Воздушным Силам передали тогда сто боевых самолетов. В сборах средств на строитель-

ство самолетов, в агитационно-пропагандистских мероприятиях широко участвовал и личный состав Военно-Воздушных Сил. Летчики, авиационные специалисты выступали перед местным населением с лекциями и докладами, проводили агитационные полеты. Многолюдными были выставки авиационной техники. Под руководством авиаторов работали кружки любителей авиационных знаний. Большую работу проводили преподаватели и слушатели Серпуховской высшей военно-авиационной школы воздушной стрельбы и бомбометания. Они вели агитацию на предприятиях города, благодаря чему за короткий срок были собраны необходимые средства и построен самолет «Серпуховский рабочий», переданный Воздушному флоту. Благодаря проведенной военной реформе уже через два года численность авиации значительно увеличилась, повысилась ее ударная сила и боеспособность.

– Мы должны констатировать, – докладывал IV Всесоюзному съезду Советов Председатель Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилов, – что основные задачи создания своей собственной авиапромышленности нами разрешены.

В условиях быстрого развития Военно-Воздушных Сил потребность в летных кадрах возрастала. Практическое решение этой задачи возлагалось на авиационные школы и училища, сеть которых значительно расширилась. Одновременно с освоением новых самолетов в школе много внимания уделялось совершенствованию учебного процесса. На педсоветах и совещаниях обсуждались вопросы повышения качества обучения и воспитания слушателей. Совершенствовалась учебно-материальная база. Стали широко практиковаться военно-теоретические конференции, на которые приглашались представители других учебных заведений и строевых частей. На одной из них с докладом «О состоянии и роли Воздушного флота в современной войне и задачи авиашколы» выступил член Реввоенсовета СССР, начальник ВВС Красной Армии П.И. Баранов. Рассказав о перспективах развития авиации, он подробно остановился на задачах коллектива школы.

Всеобщая народная любовь к авиации окрыляла авиаторов. Так относились к первым космонавтам. Я еще помню время, когда подчеркнуто уважительно относились к военным – защитникам Родины. Военным летчикам были двойной почет и уважение. Внимание руководителей ВВС к вопросам подготовки летных кадров воодушевляло командиров, преподавателей, инструкторов и слушателей. Росло их стремление к знаниям, к совершенствованию летного мастерства. В пример другим в эти годы не раз ставились слушатели истребительного отряда. В историческом формуляре училища записано, что более 90% из них на экзаменах по летной подготовке в 1927 г. получили отличные и хорошие оценки.

Командирами отрядов обычно назначали старых опытных летчиков. Назначение Рязанова, летчика с небольшим еще стажем, значило, что его летное мастерство быстро росло. Он упорно, увлеченно трудился, и это давало плоды. Он приобретает авторитет как летчик, известность среди авиаторов. У него не было влиятельных родственников и высоких покровителей. Всего он добивался сам, упорным трудом, растущим умением, умом и волей. Позже у него окажутся хорошие знакомства в руководстве, но, – об этом ниже, – кроме несчастий ничего хорошего эти знакомства в его жизнь не принесут.

В 1927 г. при школе организуются курсы начальников артиллерии. Одним из первых их слушателей был оружейник, питомец школы С.Ф. Пистолькорс. По окончании этих курсов он был назначен преподавателем, а спустя два года написал учебник по бомбометанию. Все понимали, что будущие командиры должны не только в совершенстве владеть летным мастерством, но и понимать свое место в защите социалистического Отечества, быть умелыми воспитателями подчиненных. Особенно благотворно на воспитание молодых авиаторов влиял личный пример преподавателей и летчиков-инструкторов. В середине 20-х годов в школе инструктором работал М.М. Громов. Еще в гражданскую войну красный военлет Громов на истребительных, пробитых пулями, наскоро отремонтированных самолетах вылетал на разведку и бомбежку войск Колчака. Михаил Михайлович в 1934 г. совершил полет вокруг Европы, пролетев

по замкнутой кривой без посадки и пополнения горючим 12411 км. Этот полет принес ему славу одного из выдающихся летчиков мира. М.М. Громов был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды № 8. В школе М.М. Громов зарекомендовал себя знающим педагогом и подготовил для ВВС много замечательных летчиков. Он хорошо познакомился с Рязановым уже на Калининском фронте, и очень высоко отозвался о нем в статье в газете «Сталинский сокол» после войны. Его учеником оказался В.П. Чкалов, который в 1923–1924 гг. осваивал в Серпуховской высшей школе воздушного боя курс боевого применения авиации. Валерий Павлович перенял громовский почерк полета. Его школу летного мастерства В.П. Чкалов блестяще продемонстрировал на воздушном параде в честь 10-летия Великого Октября. Этим полетом он восхитил присутствовавших на параде. Виртуозный пилотаж В.П. Чкалова над Красной площадью отметил в своем приказе Народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов. Обучала слушателей в эти же одна из первых в стране военных летчиц инструктор З.П. Кокорина. Окончив педагогическое училище, она вначале работала библиотекарем. В авиацию пришла после гибели мужа в воздушной катастрофе. Чтобы продолжить его дело, Зинаида Павловна добилась зачисления в число курсантов Качинской летной школы, которую успешно окончила, и вскоре стала инструктором в Серпуховской школе. Были обучены и воспитаны сотни летчиков, которые впоследствии показали примеры безграничной преданности Советской Родине, защищая ее ближние и дальние рубежи.

Из стен Оренбургской школы вышли такие выдающиеся летчики, как В. Чкалов, Ю. Гагарин, дважды Герои Советского Союза С. Грицевец, Т. Бегельдинов, С. Луганский, Л. Беда, И. Воробьев, В. Осипов, А. Смирнов, И. Полбин, Е. Федоров, В. Мыхлик, знаменитый парашютист К. Кайтанов, Герои Советского Союза А. Серов, М. Карпухин, и многие другие. С Бегельдиновым и Луганским Рязанов будет побеждать врагов.

Программа была напряженной. И от курсантов, и особенно от инструкторов требовались большие усилия. С Рязановым работали командир эскадрильи Смага, командиры отрядов Серегин, Паценко, Пospelов, инструкторы Тимофеев, Богачев, Сузи, Голодяев, Белецкий, Вашкелис, Титов, Носов, Ратников, Михайлов. Когда курсанты осваивали учебный У-1 ("Авро"), их переводили на боевой самолет Р-1, более строгий в управлении, со значительно большей скоростью и маневренностью. Рязанов учил курсантов постепенно осваивать возможности новой машины.

Чтобы возобновить планомерную подготовку летных кадров, требовалось решить целый комплекс весьма сложных задач. Для размещения личного состава необходимо было переоборудовать выделенные школе здания бывшего кадетского корпуса и духовной семинарии. Кроме того, надлежало в короткий срок создать материально-техническую базу. Возведение различных служебных помещений, строительство аэродромов началось на пустырях. Трудно было не только с жильем, но и с питанием. Страна еще не оправилась от разрухи и не могла полностью обеспечить школу. Высокой напряженностью характеризовался и рабочий день слушателей. Его продолжительность составляла более 12 часов, в том числе 7 часов – учебные занятия по расписанию, три часа – самостоятельная работа. В остальное время под руководством строевых командиров и преподавателей слушатели благоустраивали гарнизон и аэродромы. Много внимания и времени уделяли преподаватели и инструкторы созданию учебно-материальной базы обучения слушателей. Учебные классы оборудовались схемами, макетами, пополнялись агрегатами, приборами, авиационной техникой.

Почти полтора года прослужил он командиром отряда в Третьей военной школы летчиков и летчиков-наблюдателей. Срок немалый в той динамичной жизни. Если посмотреть на его послужной список, то самый большой до сих пор. Он вместе с другими сотрудниками школы обживает на новом месте, проводит организационную работу, учит курсантов и, как всегда, постоянно учится сам. Упорно трудится, повышая и совершенствуя свое мастерство. Летать он любит. В каждом вылете пробует испытать что-то новое. Новые типы самолетов, различие

их поведения в разных режимах и условиях. Новые фигуры высшего пилотажа, новые приемы воздушного боя. Тактика, организация, парашюты, ПВО, связь, техника, метеорология, вооружение – все это и многое другое надо знать летчику и командиру. И Рязанов упорно учится. Он изучает основы современного боя, операции и боевое применение штурмовой авиации, свойства бреющего полета, способы поражения различных объектов с бреющего полета, действия штурмовой авиации с малых и средних высот, основы оперативно-тактического использования штурмовой авиации, особенности базирования и службы тыла штурмовой авиации, основы штурмовых действий, организацию и подготовку штурмовой атаки, доразведывание и выход на цель, нанесение штурмового удара, уход от цели, штурмовые действия ночью, действия штурмовой авиации в неблагоприятных атмосферных условиях.

До февраля 1929 г. работает Рязанов в Оренбургской школе. 10 февраля 1929 года новое назначение, рост по служебной лестнице. Он назначен старшим инспектором по летной подготовке УВВС РККА – управления военно-воздушных сил РККА. Он летает по частям, и постепенно становится одним из лучших летчиков в армии, а, значит, и в стране. Он ведет себя скромно, не совершает сверхдальние, сверхвысокие и сверхбыстрые перелеты. Но его знают, уважают, ценят. Кроме коллег и начальства, на него обратили внимание иностранные разведки, – он попал в их досье, пополняющиеся новыми фактами. Перед войной была даже выпущена марка с его портретом. Имени не было, все-таки военный летчик в рекламе не нуждается, да и секретность должна соблюдаться, но это уже слава, ведь мужественные и красивые лица были не только у него. Это: марка, газеты, популярность, конечно, не показатель мастерства. В серьезных вещах, а, тем более, в таком ответственном деле, как военная авиация, существует свой, негласный гамбургский счет.

Управление ВВС принимает на вооружение новые самолеты, проводит переговоры. Так на переговорах в Москве в ноябре 1931 года замнаркомвоенмора М. Тухачевского и начальника УВВС РККА Я. Алксниса с генералом Адамом (начальником войскового управления рейхсвера) немецкая сторона фактически уклонилась от обсуждения вопросов, связанных с превращением авиашколы в Липецке в крупный совместный научно-исследовательский центр. Советские представители предложили организовать здесь изучение и испытание стратосферного самолета, нефтяных авиационных двигателей, провести опыты по автоматической стабилизации самолета в воздухе, полетам в тумане, высотному аэрофотографированию, тактике взаимодействия авиации с сухопутными войсками и по другим проблемам. На все это немцами были даны уклончивые и неконкретные ответы. Советской стороне стало очевидно, что рейхсвер не желает знакомить ВВС РККА с новейшими техническими и тактическими достижениями германской военной авиации.

Алкснис с августа 1926 зам. начальника Управления ВВС, с июня 1931 начальник ВВС РККА и член РВС СССР. Алкснис, как и Рязанов, пришел в авиацию в 1926 г. До этого он был общевойсковым командиром. За три месяца – рекорд – овладел летным искусством. И постоянно тренировался, летал сам по воинским частям. С именем Алксниса связано совершенствование организационной структуры ВВС, оснащение новой боевой техникой. «С самолетом надо обращаться на «вы»», – его слова. Он установил обязательную проверку техники пилотирования летного состава, предполетную подготовку экипажей, внедрял полеты по приборам вне видимости земли. Еще в Оренбурге, – а больше во время службы в управлении, – Рязанов познакомился с Алкснисом, и они понравились друг другу, начали тесно сотрудничать. У обоих опыта было уже много, хотелось передавать его не только группе курсантов. Начали затем писать совместные книги. Алкснис был крайне требователен к себе и к окружающим его людям. Василий Георгиевич перенял у него строгий подход к воинскому порядку, дисциплине. Чтобы при четкой работе и подворотничок белоснежный был, опрятный внешний вид, выбритое лицо.

Рязанов учится на курсах усовершенствования начальствующего состава (КУНС) при военно-воздушной академии им. Жуковского, там готовили руководящие кадры ВВС. Они были краткосрочными: от 6 до 10 месяцев. На курсах было пять классных групп. Авиакомандиры, летнабы и политработники без длительного отрыва от службы в войсках получали на курсах необходимый минимум знаний по специальности, знакомились с новой техникой, вооружением и оборудованием, получали навыки в оперативно-тактической подготовке личного состава. Рязанов окончил КУНС в 1930 г.

Уже после того, как он ушел из УВВС КА и работал в школе спецслужб ВВС, у него произошел разговор с начальником 5 сектора 2 управления УВВС КА Борисом Леонтьевичем Негродовым:

– Василий Георгиевич, а Вы не думали о взаимодействии авиации с кавалерией?

– Сейчас, Борис Леонтьевич, надо, возможно, размышлять уже о взаимодействии с танками.

– Возможно, и так. Но все равно, хорошо было бы продумать, как взаимодействовать, какими силами, какие бомбовые загрузки брать, какие ресурсы и прочее. Может, набросаете схему для составления инструкции? И кавалерия тоже понадобится.

– Все зависит от того, сколько танков, какой противник, какой вид авиации: истребительная, штурмовая, бомбардировочная. А идея очень интересная, важная и нужная. Я подумаю.

В управлении ВВС КА поступают оперативные сводки штаба ВВС, доклады, акт о повременной мобилизации 1-й легко-бомбовой эскадрильи им. В.И. Ленина, именной список эскадрильи; чертежи; годовые отчеты летных школ; акты испытаний и тактико-технические данные на средства связи, переписка по ним. Выходят доклады и переписка зам начальника УВВС КА по вопросам новой авиатехники, отчеты по ним. Готовится штат управления ВВС РККА. Различные акты, доклады, справки о происшествиях в летной работе. Ходатайства по вопросам назначения и перемещения личного состава. В 1933 поступает предложение перевести ГИРД – группу изучения реактивного движения, в которой работал Сергей Королев, из ОХА в УВВС. Но Рязанов в это время работает уже в других местах. В феврале 1929 между УВВС и ЦАГИ был подписан договор на постройку "Металлического самолета типа бомбовоз с моторами 2400 л.с.". Работу распределили: – В.М. Петляков – крыло; – Н.С. Некрасов – оперение; – А.А. Архангельский – фюзеляж и управление; – А.И. Путилов – шасси; – Е.И. Погосский – мотоустановки и расчеты. Объявили 1929-й годом великого перелома. Летом 1929-го вышел Полевой устав РККА (Пу-29), где указывалось, что авиация способствует наземным войскам в выполнении боевых задач, действуя с воздуха по живой силе и технике противника, защищает свои войска от нападения авиации противника путем уничтожения его самолетов в воздушных боях, дезорганизует вражеский тыл, ведет воздушную разведку, несет службу связи, корректирует огонь артиллерии и выполняет самостоятельные оперативные задачи. Устав подразделил авиацию на войсковую и армейскую (бомбардировщики, штурмовики, истребители). До этого было Наставление по боевому применению авиации. В 1929 же разработали и ввели в действие Боевой устав ВВС. Книга 1. Истребительная авиация. Полевой устав 1929 года помимо завоевания господства в воздухе также потребовал от авиации прикрытия сухопутных войск от ударов с воздух. Боевой устав истребительной авиации 1929 года порывал с прежними, независимыми от наземной обстановки действиями истребителей, требуя приурочивания борьбы за господство в воздухе к операциям сухопутных войск. 21 июля 1929 Я.И. Алкснис и В.О. Писаренко на Р-5 выполнили беспосадочный перелет Москва-Севастополь. Обрато летели без посадки 22 июля 1929. 24 августа 1929 на К-4 погиб Я.Ф. Фабрициус (утонул при посадке на воду в районе Сочи). Комиссия отметила недостатки К-4: Машина – говно. 14 аварий с 23 мая до 24 августа 1929. Много производственных дефектов. Летные качества – неплохие. Комфортабельность – дрянь. Юнкерс или Дорнье по уверениям современников были много лучше. 16 октября 1929 состоялось совещание в УВВС по вопросу результатов испытаний И-3

и принятия его на вооружение. 20 октября 1929 УВВС направило свои предложения «о пятилетнем плане опытного строительства ВВС на 1928/29-1932/33». В записке говорилось, что УВВС провело изучение 675 типов самолетов зарубежных конструкций, в т.ч. 62 были отобраны в качестве образцов для освоения в серии. В работе участвовал и Рязанов. По моторам определили отставание на 4 года. Осенью 1929 Я.И. Алкснис совершил полет на самолете Р-2 с автопилотом и поручил установить на Р-1.

В детстве и молодости и время течет медленнее, и воспринимаешь мир более остро и локально. Стройка за два квартала от тебя кажется изменением мира, в котором все знакомо до мелочей и успело надоесть. В зрелом же возрасте почти не замечаешь такие перемены. При той кочевой жизни, которую ведет Рязанов, он не успевает свыкнуться с окружением. Поэтому он был поставлен в положение, в котором невольно необходимо вникать в суть вещей, не задерживаясь на их оболочке.

С апреля 1930 года он уже в 8-й военной школе пилотов, в Одессе. Здесь он служит командиром и комиссаром эскадрильи. Еще в 1926 году М.В. Фрунзе так высказывался о единоначалии: – Высшим и наиболее желательным типом единоначалия будет совмещение в одном лице функций как строевых, так и партруководства. Но такое совмещение требует от командира таких свойств и качеств, которые найдутся далеко не у всякого даже партийного командира. В перспективе же, разумеется, этот тип единоначалия будет являться венцом наших достижений. Песня тех лет об эскадрилье:

«Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир,
В последний бой,
Лети, стальная эскадрилья!»

В каких мирах, в каких пространствах летит теперь эскадрилья Рязанова? Летчики ближе к небу. Может, в небесном воинстве служат? Как у Высоцкого: «Впишите нас с другом в какой-нибудь ангельский полк». Наверное, уже все его летчики перелетели туда, на крайние круги свои. Вся эскадрилья тогда, видимо, вскоре в последний бой и улетела.

Рязанову понравилось в Одессе. С 5.04.30 по 10.12.31, 2 лета, 2 осени, провел он там. Степные травы с дурманящими запахами вокруг аэродрома, акации, море, небо какое-то ласковое, мягкое. Обжигающее солнце, обилие рыбы, вина, овощей, фруктов. Привлекал мягкий юмор одесситов, их веселый нрав. Он купался и плавал в море, вспоминая Волгу, несколько раз ловил бычков с прибрежных камней, а пару раз выходил на рыбалку с аэродромным техником, живущим рядом. Один раз на весельной шлюпке, а другой – на парусном яле, они ставили вечером сети, а утром снимали, выбирая разнообразную живность, запутывающуюся в них. Василий бережно вытаскивал морских коньков, похожих на шахматные фигурки, выпуская их обратно в море. Василий днем – полеты, в основном, были вечером – гулял вдоль моря в сторону Большого Фонтана, любясь чайками и альбатросами, птицами морскими и небесными и раздумывая над возможностями птиц деревянных и стальных. Он летал в командировки в Запорожье, Качу, Бровары. Там обменивался опытом, учил других и снова учился сам. Летом погода была, в основном, солнечная, и пилоты на аэродроме ожидали сложную погоду, чтобы потренироваться в управлении машинами в облаках, при плохой видимости. Поздней осенью и зимой с моря дул холодный сырой ветер, стоял туман, влажность повышена. Самолеты в таких условиях быстро изнашивались, и техники работали, не покладая рук.

Василия притягивали морские просторы. Его, влюбленного в небесные дали, манили масштаб, кругозор. В волжских лугах это было. Не так в тесных городах. И вот теперь ширь степей, переходящая в море, влекла своим размахом, тянула за край. Да и солнца здесь больше, чем в Москве или в Ленинграде, и полеты могут быть интереснее.

Однажды курсант при посадке съехал с полосы, перевернулся, обломал крыло. Сам отделался ушибами. Начальник 8-й военной школы пилотов Иван Панфилович Антошин, бывший командир и учитель Чкалова, вызвал к себе Рязанова:

– Василий Егорович, ты его не очень ругай. Он парень неплохой, с кем не бывает.

– Да я уже сгоряча все ему высказал. Теперь отошел. Но при посадке думать надо все-таки о самолете, а не о девушках. Хороший летчик должен сливаться с машиной. Я его на неделю от полетов отстранил, пусть поразмышляет на досуге.

– Хорошо. Еще, Василий Егорович, у меня к тебе разговор. Ты парень грамотный, толковый. Может, прикинешь оценки перелета, скажем, Одесса-Ленинград-Одесса. Если перелет разрешат, новую навигационную систему испытаем, мнение о школе поднимем.

– Быстрее, выше, дальше, – это, конечно, хорошо, правильно, и даже здорово. – Ответил Рязанов. – Но достижения – это только верхушка, следствия самоотречения в морали и самоанализа в мышлении. Важнее следствий причины, их вызывающие. Главное – внутренний настрой и готовность. А с этим у наших орлов пока не очень. Последний случай это и доказал. А о перелете подумаю обязательно. Надо бы технику подтянуть. Да и уже из Иркутска в Москву почтово-пассажирские рейсы на «фоккерах» идут.

Василий не особенно любил технику в чистом виде. Есть люди, любящие ковыряться в моторах, конструировать, настраивать разные приборы, собирать их. Для Василия техника была средством достижения цели. И если он сперва детально разобрался в ее устройстве, изучал схемы, тоже что-то собирал и разбирал, то потом как-то охладел к ней. Да и времени не было. На его памяти техника быстро менялась. Только изучишь одну систему, как появляется другая. И он решил, что это дело узких технарей, нельзя объять необъятное, ему достаточно знать общий принцип, без вникания в детали.

С недавних пор его стали привлекать вещи более глубокие и общие, чем техника, более, что ли, загадочные. Человек и природа, общество, организации в обществе и в природе, например, воздушные потоки и вихри, – это важно для полетов. А поведение коллектива людей важно для управления, командования ими. Если на первом курсе Коммунистического университета он писал в анкете об интересе к технике, возможно, бессознательно отгораживаясь от нахлынувшего потока общественных наук, то теперь именно знание общественных дисциплин его и манило. Причем, знания конкретные, военные, которые можно применить немедленно в своих целях.

Георгий Васильевич Рязанов, старший сын Василия, недавно писал: есть умельцы, которые целыми днями копаются в автомобиле или компьютере, а есть личности, рожденные «для вдохновений, для звуков сладких и молитв». Кто из них ближе к Богу? Ответ: И те, и другие страшно далеки от Него. А близки те, кто использует технические конструкции для расширения возможностей своей психики в сфере искусства, религии, мистики, а затем в рамках этой расширенной психики творит принципиально новые технические устройства. Здесь Георгий анонсирует свои физико-мистические исследования, Откровения, в которых указана техника выхода из власти материи [2]. Что-то подобное испытывал, возможно, и его отец.

С 10 декабря 1931 г. Рязанов в Москве, командир и комиссар эскадрильи военной школы специальных служб Военно-Воздушных Сил РККА, ВШ спецслужб ВВС РККА. А.В. Беляков, впоследствии штурман чкаловского экипажа, учился и работал там. Он вспоминал, что слушателям аэронавигационного отделения преподавали динамику атмосферы, которую вел профессор В. Ф. Бончковский (Вячеслав Францевич Бончковский вошел в историю школы как один из организаторов и педагогов. В течение 13 лет он читал там курс лекций по метеорологии, атмосферной оптике и геофизике, за что получил звание полковника административной службы), курс аэрологии профессора В. И. Виткевича, курс гидрологии и океанологии профессора Бастамова. Очень интересен был курс синоптической метеорологии инженера И. И. Мархилевича, курс физики атмосферы профессора А. А. Сперанского. Слушатели с удо-

вольствием посещали и университетскую обсерваторию на Пресне, где слушали лекции профессора С. Н. Блажко по астрономии. Навигаторов часто именовали также и «ветродуями», поскольку на их обязанностях лежал также запуск шаров-пилотов и наблюдение за ними в теодолит. С А.В. Беляковым Рязанов служит затем в Военно-воздушной академии им. Жуковского и в созданной в 1940 г. военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии. Затем они встретились в 1945 году, когда Беляков в должности главного штурмана воздушной армии участвовал в Берлинской операции. В военной авиации только начали создаваться спецслужбы. Сегодня этому термину придается однозначное и совсем другое значение. Школа же должна была готовить фотолаборантов, фотограмметристов, техников по авиаприборам, авиационных метеорологов, радиотехников за одногодичный срок обучения. Рязанов знакомится со многими вещами, которые затем ему пригодились. Больше всего, наверное, помогли ему полученные знания по фотоделу. Помогли и другие вещи. Из-занятости он не смог детально их изучить, но хотя бы узнал о их существовании, и затем, когда это понадобилось, узнавал уже подробнее, например, о радионавигации. Потом в 1-м шак он организовывал фотографирование результатов вылетов, во многом опираясь на опыт школы спецслужб, хотя там он занимался совсем другими делами. И другие направления школы – авиаприборы, радиотехника, метеорология, – конечно, тоже очень понадобились.

Школа вскоре опять перебралась на новое место – на Таганку, в Дурной переулок. Летное отделение при школе было сформировано в 1925 г. Начальником школы был А.Н. Львов, а начальником учебного отдела А.П. Сегеди. Я.И. Алкснис поставил задачу обратить внимание на летную подготовку слушателей, обучить их полетам по маршрутам, показать, как надо соблюдать ориентировку, восстанавливать ее в случае потери. Алкснис интересовался программами школы, подготовленностью специалистов, полетами постоянного и переменного состава школы. Работы у Рязанова было много.

Эскадрилья школы спецслужб базировалась на Центральном аэродроме, где проводились полеты со слушателями. Здесь же базировались и ЦАГИ, подразделения научно-исследовательского института ВВС, и другие. На аэродроме обычно собирался весь цвет тогдашней авиации. Здесь Рязанов встречался со многими знаменитыми авиаторами: В. Чкаловым, М. Громовым, А. Анисимовым, Г. Байдуковым, И. Михеевым, В. Коккинаки. С Громовым и Байдуковым он еще встретится в военные годы. Авиаторы, техники и навигаторы любили московский аэродром. Летом зеленела трава, неторопливо плыли по небу кучевые облака. В перерыве наскоро закусывали и, если оставалось свободное время, сражались в городки. Многим из городошников вскоре предстоит сражаться плечом к плечу: в Испании, на Халкин-Голе, в Финляндии, и на главной, большой войне. Дружеские связи тогда помогут – лучше прикрывать друга, чем абстрактного сослуживца. Да и знание привычек, характеров друг друга выручит.

Тогда он подружился с Чкаловым. Оказалось даже, что они в родстве. Они раньше встречались в Ленинграде. Встретились и на аэродроме в Москве, присели отдохнуть под деревом. Когда разговорились, выяснилось, что они не только учились в одних летных школах, но и земляки. – Родился я в Василеве, а отец у меня высококовский, и в детстве я часто жил там, – рассказывал Чкалов. Стали вспоминать родные места, искать общих знакомых и друзей, живущих в поселках Высоково и Большое Козино – это совсем рядом, километра четыре. Почти все родственники Чкалова похоронены на Большекозинском старом кладбище. Чкалов назвал фамилию Некоркина. – Степан Иванович Некоркин? – спросил Рязанов. – Его жена родная сестра моей матери, моя тетка. – И мой родич, – весело сказал Валерий. – Это же мой дядя. Значит, мы с тобой братья. Хотя братьями они были скорее небесными. Оказалось, дядя Чкалова был еще и крестным отцом Василия, так записано в метрической книге за 1901 год. С тех пор и стали их звать "братанами". Когда они выяснили это, Чкалов заявил: ну, братан, с тебя литр водки за установление родства, на что Рязанов ответил: я не пью. – Беда неболь-

шая, больше нам достанется. В 2011 году на 110-летию Рязанова я вместе с ветеранами был на родине Чкалова, в его доме-музее.

Да и времени на питье не хватает. Впрочем, иногда в отпуске время находилось. Как вспоминал один большекозинец: захожу в чайную, а там Рязанов с Чкаловым водку пьют и капустой закусывают. Почти на том же месте, где была эта чайная, сейчас стоит памятник Рязанову, как дважды Герою (а не месту, где Рязанов пил водку с Чкаловым). За бывшим селом Высоково, вошедшим сейчас в Нижний Новгород, где напротив чкаловского дома стоит его бюст, в центре города, за Кремлем, над волжским откосом – величественный памятник Чкалову. С братаном Василию попрощаться не довелось. В конце 38-го года, когда погиб Чкалов, его названный брат Рязанов сидел в тюрьме.

В начале же тридцатых все было подчинено небу. Служба, работа, полеты, подготовка к ним, теоретическая учеба, – всего не перечислишь. Рязанов изучает аэродинамику, технику авиации, видимость в атмосфере, аэронавигационное самолетовождение, действия наземных войск, тактику и технику воздушного противника, возможности и приемы завоевания господства в воздухе, взаимодействие с другими родам войск, воздушные операции, оперативно-стратегическое использование воздушных сил. Способность воздушных сил разрушать любые объекты неприятельской страны породила после 1-й мировой войны на Западе доктрину прямого воздействия: «Наступать с воздуха, обороняясь на поверхности» (Дуэ); «экономнее выиграть войну террором» (Фуллер). Атака с воздуха парализует крупные города, нервные узлы страны, парализуя ее жизнь. Завоевание воздушного господства затем решает все задачи. Дуэ писал: «...завоевать господство в воздухе – значит победить, а потерпеть поражение в воздухе – значит быть побежденным и вынужденным принять все те условия, какие неприятелю угодно будет поставить». В статье С. Переслегина «Основные понятия "аналитической стратегии"» с именем Дуэ и другого теоретика – Митчелла связывается создание "гипермодернистской стратегии", ставящей целью войны условия выживания мирного населения страны противника. Гитлер с самого начала строил свои действия на "гипермодернистской стратегии". Троцкий в 1924 г. в «Красной звезде» опубликовал статью «Военная авиация и химия» с упором на химию. У Булгакова в пьесе «Адам и Ева», написанной в 1931 году, описана такая ситуация. Пьесу потому и не поставили, что Алкснис сказал: «Ее нельзя ставить, там показано уничтожение Ленинграда». Среди героев пьесы три авиатора. Один из них, Дараган, говорит в финале пьесы гениальному изобретателю профессору Ефросимову, спасшему мир: «Эх, профессор, профессор!... Ты никогда не поймешь тех, кто организует человечество. Но что же... Пусть по крайней мере твой гений послужит нам! Иди, тебя хочет видеть генеральный секретарь».

А ведь этот сценарий разыгрывался в реальности. Почти то же произошло, но уже с ядерным взрывом в Хиросиме и Нагасаки. Но суть одна, – цепная реакция и там, и там, только в одном случае химическая, а в другом – ядерная. Как бы чувствовали себя летчики? Думали над этим Василий? Наверное, думал, образование у него было все-таки гуманитарно-общественное. Эта доктрина не осталась нереализованной Западом. Кроме Хиросимы, была массированная бомбардировка Дрездена и других городов. Начали немцы в Англии. Мама, проезжавшая тогда дважды через Дрезден, рассказывала, что дышать там было невозможно, хотя во второй раз уже команды в масках огнеметами уничтожали трупы. В рамках доктрины Дуэ лежит и сравнительно недавняя война в Персидском заливе, когда месяц работала только американская авиация, уничтожая военную машину Ирака, события в Ливии. Доктрина приносила плоды, верно предвиденные Булгаковым. Рязанов после бомбежки Дрездена был там и видел ее ужасающие последствия. Вел ли он себя как Дараган, пытавшийся расстрелять своего спасителя? Скорее всего, нет! И не потому, что он был гуманистом и не был бы верен присяге. Он умел смотреть в корень вещей, отделять зерна от плевел, не следовать штампам, рассуждать трезво и в то же время совестливо. Об этом ниже.

Рязанов буквально запоем проглатывает каждую новую книгу или статью по авиации, – отечественную или иностранную. Потом начинает читать снова, уже штудируя, делая заметки, записывая свои мысли, возникающие при чтении. А потом, уже в самолете, в небе, пытался проверить свои новые идеи. Кое-что отпадало, оказываясь пустышкой. Но многое было полезным, конечно, затем проверенное, продуманное и испытанное. Если он решался на какой-то эксперимент, то выполнял его со строгим расчетом.

На могильной плите А.И. Покрышкина выбиты его слова: «Подвиг требует мысли, мастерства и риска». А его друг дважды Герой Советского Союза А.Ф. Клубов говорил: «... Покрышкин по-другому рассуждает: искусство истребителя – наука и труд. Конечно, тут и вдохновение требуется, и интуиция, но это все-таки не стихи писать. Тут девять десятых учебы и труда и одна десятая вдохновения и интуиции – вот как «Золотые Звезды» зарабатываются...».

Была, конечно, и повседневная жизнь, быт, сходный, наверное, с повседневной жизнью миллионов советских людей. По свидетельствам очевидцев, он умел и любил танцевать. Научился он этому, видимо, не в Большом Козино и не в Балахне, а или в Борисоглебске, или позже. Но на эту жизнь, нехитрые развлечения, прогулки в парке, катания на лодках, кино и мороженое, часто не хватало времени.

Когда он был командиром отряда, и – позже – командиром эскадрильи, ему не давала покоя проблема слаженного группового полета группы самолетов, той же эскадрильи. Как ни бейся, без связи между самолетами эта задача не решается. Но как связываться? Не перекрикиваться же. Да и разные сигналы, флажки, выпелы, условные знаки, покачивания крыльями не эффективны. Были еще голубь и кошка (не живая, а крюк на канате), пиротехнические, акустические и оптические средства связи. Но лучшее средство – радио. Но тогда летчик должен быть и радистом? Масса технических проблем: с установкой радиоприемников и передатчиков на самолетах, настройкой волны, антеннами. Эфир переполнен морзянкой, а разыскивать нужную рацию в полете нет времени. Он консультируется с радиоспециалистами. Хорошо, что в полете самолеты недалеко друг от друга. Можно все самолетные рации установить на фиксированную ультракороткую волну. Рязанов облетывает Р-5, поступивший в Военную авиационную школу спецслужбы. Он до войны и во время войны летал на всех системах самолетов, которые были на вооружении: бомбардировщиках, штурмовиках и истребителях.

Возможно, эти и другие проблемы они обсуждали с Чкаловым, с которым дружили семьями, приходя в гости друг к другу. Там они, конечно, уединяются от женщин и детей и часами беседуют о любимом деле. Делятся опытом, вспоминают особенности различных самолетов, детали полетов, строят планы на будущее, обговаривая возможности их реализации. Горячо спорят, отчаянно жестикулируя, рисуя разные схемы. В таких разговорах рождались чкаловские афоризмы: «Махнуть бы вокруг шарика!», «Если быть, то быть первым». И характерами они были похожи. Чкалов, может быть, более бесшабашный, за что его в 1933 году и уволили из армии.

Георгий Рязанов рассказывал мне, что сын Чкалова Игорь был возраста Георгия, на два года старше, и они общались, когда их отцы решали свои проблемы. Еще одна ниточка, связывающая Рязанова с Чкаловым. Л.А. Рязанов рассказал мне, что командир и учитель Чкалова в ленинградской летной школе Петр Семенович Шелухин, один из пионеров авиации, был хорошо знаком и с Рязановым. Он был начальником штаба 2-й истребительной авиационной армии под командованием Рязанова в 1942 году. А в конце сороковых был заместителем Рязанова в 69-й воздушной армии, которой командовал Рязанов. Я нашел пространное поздравление, написанное Шелухиным от руки к пятидесятилетию Рязанова, и шкатулку с портретом Сталина в полный рост на крышке и дарственной табличкой на другой стороне крышки. Сейчас их могилы рядом.

Это сейчас, что авиация, что ботаника, далеки от народа. Тогда же летчики были кумирами. Время было романтичным, авиация – тоже, соединение авиации и романтики времени давало и желание работать и удовлетворение от работы. Летчики пели песни, и поэты слагали песни о летчиках. Сталин был увлечен авиацией, и это увлечение передавалось как членам Политбюро – дети многих из них стали летчиками, так и тысячам молодых людей самых разных сословий и профессий. Летчиком стал и сын самого Сталина, Василий. Он знал Рязанова и относился к нему с большим уважением. В академии в Монино он был его учеником, затем они вместе сражались. Есть поздравительная телеграмма Василия Сталина к 50-летию Василия Рязанова, написанная с почтением, как к учителю, старшему товарищу, наставнику и соратнику.

«Особого внимания удостоивались также авиаторы, к которым Верховный буквально питал слабость и даже сына своего Василия заставил получить летную специальность. Скажем, 5 ноября 1942 года ... И. В. Сталин нашел время и возможность собрать в Кремле всех знаменитых авиационных генералов того времени – А. А. Новикова, Г. А. Ворожейкина, С. И. Руденко, Ф. Я. Фалалеева, Н. А. Соколова-Соколенка, А. В. Никитина, В. А. Судеца, В. Г. Рязанова, И. С. Полбина, Н. А. Сбытова, В. И. Сталина и других. Позволяю себе утомлять читателя перечислением этих фамилий потому, что даже не имя, а инициалы некоторых из этих людей приходилось мне, военному, пишущему историю Ставки ВГК, узнавать с огромным трудом. Ведь знаменитыми эти летчики были тогда, сейчас же мы их просто забыли. Так вспомним о них хотя бы теперь, в год 50-летия Великой Победы! Пусть на страницах моей книги они останутся, как напоминание о том, что Победу творили не только и не столько вожди...», – написано в книге Ю.А. Горькова «Кремль. Ставка. Генштаб».

В ЦАМО есть две карточки на В. Г. Рязанова. В первой написано:

Рязанов Василий Георгиевич, 1901 г.р. Л/бомбард. ав. эскадр. ав. бригады ВВА С ККА. К-р и военком эскадры – 11.7.33. Р. 0739-33 в ВА Ав. бриг. Командир и военком Ав. бриг – 27.12.33. Р. 0991-33 ВВАК им. Жуковского – Слуш. ф-та №1 13.12.35 – "Полковник" НКО – 26.01.35 1.2.36 – Сост. в распор. упр. по н/с – НКО – 0363. Командир и военком ав. эскадр. в шк. спец. служб ВВС РККА. 26.3.36 – Зачисл. в расп. Начальника ВВС РККА. НКО – 512 14.7.36 – 44 л/ш а/э командир и военком – НКО – 1158-36г. 27.3.38 – Уволен из РККА по ст. 44 п.в НКО 0082. В кадр. МВС. Ув. в отст. по ст. 43 (по бол? – нрзб.) МВС 0795-10.10.46 ЦФУ – 63 г. Ген. лейт. авиации. Умер 8.7.51 г.

Почему написано, что 10.10.46 уволен в отставку?

А вот что есть во второй карточке:

Дважды Герой Советского Союза Рязанов Василий Георгиевич, род. 23.01.1901. Присвоенные звания: Генерал-лейтенант авиации – СНК 17.3.43 Военное образование – П/к в УК ВВС Прохождение службы: Командующий – 69ВА – МВС – 0653 – 30.04.1949 8 июля 1951 г. – умер – ГУК – 0917-11.07.1951.

[1] Сайт Борисоглебского ВВАУЛ: <http://www.bvvaul.ru/>

[2] Г.В. Рязанов. Путь к новым смыслам. М. Гнозис.1993.

[3] Оренбургское летное. <http://www.testpilot.h14.ru/orenburg/ovvaul.htm>.

В.Г. Рязанов (стоит в центре) в Борисоглебской военной школе летчиков.

В.Г. Рязанов в 1926 году в
Борисоглебской военной
школе летчиков.

Рязанов третий справа в первом ряду – инструктор подива
- политотдела дивизии 17-й Нижегородской дивизии.

Глава 4. Академия. Арест

Появлялись новые самолеты, совершенствовались средства аэронавигации, бомбометания, велись работы по тактическому маневрированию самолетов в боевых порядках. Речь идет о маневрировании скоростью, высотой, курсом с помощью указателя поворота и скольжения. Конструировались новые самолетные приборы, усложнялись и модифицировались старые. Средства аэронавигации, компас, указатель скорости, высотомер, часы с секундомером, бомбардировочный прицел в кабине летчика. Здесь же находились планшет с картой, таблицы навиграмм, боржурнал. В полете по показаниям приборов летчик должен был рассчитывать истинную высоту, истинную воздушную скорость полета, измерять путевую скорость, которая возникала в результате геометрического сложения векторов воздушной скорости и ветра. Были разработаны и систематизированы правила прокладки маршрута на карте с обозначением расстояния и путевого угла. На самолетах начали устанавливать простейшие бортовые визиры для измерения угла сноса и путевой скорости. Для этой цели впоследствии использовались оптические визиры – прицелы для бомбометания. Ведь в полете летчик должен был вести и стрельбу из пулемета, сбрасывать бомбы по наземным целям, корректировать артиллерийский огонь. К этим приборам добавляются новые, необходимо постоянно учиться. Уже нельзя, как раньше, ориентироваться «на глазок»: пользоваться исключительно визуальной ориентацией, линию пути выдерживать по линейным ориентирам – железных и шоссейным дорогам, большим рекам, побережью морей, крупных озер. Уже даже только по компасу летать опасно. Совершенствуются вопросы тактики и стратегии авиации. Их следует прорабатывать детально и кропотливо. Необходимо составлять задания на боевые действия авиации, вырабатывать возможные решения, участвовать в проведении групповых занятий. Надо снова и снова учиться.

Рязанов уже работает в ВВА имени Жуковского. Командиром и комиссаром эскадрильи с 5 февраля 1933 года, а с 17 октября 1933 года командиром и комиссаром авиабригады. А эта

должность очень важная, серьезная и ответственная. Бригада была образцовой, как и должно быть в единственной в стране авиационной академии.

Рязанов поступает в академию, на оперативный факультет. С 1 января 1933 г. при командном факультете работали оперативные курсы по подготовке, высшего состава ВВС, преобразованные вскоре в факультет. Возглавил его ставший затем начальником штаба академии комдив Е.А. Шиловский, чья судьба пересеклась с судьбой М. Булгакова, он же был одним из прототипов Рощина в «Хождении по мукам» А. Толстого. Этот факультет и закончил Рязанов в 1935 г. Вряд ли Рязанов знал Булгакова, хотя... Оперативный факультет тогда существовал недолго. В 1936 г. его объединили с курсами при Военной академии РККА. Но решение оказалось неудачным, и в 1939 г. оперативный факультет ВВА снова возобновил свою работу.

Дни Василия Георгиевича плотно заполнены: утром лекции по истории военного искусства, по тактике, по навигации и самолетной технике, а после обеда предполетная подготовка. В столовой и по дороге домой они с коллегами обсуждают лекции и занятия, жарко дискутируют. На фронте Рязанов тоже на обедах совещался. К тому же от работы комбрига его не освобождали. Каждый день лекции, самостоятельная работа. Слушатели с уважением относились к профессорам и преподавателям академии. Математик – член-корреспондент Академии наук СССР профессор В.В. Голубев читал лекции увлекательно и живо. Штурманское дело читал А. В. Беляков.

Работала в академии Марина Раскова, сумевшая через несколько лет в полетах показать свое выдающееся мастерство штурмана. Слушателями оперативного факультета стали не только командиры авиасоединений, но и командиры стрелковых, кавалерийских бригад и дивизий. Опыт взаимодействия с другими родами войск понадобился Рязанову в войне. Большое внимание подготовке командных кадров уделял Алкснис. В это время в военной авиации было не более 15 авиабригад, но одну из них, ставшую образцовой, Алкснис полностью передал академии. Алкснис внушал общевойсковым командирам, что без авиации в современной войне не обойтись, – и это затем подтвердилось. Став летчиком в 1929 году, Алкснис всего за месяц своего отпуска изучил штурманское дело.

Академия им. Жуковского того времени находилась в нескольких зданиях. Медицинская часть располагалась в бывшем загородном ресторане «Черный лебедь», склады академии – в бывшей церкви. В Петровском дворце, Петровском замке – императорском путевом дворце на Петербургском тракте обосновались кафедры и лаборатории инженерных факультетов. До конца двадцатого века располагалась они в этом здании. Кафедры командного факультета поместились в бывшем ресторане Скалкина на Красноармейской улице. Летчики потеснили цыган, ранее обитавших в Петровском парке. Кафедра аэронавигации размещалась на балконе большого зала. Занятия проводились по углам и вдоль стен ресторана. Работали кафедра тактики, кафедра оперативного искусства, а также кафедра связи, противовоздушной обороны, «огневая», объединяющая курсы воздушной стрельбы и бомбометания. Когда начинались полеты, один из преподавателей аэронавигации непременно являлся на аэродром. Он контролировал готовность слушателей к тому или иному упражнению, оценивал его выполнение. Преподаватель и сам выполнял полетное задание, что учитывалось в зачетах по практике. Так незаметно многие преподаватели сдали экзамены за курс командного факультета. Многие его воспитанники в будущем проявят себя способными командирами, военачальниками, командуя авиационными частями, соединениями, объединениями.

Уделялось большое внимание и формированию военного мышления слушателей. Среди преподавателей военных дисциплин один из блестящих полководцев гражданской войны – легендарный Гай, крупнейшие специалисты А.Н. Лапчинский, А.А. Свечин, Ф.Ф. Новицкий, Д.М. Карбышев, Н.А. Яцук. Для эпизодических лекций приглашался и Б.М. Шапошников, впоследствии Маршал Советского Союза. Утренняя поверка начинала день в академии. Построение происходило в Круглом зале, на втором этаже. После двух-трех часов занятий,

во время большой перемены интенсивная физкультурная зарядка на свежем воздухе. С профессорами, написавшими основополагающие учебники по аэродинамике, расчету самолета на прочность, двигателям, конструкциям самолетов и практически подававшими эти конструкции, можно было советоваться, а если не согласен, то и поспорить. Передовые идеи, самостоятельные мысли здесь всегда встречали поддержку. Частые споры побуждали думать, обобщать, способствовали самостоятельности суждений. Были и блестящие инженеры с философским отношением к своему труду. Один из таких философов от техники – Виктор Федорович Болховитинов. Много дал оперативный факультет академии его слушателям. Не раз они добрым словом вспоминали С.А. Богомякова, А.С. Алгазина, В.В. Хрипина, В.П. Афанасьева, М.Н. Никольского, А.Н. Лапчинского и других наставников и воспитателей, заложивших основы авиационной теоретической мысли в нашей стране. Курс аэродинамики читал автор широко известных в авиационном мире трудов «Штопор самолета» и «Теория полета» В.С. Пышнов.

Много дал оперативный факультет академии его слушателям. Не раз они добрым словом вспоминали наставников, заложивших основы авиационной теоретической мысли.

С огромным интересом Рязанов и его товарищи слушали курс теоретической аэродинамики Б. М. Земского. Изучали экспериментальную аэродинамику под руководством одного из ее основоположников, Б. Н. Юрьева. Лекции по математике блестяще читал В. В. Голубев. Курсы "Воздушные винты" и "Динамика полета" – В. П. Ветчинкин. С двигателями слушателей знакомил Б. С. Стечкин, конструктор и ученый, основоположник теории воздушно-реактивных двигателей...

Как и во всех высших учебных заведениях, занятия в академии проводились по бригадно-лабораторному методу. Учебное задание выдавалось на бригаду, экзамены сдавали бригадой. Устраивались и мероприятия, сегодня совершенно необычные, например, академические бои по разным предметам. Но вскоре и лабораторно-бригадный метод и академбои отменили. Каждый слушатель стал экзаменоваться самостоятельно, с полной ответственностью за свои знания. Это были годы неустанных поисков, огорчений, удач, годы невероятного мужества и отваги, невероятных усилий людей, строивших отечественную авиацию. Учителями Рязанова были ученики Жуковского. Начальник академии А.И. Тодорский считал, что слушателям следует самостоятельно, без помощи преподавателей, осваивать теорию боевого применения авиации, разрабатывать материалы для классных занятий и летно-тактических учений. Затем предстоят поездки в войска и на флот с целью изучения других видов Вооруженных Сил, двухмесячные лагерные сборы в Серпухове и участие в осенних общевойсковых маневрах. Заключительный этап учебы – обобщение накопленного опыта и составление разработки по оперативно-тактической подготовке. На современном языке – это дипломная работа.

В Осоавиахиме был создан весной 1935 года Центральный аэроклуб. Один за другим устанавливались авиационные рекорды на самолетах и планерах, совершали выдающиеся перелеты полярные летчики. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение о работе Осоавиахима как боевого резерва Красной Армии. Прошел летные испытания скоростной истребитель И-16. Все свои труды по авиации, ракетоплаванью и межпланетным сообщениям завещал партии большевиков и Советской власти Константин Эдуардович Циолковский. – Мы вырастили в наших воздушных силах и имеем сейчас в своей авиации таких людей, которые по праву считаются лучшими авиаторами мира! – сказал, выступая на первом совещании стахановцев, К. Е. Ворошилов.

Трудолюбие, настойчивость, целеустремленность – а она у него была развита – и принципиальность Рязанова, плюс его легкий характер, снискали ему симпатии и уважение однокашников. И влияние его личности, – она ощущалась с первых минут общения. Василия Георгиевича, имевшего к тому времени уже немалый опыт партийной работы, не раз избирали секретарем парторганизации. Часть товарищей в академию пришли со школьной скамьи (точнее, с рабфаков), остальные из армии. Во время летней учебы в лагерях слушатели из числа

военных летчиков поднимали в воздух своих товарищей, не имевших летной подготовки. Будущий маршал авиации С.А. Красовский тоже закончил оперативный факультет, но в 1936 г. Закончили его и маршалы авиации Г.А. Ворожейкин, С.Ф. Жаворонков, Ф.Я. Фалалеев, а также С.К. Горюнов, П.И. Брайко, с которыми Рязанов будет плодотворно работать в войну. С 5.02.1933 Рязанов служит командиром и комиссаром эскадрильи в ВВА им. Жуковского. Н.П. Каманин вспоминал, как в годы его учебы в Военно-воздушной академии Рязанов учил его и других первых Героев Советского Союза летать на новых самолетах. Каманин приводит слова Алксниса о том, что стране нужны очень хорошие, высокообразованные кадры для нашей авиации. Нужны комбриги и командармы. Пока в ВВС есть только одна академия – имени Жуковского. Летали с Центрального аэродрома в Москве. Это неподалеку от академии: перешел дорогу – и уже на аэродроме. Такая близость летного поля позволяла с максимальной выгодой использовать учебное время в погожие дни.

Каманин писал: «А утром на Центральном аэродроме комэск В.Г. Рязанов проверял нашу готовность к полетам. Летали на новом скоростном бомбардировщике СБ. На нем можно было выжимать до 400 километров в час – под стать хорошему истребителю. Нам он очень нравился. Командир эскадрильи Василий Георгиевич Рязанов относился к нам хорошо. Это значит, не делал нам никаких скидок, для него мы были только летчиками, и потому сполна предъявлял требования летных инструкций. Он дал нам провозные на СБ, затем выпустил в самостоятельные полеты. Василий Георгиевич был старше нас по возрасту и по опыту летной работы. Летать он начал в самом начале двадцатых годов и много лет отдал инструкторской работе. В годы минувшей войны Рязанов стал видным авиационным командиром, генерал-лейтенантом авиации, возглавлял штурмовой авиационный корпус, был удостоен двух Золотых Звезд Героя Советского Союза». До 1940 г. академия оставалась единственным военным авиационным высшим учебным заведением страны, готовило командиров для ВВС, инженеров широкого профиля, способных работать и в войсках, и в науке. Ее выпускники командовали авиачастями и соединениями, руководили инженерно-авиационной службой, возглавляли конструкторские бюро, авиазаводы, научно-исследовательские учреждения.

Новых совершенных самолетов становилось все больше и больше. Страна обретала могучие крылья. За годы второй пятилетки экономика страны сделала мощный бросок вперед. Советский Союз не только прекратил ввоз из-за границы проката, шарикоподшипников, алюминия, но и сам стал экспортировать автомобили, тракторы, шарикоподшипники, генераторы, паровозы, анилинокрасители, бензол и многое другое.

Авиапромышленность во вторую пятилетку по сравнению с первой произвела продукции более чем в пять раз. Прекрасные двигатели для самолетов дали конструкторские коллективы, возглавляемые В. Я. Климовым и А. Д. Швецовым. Появились дальние и фронтовые, а также пикирующие бомбардировщики, штурмовики, истребители конструкций А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, В. М. Петлякова, П. О. Сухого, С. А. Лавочкина, А. И. Микояна, А. С. Яковлева, Н. Н. Поликарпова, А. А. Архангельского и других.

Конструкторское бюро Н. Н. Поликарпова создало оригинальную боевую машину для поражения малоразмерных целей – ВИТ-1, воздушный истребитель танков. Это был двухместный пикирующий бомбардировщик, развивавший скорость до 530 километров в час, имевший радиус действия 3 тысячи километров. На борту этого самолета имелось пять пушек и пулеметов и одна тонна бомб.

Немало новых боевых машин появилось в те годы в наших ВВС. И это понятно, ведь мир вползал в новую мировую войну, развязываемую фашистами и милитаристами.

С 17.10.33 Рязанов командир и комиссар авиабригады. Декабрем 1933 г. датирована аттестация командира-военкома 1-й ЛБ авиаэскадрильи за 1933 г. на командира авиабригады ВВА РККА Рязанова Василия Георгиевича. В ней говорится:

«Инициативный, решительный, волевой и весьма требовательный командир. Летное дело любит и летает охотно. Общее развитие хорошее. Тактически подготовлен достаточно. Политически развит отлично. Как командир, пользуется авторитетом среди подчиненных и является весьма надежным хозяином своей части, за период командования эскадрилей резко повысились требовательность, дисциплина, порядок, строевая и физическая подготовка, а также налет на слушательскую практику (5000 часов в год). Участвуя в тактических и оперативных учениях с эскадрилей, показал образцы организованности и работы. Старый командир эскадрильи с большим командным опытом. Тактически подготовлен вполне удовлетворительно. Техника пилотирования хорошая.

Вывод: Должности соответствует вполне. Подлежит выдвижению на должность командира бригады в очередном порядке.

Командир АБ Кармалюк.

По характеру временами вспыльчив и не сдержан, в результате чего допускает грубость и нетактичность, как к подчиненным, так и равным себе, доводя иногда до политических ошибок.

Военком Майсюк.

Декабрь 1933 г.

Окончательное решение утверждающего аттестацию: Согласен. Достоин продвижения на комбрига.

п/п нач. ВВА РККА Хорьков. 26.01.34».

Итак, он теперь комбриг, полковник. В 1930 году при академии была создана учебная эскадрилья в составе 30 самолетов Р-1. В 1931 году она преобразуется в учебную авиагруппу. В 1933 году на базе группы создается авиабригада. Без бригады не обошелся ни один авиационный парад в Москве. Базировалась бригада на Центральном аэродроме. В ней проводилась летная практика со слушателями. Состояла она из трех эскадрилий: истребительной, легкомоббардировочной и тяжеломоббардировочной. Летали в основном с Центрального аэродрома, а летом – с двух аэродромов лагерного базирования. На Центральном аэродроме своеобразный неформальный авиационный клуб. Летчики, техники, штурманы, свободные от полетов, беседуют об авиации, строят планы, рассказывают истории. Молодежь слушает, мотает на ус, стремится подражать опытным летчикам в их любви к небу, поискам нового. Рязанов здесь еще не корифей, но и далеко не последний в своеобразной негласной иерархии авторитетов.

В 1933 году на Центральный аэродром приехали И.В. Сталин, члены Политбюро, члены правительства. Летный состав был выстроен у самолетов. Сталин выступил с речью о летчиках. Он говорил о том, что летчик – это концентрированная воля, характер, умение идти на риск. Авиаторам понравились эти слова.

Летом бригада ВВА перелетала на полевые аэродромы в район Серпухова. В летних лагерях классные помещения и жилье для преподавателей располагались в бывшем монастыре, стоявшем неподалеку от Оки, а слушатели и личный состав авиабригады размещались в палатках. Упражнения в воздухе со слушателями выполнялись разные, например, связь – надо снизиться, пролететь над привязанной между кольшками веревочкой, на которой укреплен пакет, захватить его выпущенной «кошкой» и доставить по назначению. Осваивали новые самолеты, разрабатывали приемы их боевого использования, проводили большие учения и маневры. Рязанов настаивает на том, что необходимо совершенствовать радиосвязь, и к ней переходить от пакетов и «кошек».

Авторитет и мастерство Василия – авиатора росли вместе с авиацией. В начале 20-го века, когда Василий родился, рождалась и авиация. В его детстве, совпавшем с детством летательных аппаратов, авиация была экзотической забавой. Но уже в 30-е годы, когда Василий возмужал, стал серьезным летчиком и командиром: комбриг, полковник, это не шутка, сама авиация далеко ушла от романтических устремлений первых пилотов, превратившись в область индустрии.

стрии, направление науки, сферу бизнеса, военную силу, рычаги политики. Такая же картина и с радио, также родившимся в одно время с Рязановым. Человек использует природу в своих целях, но меняется ли при этом он сам?

По предложению начальника штаба авиабригады А.С. Алгазина летная практика слушателей планировалась параллельно с классными лабораторными занятиями. Преподаватели составляли полетные задания применительно к курсу летной подготовки строевых частей. В авиабригаде была сформирована летно-испытательная станция (ЛИС). Ее возглавил авиационный инженер Н.А. Соколов-Соколенок, комсомолец двадцатых годов, впоследствии начальник Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Но ЛИС предназначалась для практической проверки результатов научно-исследовательских работ академии, поэтому находилась в ведении начальника научно-исследовательского отдела А.И. Шахурин. Алексей Иванович был человеком осведомленным о дальнейших путях развития авиации, умело направлял научно-исследовательскую работу кафедр. Через несколько лет он стал наркомом авиационной промышленности.

Пишутся совместные книги Рязанова с Алкснисом. Или один пишет книгу, второй ее редактирует или пишет к ней предисловие. Впереди много дел, жизнь насыщена и плодотворна. Жизнь в то время, как, впрочем, и почти всегда, была многослойной. Сверху радость, энтузиазм большинства, свершения. На дне аресты, политические процессы, – в этом плане фраза из замечания к аттестации приобретала угрожающий характер. В промежутке еще много слоев. Майсюк был активным участником гражданской войны. Возможно, какая-то ревность к Рязанову, как к комиссару, сказались на его замечании. Из мелких обид, задетых амбиций, уязвленных самолюбий тянутся нити тревог и опасностей в радостный и светлый мир. Из этих нитей вяжутся химеры страхов, ткуются полотна для саванов. Майсюк мог посчитать политическими ошибками искренность Рязанова по отношению к вещам, уже ставших догмами. Рязанов не умел кривить душой. А в партийной кухне он разбирался хорошо. И позже, в году пятидесятом, у него был конфликт с Черноусовым, начальником политотдела 69-й воздушной армией, которой он командовал. Черноусов упорно писал рапорты против Рязанова. Возможно, замечание Майсюка связано с тем, как говорил брат Георгий, что отец не боялся прямо высказывать свое мнение начальникам.

С уходом молодости уходят силы, иссякают дерзость мысли и поступков, азарт, задор, желание, подгоняющие в работе и свершениях. Но приходят опыт, умудренность. Из замечания к аттестации видно, что эмоции еще не оставили Рязанова. Он много работает сам, много требует от себя, и хочет, чтобы и другие соответствовали этим, зачастую завышенным требованиям. У меня в тридцатитрехлетнем возрасте было немало непримиримости и агрессивности. Хорошо, что существенных последствий не было.

В академии была развернута дискуссия. Желавшие высказывали различные мнения, вносили свои предложения. Кое-кто призывал ликвидировать сложившуюся систему обучения. Так, предлагалось отказаться от лекций по основным дисциплинам, от обязательного посещения слушателями всех видов занятий. "Отправим на покой лекционную старушку. Классическую систему лекций и формальных экзаменов надо уничтожить", – предлагали одни. Другие выступали против реорганизации учебного процесса, быстрых темпов в подготовке инженерных кадров и выдвинули свой лозунг: "Пять лет учебы вместо четырех". Чуть ли не в каждом номере газеты "Вперед и выше" появлялись новые предложения. Против ошибочных мнений решительно выступила партийная организация. Направления и пути перестройки учебной работы, приближения ее к потребностям частей ВВС были обсуждены во всех партийных ячейках подразделений и курсов, на заседании совета академии и методических совещаниях, на страницах многотиражной газеты "Вперед и выше". С предложениями по организации учебного процесса выступили ведущие преподаватели В.П. Ветчинкин, Б.М. Земский, И.И. Минц, Б.С. Стечкин. Было признано целесообразным обучение производить на основе

лабораторно-лекционного метода, больше внимания уделять самостоятельной работе слушателей, укрепить учебно-материальную базу практического обучения, обеспечить органическую увязку теоретической учебы с практикой, с жизнью строевых частей ВВС.

Большое внимание в академии уделялось совершенствованию учебно-летной базы. Учебная эскадрилья в составе 30 однотипных самолетов Р-1, которой командовал опытный летчик Н. К. Логинов, в 1931 г. была развернута в учебную авиационную группу, укомплектованную новейшей по тому времени боевой техникой – самолетами Р-5, ТБ-1, И-3, И-5. Задачи этой группы расширялись, в 1933 г. ее реорганизовали в авиабригаду, где слушатели академии проходили учебную летную практику, а также проводились летные эксперименты, подготовленные учеными академии и направленные на совершенствование авиационной техники. Авиабригада принимала участие в учениях ВВС Московского военного округа и авиационных парадах.

Подготовка командных кадров продолжалась в академии до 1940 г. Интенсивное развертывание строевых частей, создание крупных авиационных соединений и расширение боевых задач, решаемых Военно-воздушными силами, привели к организации на базе командного, штурманского, оперативного факультетов и курсов усовершенствования высшего начальствующего состава ВВА имени профессора Н. Е. Жуковского новой академии – Военно-воздушной академии командного и штурманского состава ВВС Красной Армии. Местом ее расположения стал поселок Монино в Подмосковье. Там Рязанов тоже будет работать, но сначала пройдет через трудные испытания и едва не погибнет.

Первоочередной задачей командного факультета являлось создание учебников и учебных пособий. Большой интерес представляли работы М.П. Строева "Очерки фронтовой организации управления Воздушным Флотом", А.Т. Кожевникова "Тактика истребительной авиации", Г.Д. Баньковского "Тактика разведывательной авиации". В 1939 г. преподаватели командного и заочного факультетов выпустили сборник "Академия в помощь строевым авиачастям", который получил высокую оценку в авиационных частях. С ростом авторитета оперативно-тактических кафедр командование ВВС стало поручать им более ответственные задачи. Летом 1939 г. по приказу Начальника ВВС была создана комиссия по подготовке Боевого устава бомбардировочной авиации, в которую вошла группа преподавателей комфака в составе В.П. Конокотина, А.П. Некрасова, Г.И. Игнациуса. Редактирование устава осуществлял бывший заместитель старшего руководителя кафедры ПВО комфака Б.Л. Теплинский. 26 января 1940 г. Боевой устав бомбардировочной авиации был утвержден и введен в действие. После завершения этой работы А.П. Некрасов был включен в комиссию для создания Полевого устава Советской Армии.

В академии впервые в Советском Союзе стал издаваться курс авиационной медицины. Лекции читал один из родоначальников советской авиационной медицины Н.М. Добротворский. Доскональное знание медицины, специальная подготовка в качестве летчика-наблюдателя и высокая эрудиция позволили ему не только успешно готовить курс лекций, но и обобщить их в виде первого у нас в стране руководства по авиационной медицине, изданного в академии под названием "Летный труд".

Преподаватели летных факультетов были не только хорошими специалистами, способными умело излагать свой предмет. Каждый из них в любое время мог командовать авиационной частью, соединением или руководить деятельностью штаба. Например, начальник кафедры комфака А.Т. Кожевников был назначен помощником начальника Уральского военного округа по авиации, преподаватель В.Г. Рязанов во время Великой Отечественной войны успешно командовал штурмовым авиационным корпусом. Преподавателем Рязанов стал в 1939 г., у него было и научное звание – ассистент, – не знаю, чему в сегодняшних званиях это соответствует.

Во время войны по заданию Военно-Воздушных Сил академия выполнила для фронта более 500 научно-исследовательских работ, выпустила массовыми тиражами технические описания и указания по эксплуатации отечественной и иностранной авиационной техники. Про-

фессор Г.И. Покровский разработал принципы построения противотанковых авиационных бомб, которые в массовом количестве были созданы промышленностью и широко применялись против бронетанковой техники противника в 1943 году, в начале Курской битвы, и в других сражениях они помогли и летчикам корпуса Рязанова. Б.А. Красюк и В.П. Селезнев разработали эффективный метод размагничивания бронекорпусов штурмовиков Ил-2. Этот оригинальный метод был внедрен на заводах.

Рязанов возвращается к идее управления группой самолетов при помощи радио и успешно реализует ее. На фотографиях воздушных парадов самолеты печатают в небе огромными буквами: «Слава Сталину». Без управления с земли и связи между самолетами по радио такой слаженный полет невозможен, хотя Шелухин еще в 1924-м году строил самолетами слово «Ленин», а немецкие самолеты позже при помощи радио рисовали в небе огромную свастику. Рязанов начинал раньше. Эти наработки очень помогут Рязанову в военное время. Вообще, Рязанов старался каждое начатое дело доводить до конца. Иногда даже нечто мистическое казалось ему в том, что надо завершить то, что начато. Как бы закрыть этап, закончить одну жизнь и начать другую, лучшую, более полную уже на то, что сделано в предыдущей, законченной жизни. И крестьянская добросовестность, обстоятельность и совесть не позволяли ему бросать что-то на половине. Так, он закончил все учебные заведения, в которых учился – а их было семь. Хотя иногда обстоятельства складывались так, что завершить что-то не было никакой возможности. Тогда он долго мучился, пытаясь найти время и возможности вернуться к оставленному, и с трудом отрывался от него, если обстоятельства не позволяли закончить начатое.

Есть среди документов В.Г. Рязанова справка, составленная Барановым: Я, Баранов Алексей Владимирович, член ВКП(б) с 20.4.1917 г., партбилет №0243431 с завода Красная Этна, г. Горький, подтверждаю, что Рязанов Василий Георгиевич действительно вступил в кандидаты ВКП(б) в 1919 г., и переведен в члены ВКП в мае 1920 г. в Б-Козинской ячейке ВКП Балахнинского района Горьковского края. Лично т. Рязанова знаю с детства, вместе учились с ним в школе. По окончании сельской школы он учился в Балахнинском городском училище. Социальное положение: они бедняки, жили очень бедно. Еще в то время т. Рязанов проявлял исключительную способность и выдержанность. 1.2.36 г. Член ВКП (б) Подпись. Подпись заверена. Зачем она была нужна в 36-м г.? Какой-то конфликт произошел, в чем-то его обвинили или заподозрили?

Об обстановке, общественной атмосфере вокруг летчиков в те годы, когда никакие эстрадные или кинозвезды не могли сравниться по популярности с летчиками, вспоминал Н.П. Каманин: «Несколько раз звонил Л.Е. Кербель, он тоже хочет сделать мой скульптурный портрет. Я отказал ему из-за большой занятости. Только что позвонил Александр Иванович Тодорский, он собирается выступать по радио в день столетия К.С. Станиславского и хочет упомянуть о нашей встрече с Константином Сергеевичем в 1937 году у него на квартире (я тогда был слушателем, а Тодорский начальником академии имени Жуковского). О нашей встрече со Станиславским написана картина; она была на выставках, о ней писали в газетах (речь идет о картине В.П. Ефанова "Встреча слушателей Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского с артистами Театра имени К.С. Станиславского" (В.Р.))». После войны, в 1950-м году Л.Е. Кербель вместе с В. Цигалем сделали скульптурный портрет В.Г. Рязанова для его памятника на родине, как дважды Герою. Памятник открыли в 53-м, уже после его смерти.

Вскоре Рязанов получил назначение командиром-комиссаром 44-й штурмовой авиабригады в Красноярске, Сибирский военный округ. С 11 июля 1936 года командует он этой бригадой. Бригада только формировалась. Самолетов пока было в ней немного: 41 самолет Р-5 и 12 учебных У-2. Были и самолеты ДИ-6, как и Р-5, переоборудованные под штурмовиков, их усилили стрелковым вооружением. Скорость у них уже к тому времени была мала, вооружение слабое, а уязвимость от стрелкового вооружения противника оставалась. Созданные штурмо-

вые авиабригады на учениях отрабатывали применение штурмовой авиации, ее тактику. Летчиков было 120 человек. Они летали на полигон, бомбили, стреляли. «За последние полгода в 44-й шаб произошло две аварии самолетов, одна авария мотора и 10 вынужденных посадок», – отмечалось в акте проверки.

В.П. Чкалов после беспосадочного перелёта Москва – остров Удд на самолете АНТ-25 20-22 июля 1936 года на обратном пути сделал 8 августа 1936 года посадку на аэродроме 44-й штурмовой авиабригады, встретился с Рязановым, рассказал о перелете, обсудили планы на будущее. Главное – душевно поговорили. Вспоминали, может быть, родные места, общих знакомых. Рязанов посмотрел знаменитые красноярские столбы и даже забрался на один из них. Красота сибирской природы, Енисей очаровали его. Но снова не хватало времени. Бригада была особая, специальная – химзащиты. При неожиданной атаке на конницу противник не успел бы надеть противогазы на лошадей. Штурмовая бригада могла за два вылета сбросить 9 т иприта или 7,2 т гранулированного фосфора. Две бригады за один вылет могли перебить всех лошадей в польском пехотном корпусе. Доктрина Дуэ вынуждала принимать защитные меры. В книге В. Успенского «Тайный советник вождя» сказано, что доктрина Дуэ оказала влияние и на Сталина. Именно тогда он обратил особое внимание на состояние нашей авиации, на ее развитие. Рязанову приходилось осваивать новые вещи, связанные с химией, организовывать, разыскивать что-то, чего в этих местах не было. С. А. Донченко, командовавший затем дивизией в корпусе Рязанова, вспоминал о своем прибытии в 1-й шак: «Спустя несколько дней меня вызвал генерал Рязанов и тепло поздравил с назначением. Разговорились, вспомнили один курьезный случай. Первое мое знакомство с Василием Георгиевичем произошло в 1937 году в Сибирском военном округе. Он в то время командовал 44-й штурмовой авиабригадой, вооруженной самолетами Р-5. Как-то в декабре утром комбриг и я – инспектор – вылетели на учебный полигон для отработки бомбометания с бреющего полета по колонне танков. Над Красноярским краем тогда стоял мощный антициклон, температура воздуха доходила до минус сорока градусов. Мне показалось несколько странным то обстоятельство, что командир бригады решил лично лететь в такой мороз как штурман экипажа на учебное бомбометание. Но приказ есть приказ, и он не обсуждается. Поднялись в воздух. На высоте – холод собачий. Сделали три захода на колонну танков. Только я решил пойти на четвертый, как тут по переговорному устройству комбриг кричит: «Все! Пошли домой». Домой так домой. После посадки зарулил на стоянку, выключил мотор, выскочил на плоскость. Смотрю, Рязанов что-то не спешит покинуть машину, нагнулся в кабине. А когда стал вылезать, я увидел, что у него нет маски и очков. Думал – снял, но комбриг как-то виновато показал на голову мол, улетели. Смотрю, а у него на бровях сосульки висят, левая щека побелела. Тут я непроизвольно улыбнулся, что, конечно, заметил Василий Георгиевич. Лицо его посуровело, со строгостью сказал: «Ты почему смеешься, старший лейтенант, над командиром бригады? Я должен знать, в каких условиях работает и летчик, и его штурман. Понятно?» Мне стало неловко и стыдно за свою бестактность, но я в дальнейшем еще больше проникся уважением к своему командиру, который всегда и везде проверял все на себе...».

Еще Донченко пишет о Рязанове «Я прибегаю к биографическим данным Рязанова, чтобы с полным основанием сказать: это был человек высокой партийнойковки, обладающий поразительной трудоспособностью, неумной тягой к знаниям. Начав сравнительно поздно летать, он освоил многие типы машин, одновременно занимался научной работой. Система радиоуправления группами самолетов, успешно применяемая в военных операциях, разрабатывалась им еще тогда, в далекие 30-е годы».

Я был знаком с покойным уже полковником, служившим в Красноярске под началом Рязанова. Если Донченко в своей книге много раз вспоминает о Рязанове в самых превосходных степенях, то этот полковник вспоминал о нем еще более похвально. Для него он был не только командиром, но почти родным отцом. Всем лучшим в себе, – он говорил, – я обязан

Рязанову, он научил меня всему, что я могу и умею. Или со временем то, что было в годы его молодые, прошло аберрацию, или он пытался так польстить мне, но в его описании Рязанов выглядел чуть ли не живым божеством.

Дело маршала Тухачевского и закрытые процессы военных по сей день остаются одной из загадочных страниц советской истории. Был ли заговор военных? Историк Юрий Жуков, например, утверждает, что, безусловно, был. Если и был, то замешан ли в нем Алкснис? Волна репрессий против начальствующего состава Красной армии накрыла массу заведомо невиновных военачальников, – многих из тех, кого не расстреляли, потом выпустили, как маршала Рокоссовского. Возможно, Алкснис, чувствуя сгущающиеся тучи, услаб Рязанова подальше, но достали и там. Мне довелось ознакомиться со следственным делом Рязанова. На нем гриф «Хранить вечно». Впрочем, все бrenно, имеет конечную продолжительность жизни, и эту надпись, конечно, надо понимать условно. Пути Господни неисповедимы, а от тюрьмы и от сумы не следует зарекаться. Возможно, многие военные, в том числе Тухачевский, действительно хотели избавиться от Сталина. Новая система неформальных связей возникла у советской военной элиты только к концу войны. И почти сразу же после нее на маршалов и генералов обрушилась новая волна – правда, в основном не расстрелов, а ссылок и понижений в должности.

В феврале 1937 года НКВД обнаружило «шайку шпионов и троцкистов» в Доме Красной Армии СибВО – ведомстве Политуправления округа. «Шпионами» оказались музыканты из концертной бригады ДКА, которых приглашали для выступлений в японское консульство в Новосибирске. Вскрылась также «засоренность» армейских библиотек «контрреволюционной троцкистской литературой». Такой литературой, видимо, посчитали и книги Рязанова и Алксниса. 15 августа арестовали бывшего командующего войсками СибВО комкора Я.П. Гайлита. НКВД причислило его к «латышской националистической организации» вместе с другими высокопоставленными военными Красной Армии – Эйдеманом, Алкснисом, Аппогой, Мезисом и другими. 1 августа 1938 года, через три дня после приговора Алкснису, Гайлита расстреляли. 20 декабря 1937-го был арестован и через полгода казнен начальник штаба СибВО И.З. Зиновьев. Новый начальник Политуправления СибВО, дивизионный комиссар Н.А. Юнг в конце 1937 года представил в крайком партии отчет о предварительных итогах «ликвидации вредительства» в округе. Юнг докладывал: «...Из руководящего состава соединений и частей изъяты и репрессированы бывшие: комдив 94 Чистяков, командир 134 ШАБ Эпштейн, врио начполитотдела 134 ШАБ Свиридов, начполитотдела 44 ШАБ (это бригада Рязанова (В.Р)) Денисов, начполитотдела 78 Коробченко, начполитотдела ТАУ Агейкин, зам. начполитотдела 71 Щербина, начштаба 71 Семьянов, начштаба 73 Кондратьев, командир 234 с.п. Газукин, 212 с.п. Упельнек, 73 а.п. Струсельба, комиссары...»

В январе 1938-го года Рязанова исключают из партии. В выписке из протокола заседания окружной партийной комиссии Сибирского военного округа написано:

«Рязанов Василий Георгиевич, член ВКП(б) с 1920 года, партбилет №0472668, год рождения 1901, русский, из крестьян. Образование высшее, в РККА с мая 1920 года, командир бригады, полковник. Партвзысканий не имеет.

Докладывает Рыбин. Суть дела: связь с врагами народа и защита их. Бывший его начальник бригады в Москве Прокудин ныне арестован как враг народа. Рязанов был тесно связан с ним, но скрывал все это от парторганизации. Только по предложению комиссии Рязанов был вынужден написать заявление в парторганизацию о его связях с Прокудиным, в котором восхвалял врага народа Прокудина, как хорошего работника. Кроме этого, Рязанов ходатайствовал перед штабом ВВС РККА о том, чтобы Прокудина назначили его начальником штаба авиабригады.

Смирнов (работник штаба авиабригады) оказался самым махровым врагом народа. Его тоже защищал Рязанов, который говорил, что «у нас нет материала для разбора Смирнова на партсобрании, тем более, что я считаю его хорошим работником».

Ломакин – бывший начальник Красноярской кавалерийской дивизии, оказавшийся врагом народа, которого разоблачили на партактиве. А Рязанов заявил: «Он поставлен партией и правительством. Ему надо помогать, а не заниматься критикой!».

Брянская оказалась шпионкой. А Рязанов не хотел ее увольнять, говоря о том, что она хорошая работница и проверенный человек.

Рязанов вместе с врагом народа Денисовым устроил прощальный вечер врагу народа Прохорову, на котором они произносили хвалебные речи по адресу Прохорова и сожалели о его отъезде. Кроме того, Рязанов неискренне рассказал парторганизации о его связях с врагами народа Алкснисом и Субботиным. Все эти факты установлены и подтверждены документами о том, что Рязанов связан с врагами народа и защищал их. Рязанов не вел решительной борьбы по разоблачению врагов народа, их сообщников и ликвидации последствий вредительства в бригаде. Даже будучи комиссаром, не нацеливал секретаря партбюро на разоблачение врагов народа, хотя имел сигналы о политическом неблагополучии в парторганизациях 18-й эскадрильи и парка. Рязанов в практической работе показал себя аполитичным человеком и гнилым коммунистом. Делая доклад о решениях мартовского Пленума ЦК ВКП(б), он построил его только на недочетах частей, не сказав ни слова о политике партии. В своих выступлениях на гарнизонном партактиве Рязанов выражал недовольство отменой единоначалия в армии. Все это говорит о его аполитичности и потере партийности.

Хозяйство авиабригады находится в хаотическом состоянии. Благодаря преступному руководству хозяйством, нанесен большой ущерб государству: порча 32 моторов, простой цистерн с горючим (стоит 25 тысяч рублей), запущенность автотранспорта и т.д. На квартиру Рязанова доставлялись различные продукты, занавески, игрушки для сына, на что имеются показания вольнонаемных работников бригады. Все это говорит о том, что его окончательно обуздала мелкобуржуазность и бытовая неустойчивость» [4].

Рязанов 13 января пишет протестующее против несправедливости письмо: «Военному Совету Сибирского военного округа, командующему войсками Антонюк, члену военсовета тов. Смирнову. 5-го января сего года парторганизацией штаба бригады я был исключен из партии. 7 января это решение подтверждено бригадной парткомиссией. 8 января мое дело разобрала О.П.К., решение мне не сообщено. Большинство предъявленных мне обвинений – клеветнические. Исключение меня из партии может быть только на руку нашим врагам. Прошу предоставить мне возможность лично доложить военному Совету обстоятельства моего исключения из партии, а также о всей обстановке, созданной в бригаде». Возможно, это письмо немного оттянуло дату ареста. Но отлаженный механизм уже был запущен. И командующий Антонюк был арестован. Утром 12 марта Гора, сын Рязанова семи с половиной лет, проснулся сам. Обычно его кто-то будил. На этот раз никто не пришел. Он немного подождал, потом соорудил на швабре чучело, нарядив в какой-то костюм, изобразил подобие лица, и с этим чучелом отправился в соседние комнаты. Там военные в длинных шинелях роются в бумагах, на шутку Горы прореагировали кривыми натянутыми улыбками. 12 марта Василий Георгиевич был арестован органами НКВД. 19 апреля приказом НКО СССР №0318 его уволили со службы по ст. 44, пункт «В».

В какой-то мере он понимал, знал сценарий, был, в общем-то, готов, предполагал возможность ареста, но все равно, видимо, испытал шок. Слишком резкий контраст. Из элиты общества, – полковник авиации тогда почти как министр или маршал сегодня, генералов еще не было – он попадает в застенки, подвергается пыткам, его унижают, втоптывают в грязь. Главное, ведь вины его нет никакой, и он может это доказать. Но не слушают, не слышат. Обвинили его в совместных книгах с Алкснисом, что, вероятно, обуславливало его участие в заговоре, в

котором обвинялся и признался Алкснис. Не совсем понятно, правда, почему его записали в латыши. Видимо, латыши Алксниса были не только фашистами, но и троцкистами. Сами книги были уничтожены. Их названия сохранились, наверное, только в следственном деле. Не знаю, что в них было. Скорее всего, они утратили свою актуальность. Подавляющее большинство научных открытий очень быстро устаревают. А в прикладных областях еще быстрее. Может быть, для историков авиации какой-то интерес и представляли бы. Для долгой памяти Рязанов сделал позже более значимые вещи. Уже из области духа. Храбро и грамотно сражался, умело командовал, доблестно защищал Отчизну. Да и всю свою жизнь он прожил честно и достойно, невзирая на обстоятельства. А свершения в области духа долговечнее, чем тактико-технические.

Что произошло с Алкснисом. С 1931 он начальник ВВС РККА. Входил в состав специального судебного присутствия, которое 11.06.1937 приговорило к смертной казни группу военачальников во главе с [М.Н. Тухачевским](#), [И.Э. Якиром](#), [И.П. Уборевичем](#) и т.д. 23.11.1937 арестован как руководитель "латышской фашистской организации". Основанием для ареста стали показания на следствии комкора Ф.А. Ингауниса, командующего ВВС Отдельной Дальневосточной армии. На следствии к Алкснису применялись избиения и пытки. Признал себя виновным и 28.07.1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 44-й шаг в 1937 году были арестованы и расстреляны комиссар школы младших авиационных специалистов 18-й эскадрильи Шенкель, комиссар 18-й эскадрильи Костовецкий, Денисов Федор Емельянович, начальник политотдела и комиссар 44-й авиабригады.

Рязанов полностью отдавался порученному делу. Занятый своей работой с утра до вечера, он особо не задумывался над тем, что творится вокруг. Но он работал, работал непрерывно и увлеченно, не обращая на многое внимания. Брат Георгий рассказывал мне, что его мать, учившаяся вместе с Рязановым в Свердловском университете, была идеалисткой, свято верившей в непогрешимость коммунизма. И эта вера уживалась с практикой, хорошо ей известной, например, арестом мужа. Отец чувствовал себя на своем месте, страна быстро развивалась, был порядок. Миллионы людей, подавляющее большинство стали жить лучше, верили в вождя. Гора помнит, что тогда они жили в красивом большом доме, раньше принадлежащем богатому купцу. После ареста отца Гора и его мать переехали в другую, маленькую квартиру.

Когда арестовали Рязанова – он все-таки авторитетен, то многие пошли по его делу. Волны стали расходиться. Как после Алксниса арестовали Рязанова, так и после ареста Рязанова начали арестовывать тех, кто был связан с ним. Микрюков Георгий Сергеевич, командир отряда 18-й эскадрильи, был арестован 14 июля 1938 года и через два месяца, 13 сентября приговорен ВК ВС СССР к расстрелу. Одних брали ночью, других – прямо на аэродроме. Летчика старшего лейтенанта Виноградова вызвали в штаб, и долго расспрашивали о Рязанове. А на следующий день перед строем зачитали приказ, в котором было сказано, что он уволен из рядов ВВС РККА и ему надлежит в трехдневный срок освободить квартиру и выехать из Красноярска, куда глаза глядят. В приказе стоял и номер 43 и пункт «б». Этот номер и этот пункт «б» означал: «политически неблагонадежен». Всех, кого вызывали после Виноградова, командиров отрядов, капитанов Тращенко и Белова тем же приказом увольняли из рядов ВВС.

Передо мной фотография страницы летной книжки командира отряда А.В. Виноградова с результатами проверки Рязановым техники пилотирования на самолете Р-5 от 27.4.1937. До ареста Рязанова почти год. Оценки по взлету, набору (высоты), маршруту, виражам 45 градусов, спирали, расчету, посадке отличные. Только боевые развороты резко – с большим креном. На обратной стороне надпись: «В Красноярске 27 апреля 1937 года командир 44-й особой штурмовой авиабригады полковник В.Г. Рязанов проверял у меня технику пилотирования. Запись он делал в воздухе в своем блокноте. Эта запись была занесена в мою летную книжку. Бывший командир отряда А. Виноградов. 15.06.77».

Всех, кого вызывали после Виноградова, арестовали. Виноградов по совету друзей собрал свои пожитки и ушел в тайгу, где и отсиделся в охотничьей избушке. Его долго разыскивал уполномоченный особого отдела подполковник Якобсон, но найти не смог. А. В. Виноградов и много лет спустя сказал: «И мне приятно сознавать, что на том допросе в тридцать восьмом я говорил правду о хорошем человеке». Рязанова уважали и любили его подчиненные. Даже рискуя свободой и жизнью, не говорили плохого о командире. И командир поступал так же. Наряду с большой группой военных, арестовывали и руководителей крайкома партии, крайисполкома. И Рязанов мог бы отсидеться в тайге. Но бегать, прятаться? В его положении. А семья?

Рязанов не оговаривал никого, хотя у него выбивали показания. Георгий Рязанов написал мне: «На десяти собраниях, где разных людей объявляли врагом народа, отец говорил одно и то же: он хороший работник». Еще Георгий говорил мне, что основным достоинством отца была такая беззаветная, отчаянная борьба за справедливость. И до войны и после. И военные его заслуги связаны с этим. Здесь, когда Василий Георгиевич оказался один на один с отлаженной машиной, только его воля могла помочь. Не было бы ни отца, ни меня, ни этой книги, и многого другого, если бы Василий Георгиевич тогда сломался, дал слабину.

Виноградов рассказывал, что "судьи" вели себя в высшей степени высокомерно, несмотря на то, что перед ними находился офицер. Допрос вели пристрастно, интересуясь больше деятельностью полковника Рязанова. Однако Виноградов не дал угодных "тройке" показаний на своего командира, которого знал, как честного и порядочного человека и строгого, справедливого начальника. О чем и высказал свое мнение "судьям". Тогда один из них сказал, что Рязанов уже дает нужные им показания. Тем не менее, старший лейтенант не менял своего мнения. То же произошло и с другими командирами отрядов, капитанами Тращенко и Беловым. Заставить летчиков оговорить своего командира "тройке" не удалось. Возможно, это каким-то образом сказалось на дальнейшей судьбе Рязанова, против которого чекистам не удалось добыть компрометирующих его, как врага народа, доказательств [3]. Еще раньше был арестован Красников Михаил Иванович, лейтенант, летчик-наблюдатель 18-й авиаэскадрильи 44-й авиабригады. Арестован 20.10.1937, содержался в Красноярской тюрьме. Обвинение по ст. 58—7, 58—8, 58—10 УК РСФСР. Осужден 14.07.1938 ВК ВС СССР на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Срок отбывал в Норильлаге. Освобожден 20.10.1946 от спецпоселения. Реабилитирован. А хороший знакомый Василия Георгиевича по школе спецслужб ВВС РККА Жакевич Казимир Петрович погиб. Он был арестован 10.11.1937. Приговорен ВКВС СССР 17.09.1938 по обвинению в шпионаже. Расстрелян 17.09.1938.

На шестой, примерно, день Рязанов подписал показания о своем участии в троцкистском заговоре. Хотя уже после войны, рассказывая жене об этой истории, он говорил, что ничего не подписывал, и если бы что-нибудь подписал, то его бы не было в живых. Но тогда он, наверное, упрощал, не раскрывал детали, приводил только конечный значимый результат. Да и кому нужны кровь, грязь. Жизнь сложнее наших представлений о ней. Любимой женщине важно знать, что он победил. В общем-то, так и вышло, поскольку на следующий день, придя в себя, он пишет отказ от данных накануне показаний, которые были получены незаконными методами. Он уже овладевает юридической терминологией. Его ощущения, конечно, самые мрачные. Он раздавлен, но не до конца, берет себя в руки, пишет отказ от показаний, пытается успокоиться, не дать отчаянию и мраку захватить сознание. Ни гнева, ни нервозности. Главное – быть сильным! Как в бою. Дашь слабину – погибнешь. Надо собрать волю в кулак, попытаться понять логику безумных, кажется, событий, противопоставить лжи и насилию твердость и правду, бороться до конца даже в безвыходной ситуации. Не горячиться, не нервничать. П.А. Судоплатов, арестованный лет через пятнадцать после Рязанова, используя опыт своих предшественников, в том числе и Рязанова, писал: «...я понял одно: хотя твоя судьба и предопре-

делена, единственный способ сохранить человеческое достоинство и свое имя чистым – отрицать приписываемые тебе преступления, пока хватит сил».

В камере № 46 внутренней тюрьмы НКВД города Красноярска Рязанов встретил знакомых. Здесь и Тращенко, инструктор по полетам 44-й авиабригады, подчиненный Рязанова, и Василий Петрович Шевелев, руководивший в гражданскую войну движением партизан в Кузбассе, и инженер станкостроительного завода Константин Лях. В соседней камере сидел Михаил Николаевич Чистяков, впоследствии маршал артиллерии. В тюремной камере обычно что-то рассказывают друг другу: о себе, своей жизни, своих занятиях, знаниях. Ценятся хорошие рассказчики, умеющие или сочинять, или вспоминать прочитанные или услышанные увлекательные истории. Василий Георгиевич много читал, много знал. И с удовольствием днем, а часто и по ночам рассказывал товарищам по несчастью и жизненные истории, и пересказывал художественные произведения, рассказывал о своих родных местах, об их красоте. Недаром его дед был сказителем. Многие подчиненные Рязанова на фронте вспоминали потом, как в нередкие бессонные ночи, когда сидели или на командном пункте, или в штабе в ожидании приказа или летной погоды, Рязанов, как вспоминали очевидцы, буквально зачаровывал всех своими рассказами. Эти в войну рассказы его по ночам – оттуда, из Красноярской тюрьмы.

Искусство рассказывать истории – магического свойства. История укладывает реальность по полочкам в головах слушателей, преображая эту реальность. Рассказывал Василий Георгиевич и запавшие в детскую память услышанные от бабушки и других родных истории про Дивеевский монастырь, озеро Светлояр, про чудесные сны, необычные встречи, о старобрядческих скитах и обителях, ските Шарпан. Пораженные слушатели иногда спрашивали: да правда ли это? – Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок, – отвечал Василий Георгиевич. – Конечно, многое чистая выдумка. Вот, есть история про Чкалова. Якобы он приказал церковь переделать в клуб своего имени, а потом и разбился. Может быть, без его ведома что-то и было. И Василий Георгиевич рассказывал о Чкалове, его удали, душевной щедрости, доброте, о его нежной душе. Это уже, когда весть о гибели Чкалова дошла до заключенных. И снова легенды о святых, о местном крае, о деревенских церквях: говорят, что когда-то, очень давно, затонула в Перозерском озере церковь. Стояла эта церковь на берегу озера, но вот в одно утро жители не обнаружили церкви, лишь кресты, да купол сквозь толщу воды виднелись. Потом все глубже и глубже уходила под воду, уже и куполов стало не видно. Наверное, прогневали чем-то люди Божий храм. Но как только исчезла в глубине озера церковь, так вода в нем стала целебной. Говорят, что кто ни испьет той воды, тот сразу поправится. Вот какая чудесная стала вода. А еще случалось, что многие видели на этом озере огоньки: то вспыхнут, то погаснут, и все двигаются, двигаются.

При занятых обстоятельствах я встретился с сокамерником отца, Хоменко. В 80-х годах школе № 50 в Святошинском районе Киева (недалеко от этой школы жил перед смертью Рязанов в доме, принадлежащем тогда Киевскому военному округу) стараниями расположенного неподалеку авиазавода Антонова и энтузиаста ветерана открыли музей 2-й воздушной армии, а школе хотели присвоить имя генерала Рязанова, но что-то не сложилось. Я сам видел на здании школы доску с надписью о том, что школа имени Рязанова, у меня есть фото этой доски. Вероятно, то что Рязанов не украинец, оказалось важнее. Школьники посещали военное Лукьяновское кладбище, где похоронен Рязанов, там проводили линейки, принимали в пионеры, в комсомол. Однажды школьники нашли на могиле Рязанова записку, и, волнуясь, принесли к нам домой. Там было написано, что автор записки в июне-июле 1938 года сидел в одной камере номер 46 с Рязановым в Красноярской следственной тюрьме НКВД. Я позвонил Хоменко, он оставил свой телефон, мы встретились. Жил он тогда на Русановке, заехал к нам на Крещатик. Увидев портрет Рязанова, увеличенную и ретушированную фотографию 51-го года, Хоменко объявил: узнаю Василия Георгиевича Рязанова, таким я его видел в тюрьме, как живой. Хотя с момента, как они виделись, до снимка прошло 13 лет, много воды утекло, но сходство, видимо,

было. Сам Константин Герасимович Хоменко провел потом 15 лет на Колыме, знал там В. Шаламова. Но наибольшее впечатление, по его словам, произвела на него личность Рязанова. В 45-м из случайного обрывка газеты он узнал, что Рязанов стал дважды Героем Советского Союза. Арестовали его, как он рассказывал, за то, что в комнате его студенческого общежития, – он был студентом, – висел портрет маршала Тухачевского. Но выглядел тогда, в 80-х, Хоменко неплохо: бодрый, даже цветущий вид, здоровый сильный мужчина, хотя ему было уже под 70, он 1918 года рождения.

Он рассказывал, что в камере было человек 40. Рязанов в длинной черной шинели, сосредоточенный, резкий. Когда его избитого привели с допроса, он где-то достал карандаш, клочок бумаги, и начал, скрываясь от дверного глазка, писать письмо, как говорил Хоменко, Ворошилову, наркомун обороны. Потом Рязанова снова забрали на допрос, длившийся более сорока суток. Я, честно говоря, тогда Хоменко не поверил. Я уже где-то слышал или читал, что такой прием, когда группа следователей непрерывно допрашивает арестованного, не давая ему ни спать, ни сидеть, широко применялся, но мало кто выдерживал даже 10-20 суток. Но потом в следственном деле я прочел, что после отказа Рязанова от своих показаний сформировали бригаду следователей человек 12, сменяющих друг друга, ведя непрерывный допрос. Рязанова допрашивали днем и ночью, не позволяя ему спать и сидеть 41 сутки. Он научился спать стоя с открытыми глазами. Ночью следователи сами дремали и не тревожили особенно подследственного. Но стоять столько времени невыносимо. Допрос прервали, когда у него потоком хлынула кровь из заднего прохода. Подлечили и снова принялись допрашивать. Фигурировали уже меньшие сроки: 12, 10, 5 суток. Через несколько месяцев в деле появилось его новое признание в том, что он должен был стать президентом отделившейся Сибирской республики. И – на следующий день – новый отказ от несправедливо добытых показаний. Вероятно, именно эту ситуацию Василий Георгиевич и имел в виду, когда после войны говорил маме о том, что если бы он что-нибудь подписал, то его бы не было в живых.

При таких «выстойках», когда сменяющие друг друга следователи по несколько суток держали арестованных на ногах, не позволяя садиться, у подследственных разбухали ноги, возникали сильные боли, люди часто теряли сознание. Хоменко рассказывал, как Рязанов попадал в карцер, а сокамерники пытались помочь ему. Хлебную пайку обваливают в зубном порошке и оставляют в сортире, как-то сообщив об этом Рязанову. Хлеб кажется негодным, никто его не трогает. А Рязанов, когда его приводят в сортир, хлеб подбирает. В карцере очистит от порошка и съест. Потом Хоменко перевели в городскую тюрьму, и больше он Рязанова не видел.

Подолгу сидел Василий Георгиевич и в одиночной камере. Человек вообще одинок. И.А. Ильин в работе «О сущности правосознания» писал: «...человечество живет на земле так, что человек человеку остается всегда психо-физическим инобытием. ...И, невзирая на постоянное, повседневное, сознательное и бессознательное общение, каждый человек совершает свой путь и осуществляет свою судьбу в глубоком и неизбывном одиночестве. ...Никто не испытывает «моих» состояний, как «свои собственные» и непосредственно ему доступные, никто, – кроме меня самого; никто никого не может «впустить» в свою душу; никто ни с кем не может иметь «общих» переживаний, но лишь «похожие»; никто не может сделать за другого волевых или умственных усилий, или «одолжить» другому свой опыт и свое настроение. Каждый знает о чужой душе лишь постольку, поскольку она «означилась» или «выразилась» чужим телом». Когда сидишь в одиночке, приходят разные мысли. Не знаю, о чем думал там отец. Возможно, о судьбе. Есть ли она? Что это? Какая его судьба? Есть ли судьба у этой стены? У этой причудливой двери? Что с его самолетом? Обрывки сумбурных мыслей лезут в голову. За что хвататься, чтобы выйти отсюда? Как помочь семье, сыну?

Работники особого отдела УНКВД Западно-Сибирского края, занимавшиеся военными, изощренно пытались подследственных, получая сведения для новых арестов. В качестве основного метода истязания использовались «выстойки»: сменяющие друг друга следователи по

несколько суток держали арестованных на ногах, не позволяя садиться. У подследственных разбухали ноги, возникали сильные боли, и люди часто теряли сознание. Многих офицеров мучили тем, что не давали спать. Инженер по вооружению одной из авиабригад СибВО Жигунов подписал протокол допроса на 12-е сутки, проведенные без сна. Офицер Пудовиков – на 16-е сутки. Другие выдерживали лишь 8-10 суток. Офицер штаба СибВО Ландовский рассказывал, что его держали на «конвейере» около 10 суток, «без сна и пищи, его избивали, ломали ему хребет, ездили на нем верхом и били под бока, требуя подписать протоколы...». Обвиняемые предупреждались, что им все равно подписывать протоколы придется, в противном случае на них следствие получит материалы от других обвиняемых, причем больше, чем они сами о себе покажут. Если же не сознаетесь, значит будете бесспорно уничтожены как неразоружившиеся враги, а при наличии признания поедете в лагерь и будете жить.

Многие армейские командные посты сделались опасными. Любой назначаемый на них командир мог внезапно превратиться в жертву террора, если он сам был недостаточно активен в разоблачениях или по каким-то иным, часто совершенно случайным основаниям. Рязанов уже после войны, помня о таких ловушках, отказывался от многих высоких постов, опасаясь последующего за назначением ареста. За 1937-1938 годы один за другим исчезли несколько членов Военного Совета округа – начальники Политуправления СибВО – Ястребов, Г.Ф. Невраев, Н.А. Юнг, А.В. Шардин. Известно, что Невраев, не выдержав истязаний следователей, повесился в тюремной камере. Другие были расстреляны. В Москве по приказу Ежова арестовали корпусного комиссара А.П. Прокофьева, вызванного из Особого корпуса в Монголии якобы для получения нового назначения. В 1933-1937 годах Прокофьев возглавлял Политуправление СибВО, и поэтому его попытались связать с другими участниками «заговора в СибВО». Сначала комиссара подвергли жестоким пыткам в московской тюрьме, а через некоторое время переправили в Новосибирск и более года добивались от него нужных показаний. Есть сведения, что Прокофьева надеялись использовать для компрометации нового командующего СибВО М.А. Антонюка, арестованного в середине 1938 года. Если такой план и существовал, то до конца он не осуществился. В результате резких изменений в карательной политике, последовавших в конце 1938 года, Антонюк смог избежать смерти. Ему вернули свободу и позволили продолжить военную карьеру. Прокофьева ожидала иная участь: 2 июня 1939 года он был расстрелян. По крайней мере, дважды за 1938-й сменились военные прокуроры СибВО, с санкции которых производились массовые аресты офицеров и солдат. Сначала пал прокурор П.Д. Нелидов, а затем – его преемник Ф.Я. Баумановский. Оба прокурора прошли цепь многодневных допросов без сна и пищи. Баумановский, немало содействовавший арестам многих командиров, сам, однако сумел выкарабкаться из застенков НКВД. В 1939 году он показывал: «Евсеев бросил меня в жуткую камеру № 47, где не было стекла, [была] грязь, масса клопов, крыс. Там я находился до середины сентября, в жутком холоде. Когда меня после одного из допросов пустили на 2-3 часа в камеру, я тут же свалился и крепко заснул, крысы обгрызли мне палец правой руки, укусили за нос... Евсеев отказывал улучшить условия... бил по голове...».

В это же время продолжали сажать работников штаба округа и командный состав гарнизонов. Под арест попали начальники: автобронетанковых войск округа И.И. Кузнецов, ВВС СибВО К.В. Маслов, артотдела М.О. Петров, инженерных войск А.И. Осипов, войск связи Э.М. Грашинь, химических войск А.М. Ронэ, командир 71-й стрелковой дивизии комбриг С.А. Уласевич и его заместитель бригадный комиссар М.М. Поляков, командиры полков П.К. Суммер и С.Д. Карпов, редактор окружной газеты А.А. Соковиков и многие другие. Большинство из них прошло страшные пытки при «конвейерных» допросах, после чего последовал расстрел. Лишь в конце 1938 – начале 1939 года, после свержения Ежова, темпы арестов замедлились. Некоторых военнотружущих, сидевших в камерах смертников, выпустили на свободу. Однако основную часть подвергнутых пыткам все же оставили в камерах. Пока в НКВД производи-

лась очередная кровавая смена кадров, арестованных провели через множество «экспертных комиссий» и новых допросов, и в конце концов рассовали по лагерям.

До июля 1939 г., почти полтора года провел Рязанов в красноярской следственной тюрьме НКВД. В 1939 тон рапортов стал заметно смягчаться. В одном было даже написано, что заслуженный человек, полковник, сидит в одной камере с китайцами, курит какой-то мусор. В июле 1939 приехал проверяющий, рассмотрел дело, поговорил с Рязановым, и приказал освободить его. Когда отца освободили, Гора был в пионерлагере. Отец приехал к нему и рассказал, что спасся, ничего не подписав, а не подписывал он, чтобы Гора не стал сыном врага народа. Значит, и любовь к сыну спасла Василия Георгиевича. Еще Гора рассказывал, что за время отсидки отца посадили и тех, кто его сажал. Некого было назначать следователями, поставили авиационного инженера. Он все-таки человек грамотный, увидел, что дело отца, обвинения против него, совершенно не выдерживают никакой критики. Например, среди обвинений было такое: Рязанов портил моторы и самолеты. Специалист сразу разобрался в абсурдности этого, да и других обвинений.

Авиаторы пользовались всенародной любовью. Их по праву называли золотым фондом нации, сталинскими соколами. Известны слова И.В. Сталина, сказанные в январе 1939 года, когда Рязанов сидел в тюрьме: "Должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит". Сказалась ли боль вождя? Скорее, победила воля самого летчика, его любовь к жизни, его стремление совершить что-то важное, возможно, ощущение некой своей обязанности, долга.

Следствие закрыли, Рязанова выпустили, восстановили в звании. Ему настоятельно посоветовали никому об этой истории не рассказывать. Хотя Рязанов был человеком открытым, и не всегда выполнял эти рекомендации. Скрытность была ему несвойственна. Василий Георгиевич написал заявление: «Командующему ВВС СибВО полковнику Захарову от полковника Рязанова. Заявление. 12 марта 1938 года я был арестован, находился под следствием по 25 июля 1939 года и освобожден из-под ареста, ввиду прекращения дела из-за отсутствия состава преступления. Следствием установлено, что все показания на меня являются лживыми, клеветническими, и, в конце концов, это признали и авторы показаний, отказавшись от них. В связи с арестом я был уволен из РККА. Сейчас, поскольку установлена моя невиновность, я, имея достаточный стаж и опыт работы, считаю, что наиболее полезным буду своей службой в РККА, особенно в настоящий период жизни страны. И вообще, я уж как-то не мыслю себя вне рядов Красной Армии и не в авиации. Прошу поставить вопрос перед Военным Советом СибВО о восстановлении меня в рядах Красной Армии» [4].

Похожее заявление Рязанов направил и в Военный Совет округа, где он писал:

«Прошу Вас вопрос обо мне пересмотреть и возбудить ходатайство перед Народным Комиссаром Обороны о восстановлении меня в рядах Красной Армии». Важную роль в освобождении Рязанова сыграл, видимо, недавно назначенный военный прокурор И. К. Лиховидов (земляк Рязанова), поскольку в заявлении есть приписка: «Подробные сведения обо мне может дать прокурор округа т. Лиховидов».

Военный Совет Сибирского военного округа направил документы Рязанова в Народный Комиссариат Обороны, положительно рассмотрев его заявление, поскольку «Июля 25 дня 1939 г. дело прекращено и освобожден. Полностью реабилитирован». Таким образом, судимости у него нет, и не было, о чем он впоследствии и писал во всех анкетах. Точнее, он писал: осужден не был, вместо стандартной формулировки – под судом и следствием не был, не уточняя, что был под следствием. В 1947-м недруги пытались использовать против него эту историю, но у них ничего не вышло.

Ответ из Москвы пришел очень быстро: «Рязанов Василий Георгиевич Приказом НКО №04141 от 17.09.39 г. назначен преподавателем тактики ВВС Военно-воздушной академии. Пункт Приказа НКО №0318 от 19.04.38 о его увольнении в запас РККА по ст. 44 пункт «В»

отменен» [4]. Есть его фотография после освобождения среди группы отдыхающих в санатории в Гурзуфе. Там он, мужчина 38 лет, выглядит как глубокий старик. Вскоре он восстановился почти полностью. Но – важный момент: он никогда не выражал обиду на несправедливый арест. На Родину не обижаются, даже если она ошибается. И Сталину он был верен, потому что он олицетворял Родину, стоял во главе страны. Служил не человеку, а Отечеству. Не партии, отношение к которой у него было естественным, без чрезмерного почитания, – о партии и ее механизмах он знал немало, не идеям коммунизма и всеобщего счастья, не отвлеченному светлому будущему, а стране, которая дала ему жизнь, ее народу, крестьянам, сыном одного из которых он был, ее людям, защищать которых он присягал. Да и натура у Василия Георгиевича была светлая, радостная, он не обращал особого внимания на плохое, не запоминал его. К армии он привык, как привыкают многие, будто к удобной одежде. Хотя заключение повлияло на его военную карьеру. Он потерял время, темп продвижения. И, конечно, здоровье. После тюрьмы он стал спокойнее относиться к каким-то невзгодам, не торопился, как прежде. Зато серьезнее стал относиться к вещам глубинным, скрытым, по сравнению с которыми военная карьера, звания и награды ничего не стоят.

Из 186 комдивов репрессировано в 1937-1938 годах 154. Однако очень многих из них, как и Рязанова, в свое время арестовали, следствие провели – и выпустили, за отсутствием состава преступления. Среди таковых были маршал авиации Ворожейкин Григорий Алексеевич, генерал-майор Ефремов Михаил Григорьевич, генерал-лейтенант Ковалев Михаил Прокофьевич, генерал-лейтенант Козлов Дмитрий Тимофеевич (правда, за провал Крымского фронта стал он генерал-майором, но это уже позже), генерал-полковник Курдюмов Владимир Николаевич, генерал-майор Лукин Михаил Федорович (герой Смоленского сражения), генерал-лейтенант Веревкин-Рахальский Николай Андреевич, генерал-майор Львов Владимир Николаевич, Маршал Советского Союза Мерецков Кирилл Афанасьевич, легендарный командир 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Петровский Леонид Григорьевич, генерал-полковник Подлас Кузьма Петрович. Маршал Советского Союза Рокоссовский Константин Ксаверьевич, генерал-полковник Смородинов Иван Васильевич, Маршал Советского Союза Соколовский Василий Данилович, генерал-лейтенант Софронов Георгий Павлович, генерал армии Тюленев Иван Владимирович, генерал-полковник Хозин Михаил Семенович, генерал-лейтенант Хмельницкий Рафаил Петрович (который был порученцем Ворошилова), генерал-полковник Цветаев Вячеслав Дмитриевич, генерал-лейтенант Черепанов Александр Иванович, генерал-лейтенант Чернышев Виктор Николаевич, генерал-полковник Юшкевич Василий Александрович и еще два десятка комдивов, в 1937-1938 годах репрессированных, но войну, тем не менее, встретивших в рядах РККА – и отнюдь не рядовыми. Из 154 репрессированных комдивов расстреляны и умерли в тюрьме 48 человек. Философ, мыслитель и писатель Александр Зиновьев, свидетель и участник очень многих событий, написал в очерке «Моя эпоха», что, если бы не было предвоенных репрессий в армии, мы войну проиграли бы.

Были и противоположные Рязанову примеры. В. И. Мальцев, опытнейший летчик, инструктор Чкалова в Егорьевской школе, полковник в 38-м, как и Рязанов, тоже был арестован в марте 1938 года и тоже полтора года провел в тюрьме. Рязанов был с ним знаком, – он командовал ВВС Сибирского военного округа. После тюрьмы он стал идейным врагом советской власти. Когда немцы захватили Крым, где Мальцев работал начальником санатория в Ялте, он в форме полковника явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. Сражался с большевиками он неистово, объясняя свою страсть незаслуженным арестом. Немцы присвоили ему генеральское звание. В 1946 году он был повешен вместе с генералом Власовым.

Н. С. Черушев в своей книге «Из ГУЛАГа – в бой» отмечал, что Рязанов был одним среди немногих полковников-авиаторов, выпущенных на свободу накануне войны. И так, он вернулся в хорошо знакомую ему академию. Уже не на командирской, а на более спокойной преподава-

тельской работе. С 14.08.39 он работает преподавателем тактики ВВС РККА в ВВА им. Жуковского, тщательно готовится к лекциям, увлеченно их читает. Принимает участие в финской войне, командует разведкой ВВС 13-й армии. Руководство разведкой оказалось важным для его военного опыта, воздушная разведка была очень эффективной. Вообще, опыт финской войны, хоть и проходившей не совсем так, как, видимо, задумывалось в ее начале, оказался полезным и для нашей армии в целом и для Рязанова. Ф. А. Польшин, назначенный командующим ВВС 13-й армии, вспоминал, как, прибыв в Ленинград, узнал, что его заместителем назначен В. И. Клевцов, начальником штаба Ф. Михельсон, военным комиссаром Ф. Брагин. Моисеев возглавил авиационный тыл, В. Г. Рязанов – разведку. Польшин был удовлетворен – все его помощники имели немалый опыт командирской и штабной работы. Война с Финляндией была, как известно, тяжелой, хоть и непродолжительной. Враг ожесточенно сопротивлялся, опираясь на систему заблаговременно подготовленных сооружений. Тем не менее, наши войска прорвали считавшуюся неприступной "линию Маннергейма". Немалый вклад в победу над врагом внесла авиация. В ВВС 13-й армии тогда отличилась авиационная бомбардировочная бригада, которой командовал И. Г. Пятыхин. Командир отдельного истребительного авиационного полка Виктор Зеленцов получил звание Героя Советского Союза. С ним Рязанов ещё встретится летом 41-го на Юго-Западном фронте.

Истребители И-16, И-153 и И-15 уступали в скорости английским, американским, французским, и немецким боевым машинам. Бомбардировщик СБ проигрывал вражеским истребителям с синей свастикой (хакаристи) на финских самолетах. СБ при дальних полетах не мог нести достаточную бомбовую нагрузку, а для воздействия на войска противника был слишком неповоротлив и не мог пикировать. У бомбардировщика ДБ-3 большая уязвимость и недостаточная скорость. Авиация была разделена на фронтовую и армейскую. В январе 15-я авиабригада 13-й армии билась по узлам железных дорог в тылу финской армии, островам на Ладожском озере. На фронте 13-й армии 15-я авиабригада с 13 февраля бомбила войска и укрепления противника на участках 15-го и 23-го стрелковых корпусов. 19 февраля мощному налету подвергся Кексгольм. 18 февраля в наступление с тайпаленского плацдарма перешли части 3-го стрелкового корпуса 13-й армии. По финским позициям вместе с артиллерией нанесли удар бомбардировщики 68-й авиабригады и полк 15-й авиабригады [5]. 29 февраля звено лейтенанта Масич вылетело на разведку. По пути летчики сбили один из самолетов противника, а второй вывел советские истребители прямо на аэродром Руоколахти, откуда в этот момент по тревоге взлетели английские «Гладиаторы». Масич увел звено на свой аэродром (его самолет в результате боя получил 80 пробоин). Командование 68-го иап в 12.40 выслало к аэродрому две группы: старшего лейтенанта Ефимова (9 И-16 и 3 И-153) и майора Гиля (8 И-16 и 3 И-153). При подлете к Руоколахти советские истребители обнаружили взлетающую группу самолетов. Группа Ефимова атаковала их и в коротком бою сбила три «Гладиатора», но сам Ефимов не смог вывести свой истребитель из пикирования и врезался в землю. Группа Гиля, напавшая на находившуюся в воздухе группу, в завязавшемся бою сбила еще два «Гладиатора» и один D.XXI. Финнам удалось сбить только И-16 лейтенанта Волохова. Весь бой длился 5-8 минут [5].

В войне с Финляндией Советские ВВС прошли последнюю проверку перед Великой Отечественной войной. Опыт финской войны значительно обогатил теорию и практику оперативного применения наших ВВС, позволил более взвешенно подойти к многим задачам, возлагаемым на авиацию в ходе ведения боевых действий. Боевая практика выявила существенные недостатки в оперативном и тактическом применении ВВС. Рязанов видел, как отсутствие радиосвязи самолетов с землей мешало эффективному взаимодействию с пехотой на поле боя. Без связи авиация лишалась оперативности, хотя своевременное наведение на цель с земли позволило бы гораздо лучше использовать имеющиеся в наличии самолеты. Одной из главных причин низкой эффективности использования ВВС в этой войне было то, что советская авиа-

ция не имела современных самолетов «поля боя» – штурмовиков и пикировщиков, не имела тесной связи с землей и необходимого для взаимодействия с войсками опыта. Для Рязанова это стало уроком на будущее, и вскоре ему представилась возможность исправить ошибки. Этой возможностью он воспользовался. Авиаторы в финской войне продемонстрировали преданность Родине и самоотверженность.

После финской войны Рязанов снова работает преподавателем в академии. Преподает тактику ВВС уже с учетом уроков боевых действий прошедшей кампании. Многие авиационные и воздушно-десантные командиры, например, С.Н. Гречко, Утин, Подгорный, Родимцев, затем вспоминали лекции, которые им читал Рязанов. Работает, видимо, неплохо, поскольку, когда от ВВА им. Жуковского отпочковалась академия в Монино, его назначают начальником учебного отдела в эту новую командную академию.

Одной академии им. Жуковского, к тому же с инженерной направленностью, уже было мало растущим советским ВВС. Нужна была военная академия для подготовки авиационных командиров, разработки актуальных проблем оперативного искусства и тактики ВВС. В соответствии с указанием ЦК ВКП(б) и СНК СССР Народный комиссар обороны Ворошилов 29 марта 1940 года подписал приказ: «1. Выделить из состава Военно-воздушной ордена Ленина академии имени профессора Н.Е. Жуковского факультеты: оперативный, командный, штурманский и КУНС ВВС в самостоятельную академию. 2. Присвоить вновь организуемой академии наименование Военно-воздушная академия командного и штурманского состава ВВС Красной Армии...».

Местом расположения новой академии выбрали подмосковный поселок Монино, расположенный в 38 км юго-восточнее Москвы. Строительные работы по развертыванию здесь авиационного гарнизона начались еще в 1929 году и продолжались в 30-е годы. Первым начальником академии был назначен З. М. Померанцев, возглавлявший до этого академию имени Жуковского. Брат Гора рассказывал, что у начальника академии постоянно были различные дела в Москве, и на месте всем руководил Рязанов. Работа ему нравилась, он любил организовывать, творить, создавая что-то новое, интересное. Делал это он увлеченно, заражая сотрудников, вовлекая их в творческую деятельность. Так и должен работать руководитель.

К началу учебного года учебный отдел, факультеты и кафедры проделали существенную работу по составлению необходимых учебно-методических материалов. Были пересмотрены, а большей частью (особенно по оперативно-тактическим дисциплинам) подготовлены заново учебно-тематические планы и программы для каждого профиля обучения. Тем самым удалось более или менее точно определить, что должен знать и уметь выпускник академии. Одновременно был разработан ряд новых учебных пособий, курсов лекций и методических указаний, подготовлены и введены в действие положения о начальнике курса и его помощнике, о командире учебного отделения. Для обеспечения летной тренировки слушателей и преподавателей был сформирован учебный авиационный полк в составе пяти эскадрилий. В этом вопросе у Рязанова был немалый опыт, и он помог формированию учебного полка.

К концу сентября 1940 г. в академии в основном решили наиболее важные и трудные задачи подготовительного периода. И 1 октября 1940 г. перед оживленными слушателями открылись двери аудиторий, и начался первый учебный год. В конце октября 1940 года на должность начальника академии был назначен генерал-лейтенант авиации Ф.А. Арженухин, молодой талантливый авиационный начальник, работавший до этого заместителем начальника штаба ВВС РККА, активный участник гражданской войны и войны в Испании. В ноябре Совет академии среди других отметил работу комбрига В.А. Юнгмейстера «Взаимодействие авиации с конно-механизированной группой». Рязанов в 1942 году на Калининском фронте приглашал Юнгмейстера на должность начальника штаба корпуса, и он некоторое время им работал. Был он и заместителем командира корпуса. Со многими своими слушателями академии: Подгорным, Утиным, Гречко, Родимцевым, В. И. Сталиным и другими Рязанов вскоре будет сра-

жаться бок о бок. Они помнили уроки Рязанова, помнили его самого, и сотрудничество было творческим и плодотворным. Весной 1941 года состоялся первый выпуск, а 5 мая 1941 года в Кремле был устроен прием для выпускников военных академий. С речью выступил Сталин, рассказав о задачах всех родов войск. На приеме, в тосте за здоровье авиаторов, он сказал: «Существует авиация двух родов. Авиация дальнего действия, это авиация налета по тылам, авиация для партизанских действий, авиация диверсии, но она не имеет большого значения. Решающее значение имеет авиация ближнего боя, которая недооценивалась, которая была в загоне. Речь идет об авиации, непосредственно взаимодействующей с артиллерией, с танками, с пехотой. Речь идет об авиации истребительной, штурмовой». Авиация ближнего боя только создавалась, и определенную важную роль в ее боевом становлении предстояло сыграть и Рязанову.

[1] сайт Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского www.vvia.org

[2] С.А. Папков. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/05b.htm>

[3] Вл. Трофимов. Обручение с небом. http://library.krasu.ru/ft/ft/_literature/0068172.pdf

[4] Л.А. Рязанов, Н.И. Чесноков. «Прикрой!... Атакую!». Нижний Новгород. 2001.

[5] <http://www.almanacwhf.ru/?no=8&art=8>

Командир отряда Виноградов А.В.

8. Результаты проверки техники пилотирования

Дата проверки тип самолета № авиации база	Содержание полетного задания по элементам	Оценка выполнения полетного задания по элементам с указанием ошибок в технике пилотирования	Итого и сроки выполнения задания при проверке ошибок и срок повторной проверки	Достоинство, замечания и фамилия проверяющего	Отметка об исправлении ошибок
Р-5 27.4.1937	Взлет	отлично		Кр. 10.15. 10.5.37 В. Рязанов.	
	Набор	отлично			
	Развороты	хорошо - отлично			
	Маршруты	отлично			
	Виртаки 45°	отлично			
	Виртаки 60°	отлично			
	Б/развороты	хорошо - отлично	10.5.37		
	Стиральные	отлично			
	Сидящие	хорошо - отлично			
	Равнина	отлично			
	Посадка	отлично			
Стандартная высота от уровня 4° СБД					

1. Рязанов

Лист из летной книжки А.В. Виноградова

В Краснодаре
27 апреля 1937 года Командир
44-й Особой штурмовой авиабригады
полковник
✓ В. Г. Рязанов сообщил о своем перелете
к месту бомбардировки.
Забыв о себе в воздухе с своим
бомбометом. Он забился своим
запасом в мою летучую группу.
Выбавил командир отряда А. В. Мельников
15.06.37

Надпись на обороте этого листа

1935 год. Рязанов в ВВА.

Глава 5. 1941-й год. На Юго-Западном фронте. Первые военные месяцы. Киевский котел

– Как рождается живое? Цветок или дерево растут из земли, воздуха и солнца. Человек должен кормить свой организм, поддерживать его в физической форме. Мысли и чувства его тоже должны быть сильными и активными. Но зыбка эта грань перехода в небытие, хрупок человек и никчемна многая суета. Так говорил Рязанов друзьям, написав заявление на фронт. Это и многое другое Рязанов пережил, прочувствовал, передумал за прожитые годы службы, в Красноярской следственной тюрьме НКВД. Может, Сталин специально закалял кадры через тюрьму? Сам-то он провел там немало времени.

Василий Георгиевич любил природу, его поражали и привлекали ее загадки, причуды погоды, красоты рек и лесов, простор полей. В отличие от армейских приказов и уставов там нет четкости и ясности. Но своей неоднозначностью, пеленой манящей тайны прекрасны эти красоты и загадки. Как капризная женщина хмурит брови, но душа ее открыта и добра. Так и мир казался Василию открытым и добрым, хотя он уже не ждал от него подарков. К войне он был готов. Но, как и всякий нормальный человек, не хотел ее. Человеческое в нем всегда было сильнее летчика, специалиста, командира.

Добавим то, что Рязанов не говорил и не думал: он был встроен в систему, не допускающую такие мысли. Почему люди так яростно сражаются с другими? Готовы отнять их жизни и отдать свои. Жизнь и так слишком коротка. И самая важная вещь, эта жизнь, становится разменной монетой сиюминутных исторических обстоятельств. Но в той ситуации, в которой оказались люди в 41-м, да и во многие другие времена и годы – тоже, – наверное, высшая правда состояла именно в этой готовности отдавать и отбирать жизни, и это было верным тогда, делало их людьми с их самопожертвованием. Дух в брэнном теле может быть могучим. Он знал, что придется сражаться, и знал, что будет достойно драться. Теперь надо работать. Он военный, пришла война, наступила пора его работы. К чему он готовился и был готов. Работать Василий Георгиевич умел и любил. Теперь ему придется на деле применить то, что он готовил раньше. Что задумывалось и в бессонные тюремные ночи, и в дни финской войны, и на службе, и на кафедре, и на совещаниях, и в беседах с друзьями, что он говорил слушателям, что чувствовал и видел в полётах. Так сложилось, что лучшие, самые плодотворные, видимо, его годы, когда у него были и силы, и знания, и опыт, совпали с военной порой, когда оказались нужны специалисты, – и тогда все это оказалось востребованным. Война, как водоворот, всосала его жизнь, втянула в себя. После войны все уже было не таким. Хоть и время войны, в простом исчислении, меньше остального времени жизни, но тут эффекты нелинейные, год за три считалось, а как было, – от обстоятельств зависело.

Рязанов уже в первый день войны написал заявление с просьбой отправить его на фронт в действующую армию. Ждать ответа пришлось недолго. С 27.06.41 он уже на фронте, заместитель командующего ВВС 5-й армии Юго-Западного фронта. Надо как-то осмотреться на новом месте, познакомиться с начальством и подчиненными, войти в курс дел, ознакомиться со спецификой новой для него работы. А времени и условий для этого не оказалось. Довелось с ходу, «с колес», драться. Хотя у Василия Георгиевича было то преимущество, что многие авиационные военачальники оказались не летчиками. Рязанов же чувствовал, понимал летчиков, говорил с ними на одном языке, мог что-то дельное подсказать и показать, сам летал замечательно, мог посочувствовать кому-то и сам поплакаться. Да и кого-то из старых знакомых летчиков встретил. Тогда практически все летчики друг друга знали.

На Юго-Западном направлении противник нанес удары по аэродромам. Июньские дни располагали к благодушию, а не к борьбе. Требовалось время на мобилизацию, в первую очередь, психики, а в эти часы авиация врага захватывала господство в воздухе. Непривычными были слова и представления: обстрел, бомбежка. Даже на военные нервы давление бывало чрезмерным. Люфтваффе концентрировало действия на острие главного удара, на решающих

направлениях эффективно поддерживая свои войска на поле боя. Но авиаторы ВВС ЮЗФ, несмотря на неожиданность нападения, боролись упорно и самоотверженно. Они совершали примерно по 600 самолетовылетов ежедневно с 22 по 30 июня. Борьба в воздухе, прикрытие своих войск, объектов тыла, поддержка наземных войск, разведка, – все это было. Но не были решены организационные проблемы. А из-за диверсий периодически терялась связь с соединениями и многими аэродромами.

Командовал 5-й армией генерал-майор Михаил Иванович Потапов, он хорошо проявил себя на Халхин-Голе, где был заместителем Жукова. Затем, в сентябре 1941-го, он попал в плен, был освобожден в 1945. Его освободили американцы, самолетом отвезли в Москву. Он продолжил службу. В 1961 году стал генерал-полковником, в 1965 умер. Гитлер в 1941-м объявил Потапова своим личным врагом. Есть различные малоправдоподобные истории о пребывании Потапова в плену. Якобы его вызвал Гитлер, которого Потапов принялся крыть отборной бранью, порываясь ударить. В другой истории Гитлер советуется с Потаповым, видимо, как со знатоком киевских сражений, о том, как будет действовать Ватутин при наступлении на Киев. При этом Гитлер, показывая секретные карты, пытается по глазам генерала угадать, правду ли он говорит. Потапов же, сразу поняв, что Ватутин будет наступать с Лютежского плацдарма, убеждал Гитлера, что все начнется с Букринского плацдарма. Это, скорее всего, домыслы, но то, что Потапов после плена продолжил службу и вырос в звании, – факты.

В состав авиации 5-й армии входили 62-я бад и 14-я иад, базировавшиеся в начале войны в Луцке и в Овруче. 14-й иад командовал полковник И.А. Зыканов, 62-й бад – полковник ГСС В.В. Смирнов. Он погиб 27.07.43 г. Оба они, как и Рязанов, участвовали в финской войне. Командующий ВВС 5-й армии генерал-майор ГСС Е.М. Николаенко убыл на Западный фронт, так и не вступив в должность, его обязанности исполнял начальник штаба ВВС армии полковник В.Г. Шпагин. Тезка Рязанова Василий Георгиевич Шпагин проявил исключительное мужество и личную храбрость при выходе из окружения в сентябре 41-го. Он был начальником штаба выходящей из окружения колонны. Начальники штабов обычно не сражаются сами. Но в сентябре 41-го начальник штаба ЮЗФ Тупиков погиб, ведя за собой в атаку бойцов из окружения. Шпагин 20 сентября в бою за переправу на реке Сула у села Хитцы трижды ходил в атаку на танки противника, был ранен в живот и в ногу, но не оставил поле боя. 21 сентября он с карабином и десятком бойцов вел бой с сотней гитлеровцев, идущих в атаку после артиллерийского и пулеметно-минометного огня. Шпагин снова был ранен в грудь и в руку, но не прекращал бой, умело маневрируя и командуя своими бойцами. В этом бою они победили, выбили врага из села Хитцы. Шпагин с шестью ранами повел дальше колонну, собирая по пути патроны со словами: больше патронов, длиннее жизнь. Он пришел в штаб ЮЗФ с группой 35 человек с оружием, документами и в форме полковника. Был награжден орденом Ленина.

В конце 41-го 52-й бап 62-й бад вошел в состав 76-й сад, ей командовал Рязанов. В начале войны комдив был в отпуске, и 62-ю бад временно принял генерал-майор авиации Г.И. Тхор. Получилось, до конца своей службы он пробыл в 62-й дивизии. По прибытии комдива генерал-майор Тхор остался у него заместителем [1]. Генералы оказались на вторых должностях: генерал-майор И.А. Лакеев – заместитель комдива у полковника И.А. Зыканова в 14-й САД, а генерал Г.И. Тхор – заместитель у полковника В.В. Смирнова.

Несмотря на неблагоприятную обстановку в воздухе, отдельные экипажи, проявляя мужество, летное мастерство, стойкость духа, пробивались к целям, бомбили врага. Однако даже самые успешные рейды не сказывались решающим образом на общем ходе немецкого наступления, принося лишь тактический успех [4]. Командующему ВВС Юго-Западного фронта генералу Птухину приказано: «...войскам всеми силами обрушиться на вражеские части и уничтожить их в районах, где они нарушили границу...».

Командующего ВВС округа Е.С. Птухина 24 июня сменил полковник С.В. Слюсарев. До войны он служил зам. командующего ВВС КОВО по боевой подготовке. С Рязановым Слюса-

рев был знаком по финской войне. Затем, перед Львовской операцией он был зам. командующего 2-й воздушной армией. В конце войны он командовал 2-м гв. штурмовым авиакорпусом, отличившимся вместе с корпусом Рязанова в Берлинской операции. Птухина арестовали. Вместо Птухина в штабе оставался начальник штаба ВВС фронта Н. Ласкин. Но вскоре и его арестовали. Птухин Е.С. командовал накануне войны ВВС киевского округа. Рязанов будет занимать эту должность после войны. Рязанов знал Птухина по «зимней войне». По его инициативе перед войной выявили скопления войск противника. Птухин понес наказание за потери 22 июня 1941 г. Как командующий ВВС округа, он был обязан рассредоточить полки по 2 эскадрильи, но не сделал этого. Хотя только что пришел приказ № 043 от 20.06.41 о маскировке самолетов, взлетных полос, аэродромных сооружений [1]. Сам Птухин 22 июня с управлением округа на спецпоезде перебазировался из Киева в Тернополь, где планировали к 22 июня развернуть новый командный пункт. На рассвете немецкая авиация нанесла удары по штабным составам и колоннам. В этой обстановке организовать связь с Москвой и дивизиями округа не удалось, и авиасоединения оказались без управления. На совещании высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г. Е.С. Птухин предугадывал события будущей войны, говоря: «Второй большой и важный вопрос, который стоит перед воздушными силами, – это взаимодействие авиации с наземными войсками. В этой операции авиация должна сыграть колоссальную роль. Чтобы войска пробili [оборону] противника и уничтожили стоящую перед ними группировку, авиация должна обрабатывать вместе с артиллерией основные направления движения наших войск, и в момент атаки все ВВС, за исключением части, небольшой части, которая выполняет действия по завоеванию господства в воздухе, должны обрушиться в районы главного удара частей фронта. После этого быстро должны перенести свои действия на резервы противника – на подвоз по железным и грунтовым дорогам резервов противника. Это даст возможность выйти в тыл противника, встречая не свежие силы, а уже потрясенные авиацией в глубине...». Так позже и проходили наши победные наступления. Рязанов такими вещами занимался постоянно.

Стрелки бомбардировщиков 62-й дивизии в воздушных боях 22 июня сбили 8 "мессершмиттов", а истребительные полки 14-й дивизии к полудню 22 июня сбили 31 самолет противника. По мемуарам Н.С. Скрипки: «На аэродромах враг уничтожил 204 советских самолета, и еще 97 было потеряно в воздухе. Таким образом, общие потери составили 301 самолет». Хотя и противник потерял в полосе Юго-Западного фронта около 100 самолетов. В войне, как и во многих других вещах, важен замысел, идея. Когда масштабы отличаются на порядки, процессы несопоставимы. Догонять потом очень сложно. Наши «ишаки», например, не могли догнать «мессершмитты». Но и для люфтваффе удары по аэродромам в первый день войны были сложной, потребовавшей огромных усилий и стоившей значительных потерь акцией. Советские ВВС, несмотря на потери, сохранили боеспособность и сыграли важную роль в приграничном сражении.

Нам мешала сложная, многоступенчатая система управления. Части иногда в течение дня получали от разных инстанций противоречащие друг другу приказы, – создавалась неразбериха. Наша разведывательная авиация в первые дни войны фиксировала только то, что происходило на поле боя, причем не точно. Так, группировки врага, которую следовало уничтожить ударами с воздуха по боевому приказу № 3 штаба ВВС ЮЗФ, не было в действительности. Неудивительно: Германия втянута в войну, мобилизована, а Красная армия только «расправляет плечи». Время было нелегким. А когда оно бывает легким? Восприятие окружения зависит от возраста, от потоков энтропии, входящих и выходящих в организм. Сталин – я где-то читал – говорил, кажется, Черчиллю, что воевать очень интересно. Но это было позже 41-го года.

Противник интенсивно вел, говоря сегодняшним языком, информационную войну. Для командования люфтваффе очень важно было посеять панику, создать обстановку хаоса. Дей-

ствовали они масштабно, с размахом. Атаковали цели в нашем глубоком тылу, например, в районе Киева. Люфтваффе действовало по тылам 5-й армии и правого фланга ЮЗФ. Бомбардировщики He111 и Ju88 громили колонны автомашин на дорогах, выкашивая толпы людей и автомашины в пробках. Но и немцы несли потери. В конце дня 25 июня не сработали тормоза у одного из Ju88, он врезался в две другие стоящие на аэродроме машины, и все они вместе с экипажем сгорели до того, как подоспела помощь. И усилия наших авиаторов не пропадали даром. Так, KG51 «Эдельвейс» насчитывала к концу июня только треть штатного состава. Погибли старые, хорошо подготовленные экипажи, летавшие над Францией, Англией и Югославией [2].

Побеждает тот, кто понимает, что каждое мгновение неповторимо и невозвратно, что ситуации, если и очень похожи, не повторяются во всем, в любой момент может возникнуть нечто непредсказуемое и важное, что жизнь конечна, рано или поздно придется уйти из этого мира и этой жизни, что надо достойно встретить этот момент. Побеждает не тот, кто первым успевает, даже не тот, кто увереннее, а тот, кто твердо знает о событиях наперед, управляя ими на одном дыхании, строя свое и совместное будущее. В Евангелии от Матфея говорится о духовном зрении, о духовном оке, которое освещает все существо человека – все, что внутри него, то есть внутреннее пространство его души. А подвиг военный был во многом подвигом смирения и терпения.

В конце июня советское командование проводило контрудары, поддерживаемые авиацией. Вступивший в должность Рязанов участвовал в их организации. Он хотел, чтобы личный состав воевал, учившись побеждать врага, бить его по законам военной науки. Наша авиация 5-й армии выполнила 28 июня 400 самолетовылетов. Экипажи, вылетая утром и вечером, нанесли большой ущерб неприятелю. Наблюдались пораженные автомашины и танки, горящая станция Ровно. При выдвижении к Острогу офицеры 11-й танковой дивизии вермахта полагаги, что «советский противник имел абсолютное господство в воздухе». Собственные потери составили один Ар-2 и два Як-2, еще один Як-2 был подбит своими «чайками», но дотянул до аэродрома, совершив вынужденную посадку. Неприятель же потерпел значительный урон. Анна Ахматова точно уловила настроение общества, написав: «Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет».

Сергей Аверинцев в работе «Из проповедей» писал: «Господь призывает нас к мужеству – не к горделивому мужеству, а к мужеству доверия. Доверие к Отцу, сыновнее доверие должно победить в нас страх. Не говорится, что наша земная жизнь лишена опасностей, – мир наполнен скорбями и опасностями. Но в том-то и дело, что в действительности все мы, неимущие, состоятельные, обеспеченные, непрактичные и самые практичные, хитрые, слабые и сильные, больные и здоровые, – все мы каждое мгновение знаем или вовсе об этом не догадываемся, что идем над пропастью. Другого пути в земной жизни нет ни для кого... Счастливы мы? Блаженны мы? Да, если мы не идеализируем нашу землю ни в настоящем, что легко, ни даже в прошлом и все-таки твердо знаем, что эти слова – «Земля Святоюрская» – имеют смысл, вечный смысл, который ничем не разрушится».

В должность командующего ВВС фронтом 1 июля вступил генерал-лейтенант Ф.А. Астахов, Слюсарев стал его заместителем. Астахов анализировал основные недостатки. Среди главных он назвал неподготовленность частей и соединений к отражению налетов вражеских самолетов и выводу из-под удара материальной части и личного состава. По словам Баграмяна, «результаты усилий Федора Алексеевича сказались быстро» [2].

Разные источники дают различные цифры потерь. Более достоверную информацию, возможно, дает отчет штаба ВВС Юго-Западного фронта. Согласно этому документу, наша авиация понесла боевые потери в 697 самолетов, а общие – 911 машин. По крайней мере, 276 самолетов были брошены или подорваны на приграничных аэродромах своими войсками при поспешном отступлении, а 214 машин пришлось списать в результате аварий или катастроф.

По оперсводкам, в течение июня 1941 г. соотношение потерь в воздушных боях определялось как 1 к 7,2 (25 сбитых немецких против 180 советских). Материалы отчета, весьма вероятно, усугубили положение арестованного к тому времени генерала Е. С. Птухина.

Корпусной комиссар член Военного совета КОВО Н.Н. Вашугин застрелился на глазах Хрущева и чуть ли не по его приказу (Вашугин пришел к Хрущеву в шоковом состоянии со словами: я виноват в том, что дал неправильное указание командирам механизированных корпусов. Я не хочу жить. Хрущев ему: если решили стреляться, так что же медлите?). Сам Хрущев излагает эту историю довольно путано, но ситуация характеризуется, наверное, точно: «Вот, даже член Военного совета, который занимал столь высокое положение, дрогнул. Не физически струсил, нет, он морально дрогнул, потерял уверенность в возможности отразить гитлеровское нашествие. ... Происходили такие случаи и с другими командирами. Вот какая была обстановка. А мы ведь еще и десяти дней не находились в состоянии войны».

По приказу Жукова ответственным за защиту Киева был назначен командующий 19-й армией генерал И.С. Конев, которому подчинялись все части Киевского укрепрайона (УР). С Коневым фронтовые дороги Рязанова переплетутся очень тесно. Штаб фронта из Проскурова переместился в Житомир, затем в Киев, а в Святошине, за городом, находился КП и позже штаб. Под напором врага штаб пришлось перенести в Бровары. Рязанов перелетал с места на место, чтобы поддерживать связь. ВВС были распределены по армиям. Под ударами противника, в условиях быстро меняющейся, – и не в лучшую сторону, – обстановки, офицеры и рядовые демонстрировали мужество и стойкость.

Хрущев писал: «Когда отошли мы к Киеву, то немцы сожрали остатки наших войск. Мы потеряли артиллерию и танки, у нас не было пулеметов. Основные наши силы – два механизированных корпуса – были разбиты, главным образом с воздуха. Немцы летали безнаказанно, и у нас не было ничего, чем можно было бы защищаться».

К авиационной гордости, – летчики были национальными героями, – и лихости подчиненных Рязанов старался добавить точность, добротность, основательность. Сразу не удавалось, надо было прикладывать много усилий. Собственно, это вопрос воспитания. И если такие качества не привиты, то в походных условиях научить этому чрезвычайно сложно. Война – это все-таки ежедневный труд, стойкость, жертвенность. А также и беспримерный героизм, и фронтовое братство, и небывалый подъем. Им сопутствовали голод, холод, кровь, боль, смрад. Были и предательство, несправедливость, унижения, подлость, равнодушие. Итогом же, несмотря на злопыхательства недругов, была Победа.

В Киеве немцы бомбили казармы НКВД, завод «Большевик», армейскую школу «Камнев», электростанции на Сталинке и Лукьяновке, авиазавод № 43, вокзалы Киев-2, Дарница, Святошино, аэродромы Борисполь, Гоголев, Бровары, Жуляны и др. Софийский собор, возможно, служил ориентиром, но не подвергался бомбежкам, как и Андреевская церковь, очень нравившаяся министру иностранных дел Германии Риббентропу.

С первых дней войны у наших войск проявилась «парашютомания». В штабы постоянно поступали донесения о выброске противником средних и крупных десантов. На борьбу с «десантниками» направлялись значительные силы, отвлекались от выполнения других задач целые соединения с танками и артиллерией, но оказывалось, что никаких вражеских войск в тылу нет и в помине. Бывало, что немцы выбрасывали, скажем, 10–20 солдат и офицеров для диверсионных целей. Иногда за десантников принимали авиаторов, выпрыгивающих из подбитых самолетов. Мой знакомый, которому тогда было 8 лет, рассказывал, что он видел своими глазами, как парашютист, скорее всего, летчик со сбитого немецкого самолета, опустился на Сенном базаре, на сегодняшней Львовской площади в Киеве, прямо посреди торговых рядов. Милиционер с пистолетом арестовал его и увел. А другой милиционер застрелил спустившегося с парашютом нашего летчика со словами: наших не сбивают. Может, именно этот милиционер и был немецким агентом? Как все запутано и сложно в мире диверсий и шпионажа.

В конце июня, начале июля всю фронтовую авиацию ЮЗФ нацелили для ударов по группировке противника в направлениях Дубно, Ровно. Войска 5-й армии в период с 2 по 5 июля отходили на реку Случь, разрушая за собой мосты и устраивая заграждения на дорогах. Отвод 5-й армии происходил под непрерывным воздействием авиации врага, наносившей удары с малых высот. Отступление – очень сложная и опасная операция.

Астахов приказал 2 июля атаковать аэродромы Жиличи, Баскаки, Луцк, занятые неприятелем. Противник писал в отчетах, что над луцкой базой, занятой группами I/KG51 и III/JG3, сбили 14 бомбардировщиков из 30. По нашим данным, не вернулось три Су-2 из 226-го бап 62-й ад 5-й армии. Решили повторять атаки аэродромов. На другой день наши самолеты бомбили и обстреливали Ровно, Дубно, Крыстынополь, Колки, Радзехов. Мл. лейтенант В.Ф. Деменок из 88 иап 8 июля обнаружил перебазирование немцев на аэродром Полонное. Доразведка обнаружила 30 самолетов на северной окраине летного поля и еще 20 – в восточной части. Командир части майор Маркелов оперативно поднял в воздух 20 И-16 и вылетел сам. Первую атаку с малой высоты провели без помех. Но затем зенитчики опомнились, открыв шквальный огонь. Прямым попаданием сбили зам. комполка майора В.С. Волкова. Он погиб, вертикально врезавшись в центр летного поля. После вылета наши летчики донесли об уничтожении 20 самолетов врага [8].

Война оказалась танковой, и действовать приходилось в основном по бронированным целям вермахта. А эффективных противотанковых средств поражения не было. В директиве ставки Верховного командования от 11 июля 1941 г. отмечалось: "В истекшие 20 дней войны наша авиация действовала главным образом по механизированным и танковым войскам немцев. В бой с танками вступали сотни самолетов, но должного эффекта достигнуто не было...". Реактивные снаряды при попадании в танк наносили ему урон, но надо же попасть. Ударная группировка противника с 22 июня по 8 июля преодолела приграничный оборонительный рубеж и продвинулась в полосе 5-й армии на 300 км. Рязанов, как и все красноармейцы, вынашивал планы отмщения врагу, ворвавшегося на нашу землю. Преобладали, конечно, эмоции. Очень многие были раздражены и обозлены. Здесь и неприязнь к неприятелю, и какие-то внутренние неурядицы. Почти всегда есть выбор, часто усложняющийся недостатком информации: друг перед тобой или враг, ужалит ли он или поможет тебе. Но тогда этот вопрос был однозначно ясен. Блицкриг стал давать сбои. Командование противника не достигло и оперативных целей. Стоицизм неотъемлем от воинской службы. Но когда к нему добавляются самопожертвование во имя Родины, жертвенность, героизм, – такую армию победить очень сложно.

Аэродромы в полосе наступления 1-й танковой группы захватили. Возможности ВВС ЮЗФ резко снизились [7]. Летчики часто играли роль связистов, доставляя приказы и донесения в окруженные части. Рязанов выдвигал предложения по улучшению ситуации, – это вылилось в приведенный ниже приказ Астахова. Много забот Рязанова было связано с безопасным перебазированием частей.

Уменьшалось число самолетов, новые машины почти не поступали [9]. Рязанов подписывал докладные с требованиями запчастей и новой техники. Авиация врага вела себя на участке 5-й армии активно. Ф.А. Астахов в начале августа говорил вступившему в должность командующего ВВС 5-й армией Н.С. Скрипко: – Словом, приедешь на место – уточнишь, что там осталось. Но знай, самолетов у меня нет, просить бесполезно [9].

Темпы, времена жизни процессов, их динамика, интенсивность были решающими. Подспудные, подземные силы, потенции сыграли свою ключевую роль позже, а сейчас жизненно важными оказались жертвы, принесенные не напрасно. У Василия Георгиевича было необходимое тогда оперативное чувство, умение вовремя завершить неотложные дела в условиях цейтнота, решив их правильно, стремление опередить события, оказавшись свободным от текучки, не толкаться в водовороте суеты, а спокойно анализировать дальнейшие последствия, предпринимая соответствующие меры. Крайне важным для командиров стало умение прини-

мать решения в неопределенной ситуации. Будущие события становились все менее предсказуемыми. Да и природа войн такова, что им свойственна непредсказуемость.

Самолеты 5-й армии бомбили переправу в районе Гульска и скопление танков и пехоты на западном берегу реки Случь южнее Новограда-Волынского, летали в разведку. Рязанов отдавал команды на вылет и анализировал данные разведки. Не оставались в долгу и пилоты люфтваффе. С утра 9.7.41 г., когда командарм-5 генерал Потапов решил атаковать сводным отрядом 19-го мк, корпус подвергся сильной атаке авиации и потерял 7 танков Т-26 из 40, сожженных гранулами белого фосфора [4]. Противник наступал на житомирском и на тернопольском направлениях. До 5 июля наша авиация наносила ответные удары. Наши летчики действуют с 6 по 10 июля на участке Новоград-Волынский – Шепетовка против 37-го моторизованного корпуса. С 10 июля на Киев прорывается III моторизованный армейский корпус, и вся авиация бросается на борьбу с его частями. В жестоких и беспощадных боях наши летчики не уступали пилотам врага [7]. Штурман 226-го ббап Бондарев И.П. вспоминал: «Это было 3 июля 1941 года... Сбросили бомбы на колонну и очень удачно обстреляли ее. Я хорошо видел, как одна из бомб попала, вероятно, в бензозаправщик, произошел сильный взрыв, и огромное пламя горящего бензина попало на вблизи идущие танки... При отходе от цели подверглись нападению 4-х Ме-109, которые прикрывали колонну... При отражении атаки Ме-109 я получил тяжелое ранение – мне перебило правую руку, и одна пуля попала в бедро. Со второй атаки был выведен из строя мотор – он заглох, самолет загорелся, начал падать...».

Задержать или остановить наступление с захваченного 11-й танковой дивизией плацдарма в районе Бердичева только силами авиации было невозможно. Суть дела была в вооружении наших самолетов. Немецкий танковый клин пронизывал нашу оборону. Количество экипажей значительно превосходило число исправных самолетов. Летчики рвались в бой, но не на чем. Именно «безлошадные», переживающие свое бездействие летчики, и стали основным резервом через несколько месяцев, когда появились самолеты. Только 5-я армия имела подчиненные авиационные силы. Это были заботы Рязанова. 6-я и 12-я армии своей авиации не имели и обслуживались по заявкам через штаб фронта [7].

Полковник Яницкий – в июле 1941 года лейтенант, командир звена 227-го ббап 62-й бад вспоминал один из своих вылетов: «27 июля я повел звено Су-2 на переправу через реку Тетерев у города Коростышев. Враг прикрывал цель множеством зенитных средств... Но мы сквозь густую сеть разрывов зенитных снарядов прорвались. Метко сбросили бомбы на переправу. Видели, как рухнула она в реку, увлекая за собой вражеские танки и автомашины. Для того чтобы нанести врагу больший урон, пошли на второй заход. ... Выходим из атаки с набором высоты. И в тот момент, когда у левого ведомого – мл. лейтенанта Ионова была высота примерно 350 метров, внезапно его самолет загорелся. Пламя как-то мгновенно охватило весь самолет. Он стал похож на огненный шар. Видимо, вражеский снаряд попал в бензобак, и горючее расплескалось по всему самолету. В ужасе я смотрел на это зрелище. Пилотируя свой самолет и делая противозенитный маневр, я внимательно наблюдал, но ни летчик, ни штурман не выпрыгнули. Очевидно, были ранены...». Согласно документам, это произошло утром 10 июля. Атакуя неприятеля на разных участках Житомирского шоссе: у Вацкова, Студениц, Коростышева, бомбардировщики шли на высоте 10–20 м без истребительного прикрытия, а перед атакой делали небольшую горку. Мост через реку Тетерев бомбили с 400 м. Несмотря на сильное противодействие зенитных средств, наши летчики по мосту попали. На выходе из второго захода их подстерегли «мессершмитты». Су-2 (лейтенанты В. Ионов и С. Кузнецов) перевернулся на спину и при падении в лес взорвался. Вероятно, 64-ю по счету победу одержал командир III/JG3 капитан В. Эзау [7]. 10 июля 1941 г. командование 4-го воздушного флота докладывает командующему группой армий Рундштедту: "В районе Бердичев, Шепетовка, Житомир, ... русские бомбардировщики атакуют плотными группами наши войска, не

обращая внимания на сильный огонь зенитной артиллерии... ..мы подвергаемся сильному противодействию советской авиации, весь день отражая атаки их истребителей...".

Пытались оптимально изменять организационные структуры в соответствии с динамичной ситуацией. Многие из структур были временными, отвечая потребностям момента. Важно было не опоздать и попытаться в чем-то предупредить противника, – ведь обстановка изменялась очень быстро. Подготовка летчиков в 1941-м была слабой. Не хватало радиостанций, связь шла по проводам, – это означало отсутствие связи в условиях маневренных боев. Остро вставали проблемы ремонта и снабжения. Рязанов все это видел и пытался хоть как-то улучшить положение дел. У него, как у всех наших военных, сердце обливалось кровью при виде отступления наших войск. Рязанов помнил слова экономиста-географа Баранского о том, что политика государства регулируется экономической географией. А тут на глазах и карты перекраиваются, и экономика.

К 11.07 уже только 249 самолетов оставалось в строю. Рязанов и другие авиационные командиры пытались методом проб и ошибок изменить ситуацию. Времени на глубокие размышления не было. Рязанов выезжал на аэродромы и руководил боевой работой на местах. На любую, даже потенциальную угрозу командир должен ответить решением резким, не менее угрожающим, мгновенным и – главное – безошибочным.

Трехмесячная история 5-й Армии ЮЗФ от первых военных дней до пленения ее командующего и расформирования армии 25 сентября 1941 года, в общем-то, известна.

24 июня 41 года 5-я армия провела контрудар по группировке противника, встречное танковое сражение. Но в бою многое зависит от подготовки и удачи. События стали развиваться неблагоприятно для наших войск. Действия различных родов войск оказались несогласованными. Механизированные соединения вступали в бой в разное время, по частям, при слабой поддержке авиации. 25 июня неприятель прорвал фронт 5-й армии, контрудар не удался. Части 27-го стрелкового и 22-го мехкорпусов понесли огромные потери, и началась паника. Командование армии, переезжавшее в ночь на 26 июня на новый КП, столкнулось с беспорядочным отходом подразделений двух танковых дивизий и артполка 27-го стрелкового корпуса. Поток людей, повозок, орудий мчался по шоссе на Ровно. Только энергичное вмешательство офицеров штаба армии и лично самого Потапова остановило это бегство и пресекло дальнейшую панику [2]. В танковом сражении 26-28 июня 5-я армия наносила удары по 1-й танковой группе противника. Повторный контрудар 5-я армия произвела 30 июня – 1 июля. Всю авиацию нацелили для ударов по мехгруппировке противника в направлениях Дубно, Острог и Дубно, Ровно.

Штаб армии часто менял свою дислокацию. И штабу ВВС 5-й армии приходилось перемещаться, чтобы не потерять связь с ним. Но иерархия оставалась непростой. Командующий авиацией фронта, приказывая летчикам дивизии, должен был обращаться к командованию ВВС армии, в которую входила эта дивизия. И нередко командование фронтовой авиацией обращалось прямо к комдивам, минуя промежуточные инстанции.

В 62-й бад к середине июля осталось 27 самолетов СУ-2 и только 2 СБ, – они гибли чаще других. В 62-ю бад вошел и 94-й шап. Первое время противник почти не нападал на одномоторные СУ-2, появившиеся лишь накануне войны, потому что издали этот самолет был похож на немецкий Ме-109. Но и наши зенитчики плохо знали силуэты многих наших самолетов – Як-4, Пе-2, Су-2. М.П. Одинцов писал, как наши истребители атаковали Су-2. Случалось, сбивали и хорошо изученные СБ и ДБ-3. В воспоминаниях П.Г. Пустовойта описано, как И-15 прямо над аэродромом, пропустив Ю-88, атаковали Су-2, ранив пилота и штурмана, как по севшему на вынужденную посадку нашему самолету ДСВ-ЭФ с криками «Это немецкий самолет» открыли огонь, убив одного из членов экипажа. В полках не осталось и четверти штатного количества самолетов. Во второй половине июля в состав ВВС 5-й армии прибыла 7-я разведывательная эскадрилья. Ее подчинили командиру 62-й бад. Рязанова беспокоило то, что

противник не позволял разведывательной авиации углубляться за линию фронта. И результатов было мало.

Из 20 Илов 74-го шап на 11 июля 10 машин были неисправными. 7 суток полк работал по немецким колоннам на шоссе Житомир-Киев. Удары экипажи выполняли группами по 3-6 самолетов через каждые 10-30 минут. Ежедневно выполнялось по 3 полковых вылета. В итоге задержали движение войск вермахта на этом направлении на 3 суток. Дали время подтянуть в Киев части для усиления обороны. На Юго-Западном фронте первые боевые вылеты Ил-2 сделали две девятки из 74-го шап, атаковавшие 13-ю тд. После потери в Белоруссии утром 22 июня всей материальной части и многих авиаторов, 74-й шап принял 22 «ила» с воронежского авиазавода № 18 и группу наскоро переученного молодого летного состава. 1-я эскадрилья с ведущим ст. лейтенантом Емельяновым обнаружила на подходе к Юрову длинную колонну крытых автомашин, тягачей, танков. Штурмовики обрушились на колонну бомбами ФАБ-70, реактивными снарядами крупного калибра и пушками ШВАК с высоты 50–75 м, сделав по три захода. Их не остановил ни сильный зенитный огонь, ни противодействие в районе цели вражеских истребителей. Результаты налета советские авиаторы оценили, посчитав уничтоженными 80–90 автомашин и танков, а также один «мессершмитт», сбитый прямым попаданием РС. По данным немцев, группа II/JG3 сбила после 17 ч 30 мин «три одномоторных советских самолета неопознанного типа». В действительности наши потери составили две машины из 1-й эскадрильи, но все «илы» имели пробоины и повреждения; половина уцелевших штурмовиков нуждалась в серьезном ремонте.

Через год с небольшим Рязанов будет иметь дело, в основном, с Илами. С.Г. Чепелюк, друг Т. Бегельдинова, называвшего его в воспоминаниях Серегой, в 1970 году опубликовал в «Военно-историческом журнале» обстоятельную работу «Развитие тактики штурмовой авиации». Тогда Чепелюк был уже кандидатом исторических наук и полковником. Затем он стал генералом. Не знаю, стал ли доктором наук. В работе он пишет и о 74-м шап: «Например, 25 августа 1941 года два самолета ИЛ-2 74-го шап (Юго-Западный фронт), встав в круг, до полного израсходования боеприпасов уничтожали колонну крытых автомашин в районе ст. Карпиловская Гута. В результате 4-5 машин было разбито, а на нескольких возник пожар». Но в 1941-м Илы еще были в новинку. Летчики не изучали оптимальную тактику боевого применения нового штурмовика. Ее еще и не было. Отсутствовали инструкции, появившиеся позже. Полигонные стрельбы из пушек, пулеметов и РС, бомбометание не проводились. Полеты строем в полках не отрабатывались. Всему этому летчикам пришлось учиться в напряженной боевой обстановке первых недель войны, в условиях практически полного господства в воздухе авиации противника. Такая учеба дорого обходилась – ценой неоправданных потерь, как летчиков, так и самолетов.

Еще одно подтверждение своим мыслям о радиосвязи Рязанов получил в июле 41-го. Ситуация изменяется очень быстро, команды тоже должны поступать очень быстро, а самолеты в небе, к ним не докричишься. Без радиосвязи самолеты в воздухе не управляются в принципе. А неуправляемые войска – это не войска. Летом 41-го, когда немцы методично пробивались на стыке между нашими 5-й и 6-й армиями, Рязанов был на полевом аэродроме, где от истребительного полка осталось всего несколько не вполне исправных самолетов. Прибыл офицер связи с пакетом от М.И. Потапова [6]. Задание: выяснить, где находится 37-й стрелковый корпус 6-й армии, который должен был соединиться с частями 5-й армии. На разведку на одном из двух исправных самолетов полетел командир полка, – остальные летчики были неопытными и плохо обученными. Полетел и пропал. Звонок Потапова: выполнить приказ любыми средствами. Рязанов сам полетел на последнем исправном И-16. Нашел 37-й ск, но нашел погибшим, окруженным плотным кольцом атакующего противника. Без поддержки, уже почти без боеприпасов, бойцы шли в контратаки на вражеские танки. Рязанов лично доложил Потапову, – связь, пока он летал, была нарушена, аэродром разбомбили. Рассказал, что корпус,

по его мнению, долго не продержится, и рассчитывать на соединение с ним не приходится. Сведения, полученные командующим, были очень важными для него. Он тут же отдал приказ командирам стрелкового и двух механизированных корпусов прекратить атаки, перейти к обороне, готовиться к отражению наступления танков противника. При этом он запретил Рязанову выполнять задания, которые может выполнить простой летчик.

Командир должен командовать, принимать решения. Нет взаимной заменяемости. Генерал может быть солдатом. Это проще. Не надо думать, анализировать, сопоставлять, решать. Маршал Ворошилов водил солдат в атаку под Ленинградом, сам Потапов вскоре будет ранен в бою и попадет в плен, генерал Полбин, командир пикирующих Пе-2, погибнет в боевом вылете в Германии. Таких примеров много. Но это все-таки должны делать пехотинцы, летчики, они не смогут руководить войсками, не обучены этому. Генералы, рискуя и проявляя мужество в бою, ослабляют при этом свои войска. Нелегкой и важной работе предпочитают мгновенный отчаянный порыв.

У Василия Георгиевича были опыт, силы, знания. Но армия – механизм громоздкий, воли одного человека недостаточно для ее разворота. И Рязанов, выполнив приказ любой ценой, вспоминал наших солдат, гибнущих в кольце врагов, остро ощущал свое бессилие и беспомощность, и думал, как изменить ситуацию.

Киев являлся одной из главных целей вермахта по плану «Барбаросса». В начале июля Кирпонос потребовал соединениями 5-й армии занять Коростенский, а 6-й армии – Новоград-Волынский укрепрайоны. Сталин направил Хрущеву телеграмму: «Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра. Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРОВ на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров». Хрущев очень переживал, – он писал об этом в воспоминаниях, обвиняя в ложных донесениях министра внутренних дел Сергиенко.

По немецким войскам, прорвавшимся в районе Новоград-Волынский – Житомир – Бердичев, командиры ЮЗФ ударили силами 5-й и 6-й армий, отсекали передовые части 48-го и 3-го мехкорпусов вермахта. На время проведения операции все авиадивизии вывели из управления общевойсковых армий и непосредственно подчинили генералу Астахову. По его приказу главные бомбовые удары на северном фланге наносили 18-я тбад и 62-я бад. За 10 и 11 июля советские ВВС выполнили 614 самолетовылетов, а неприятель – около 550. 5-я армия на широком фронте потеснила части 17-го и 51-го армейских корпусов, перехватив Киевское шоссе. Горючим снабжали «юнкерсы». Советская авиация разрушила мост через Тетерев, разбила дивизион тяжелых орудий, уничтожила несколько автоколонн. Но решающего успеха контрудар наших наземных и воздушных сил не принес. Начались перебои с поставками горючего и боеприпасов. Трудности были и у люфтваффе. Сильные дожди в начале июля превратили грунтовые дороги в болота. Наши войска сражались самоотверженно, и у противника были большие потери истребителей. Но плохо организовали согласование с действиями наземных войск. Командиры полков и эскадрилий не успели изучить характер целей. Только 10 июля ВВС фронта потеряли 30 самолетов, а 11 июля – еще 18. Школа для Рязанова и других командиров оказалась нелегкой. Но уроки извлекались, делались выводы, чтобы двигаться дальше.

Командующий ВВС ЮЗФ уделял большое внимание воздушной разведке. Экипажи 316-го орап В.В. Степичева постоянно следили за перемещениями крупных групп танков противника. На вооружении части имелись самолеты Як-4. С высокой скоростью, они могли уйти от перехвата «мессерами». Но таких исправных машин оставалось всего две (плюс еще два боеготовых Як-2) [4]. Фотоотделов и специалистов фотографов не существовало. Поэтому получение подробных данных не удавалось организовать. Потом уже Рязанов, наученный горьким опытом, будет, вспоминая опыт школы спецслужб, всячески развивать фотодело, и помогать

специалистам-фотографам. Не выходило эффективно организовать управление авиацией на поле боя и взаимодействие авиации с наземными войсками. Этот урок на будущее Василий Георгиевич тоже хорошо усвоил.

В середине июля в дивизиях ВВС ЮЗФ находилось много «безлошадных» экипажей. Перед Рязановым стояла задача поддерживать боевую работу при сократившемся количестве исправных машин и многообразии стоявших перед авиацией задач. Это удалось сделать 62-й бад (в нее входили 52-й, 94-й, 226-й и 227-й бап) [4]. 9 июля дивизия успешно бомбила мотомеханизированные части противника. У нас вышли из строя два Су-2 и один СБ. Две машины из них восстановили. Но в боях, начавшихся на следующий день, противник смог нанести значительный урон: при 20 самолетовылетах не вернулись на базы 6 СУ-2, а при вражеском налете на аэродромы сгорело 4 самолета и еще 5 получили повреждения. В сверкающем июльском небе почти незаметно для наблюдавших с земли вспыхивали и сгорали наши машины, – только дым стелился вслед. Те из пилотов, кто не был в кожаных одеждах (а они оказывались дефицитными), не успевали выпрыгнуть с парашютом, сгорая живьем. В дыму исчезали военлеты, выпускники аэроклубов и училищ, растворяясь в излюбленной ими воздушной стихии. Но если бы не дрались наши бойцы так отчаянно, зачастую в проигрышной ситуации, не сражались бы на «ишаках» и СБ с мессершмиттами, все сложилось бы иначе.

Местоблюститель патриаршего престола (а с 1943 года патриарх) митрополит Сергей (Страгородский) в своем послании от 10 июля 1941 года писал: «Мы говорим не просто Родина, но Мать-Родина, и как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для человека слов! Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь».

В условиях постоянного барражирования в воздухе немецкой истребительной авиации и интенсивного огня зенитной артиллерии экипажи 62-й бад с 11 по 15 июля выполнили 283 вылета, имея в среднем 17 исправных машин. В сутки каждая «сушка» (Су-2), «пешка» (Пе-2), «катюша» (СБ) совершали не менее трех вылетов.

Восточнее Житомира товарищи по звену лейтенанта В. Хайдемайера из 2-го отряда группы I/JG53 слышали по радио его возглас: «В меня попали пушечные очереди», – а затем они наблюдали, как Vf 109F № 9543 почти вертикально врезался в землю. Рязанов видел этот бой. Немецкого лейтенанта поразил огонь Як-1 – нового советского пушечного истребителя лейтенанта С. Смирнова. При пятом боевом вылете западнее Бердичева пропал без вести опытный немецкий лейтенант Х. Рибба, сбивавший наши тихоходные СБ, а адъютант группы лейтенант В. Тонне получил ранение в бою с советским истребителем. Люфтваффе в боях западнее Киева потеряли 10 и 11 июля 18 самолетов [4].

Но всего 18 исправных самолетов осталось к 11 июля и в 33-м сбп. Их свели в две эскадрильи – капитанов Рассказова и Шабашева. Хотя наших летчиков и называли сталинскими соколами, но сражались они достойнее хищных птиц. Да и в других масштабах драки самолетов больше напоминали стаи мух или комаров, чем птиц. Молниями в небе проносились ревущие машины, поражая противника. В начале июля под Белой Церквью ст. лейтенант Мишин на Пе-2 таранил Ju 88, при этом погиб. В августе, отбиваясь от пары Vf 109, экипаж Пе-2 ст. лейтенанта Корочкина развернулся в лобовую атаку. Ни наш, ни немец не отвернули. Это видел Рязанов. В мае 42-го года 33-й сбп майора Рассказова вошел под командование Рязанова. Василий Георгиевич уже втянулся в военную колею, в нехитрый фронтовой быт, почти привык к неприятным новостям. Только сообщения о гибели пилотов не воспринимал спокойно.

Многие немецкие авиаторы со сбитых за линией фронта самолетов возвращались в строй. Кому-то не повезло. Так, вместе с четырьмя другими экипажами отряда 5/KG51, его командир капитан Г. фон Веншовски 10 июля бомбил железную дорогу Житомир – Казатин. Открыли огонь зенитки: один снаряд разрушил левый мотор, второй разорвался в фюзеляже. Повре-

жденный Ju88А-5 сел на вынужденную посадку севернее Казатина. При приближении красноармейцев, немецкие авиаторы заняли круговую оборону. В перестрелке погиб радист, штурман был ранен, немцы сдались в плен [4].

Я после университета служил два года лейтенантом в зенитно-ракетных войсках, на комплексе С-75. Но пришлось пострелять и из пулемета ДШК – Дягтерева-Шпагина крупнокалиберного. Командиром пулеметного взвода ездил на полигон. На полигоне стреляли по конусу, который тащил самолет. Попасть даже в такую не маневрирующую мишень очень сложно. Руководители стрельбы больше всего опасались того, что вместо конуса попадут в самолет-буксировщик. Его защищали стальными листами. Видимо, такие случаи были. И Рудель в книге «Пилот штуки» писал: «Попадание зенитки – чаще всего случайность». Вероятно, военные победы зенитчиков были связаны с высокой плотностью огня, а, может, и с большим их желанием поразить врага.

10 июля командующим ВВС Юго-Западного направления назначили генерала Федора Яковлевича Фалалеева. До этого он был командующим ВВС 6-й армии и зам. командующего ВВС ЮЗФ [4]. Через год Фалалеев стал начальником штаба ВВС и маршалом авиации. Прибыв в Полтаву, он создал небольшой штаб [4]. Чуть позже они хорошо сотрудничали с Рязановым.

В тот же день 10 июля в тыл отправили 8 авиаполков и управление 14-й авиадивизии. Другую часть «безлошадных» авиаторов отвели в запасные авиаполки и учебные центры. Утраты обоюдны, действие равно противодействию. Генерал Гальдер докладывал главкому сухопутных войск фон Браухичу, что надо, наконец, окружить и разгромить 5-ю русскую армию, мешающую нашему продвижению.

Василий Георгиевич, в дополнение ко всем своим школам, учился у немцев связи, оперативности, оповещению, «свободной охоте», всему, что было бы полезно. Особенно четкость радиосвязи, пеленгация противником наших раций впечатлили полковника. Он «мотал на ус» все новое для него и для нашей авиационной военной тактики, и затем пытался ответить врагу. У Рязанова победных реляций пока немного. Но копилка полнится, счет победам и поражениям ведется. Полковник Рязанов уже знает, на опыте жестоких боев, а не учений, как бороться с врагом, что они любят и не любят, что знают, чего боятся, к чему привыкли, а что их раздражает, нервирует. Он понимает, как их встречать, какие им готовить сюрпризы. Ему и поручают заняться обобщающими выводами, дать рекомендации, искать пути к победе. Когда речь идет о жизни и смерти, многое становится неважным. Остаются ценности, близкие к вечным. В физике такие долгоживущие величины называют интегралами движения, инвариантами. Аналоги есть, видимо, и в мире душевном, моральном. Самоотверженные действия ВВС Красной Армии летом 41-го внесли свою весомую лепту в сдерживание противника, срыв его планов.

Василий Георгиевич, может быть, ученый застенками, другими обидами, которые он воспринимал уже не то чтобы спокойно, но почти равнодушно и объективно, не так, как робот, а все-таки, по-человечески. Заместитель командующего во многом определяет решения самого командующего. Концептуальные, принципиальные вопросы, конечно, обсуждались, дискутировались, но заканчивались победой того, кто их выносил, выболел, выстрадал, отболел душой, отстрадал, глядя на гибель друзей, на неоправданные, вроде-бы, потери. Таким чаще был заместитель командующего, сам при этом оставаясь в тени. Он вспоминал все, чему учился, чему учил, сопоставлял свои наблюдения с мнениями других, анализировал события и их обобщения, используя немалый свой опыт, делал выводы, делился ими с коллегами.

5-я армия сковала значительные силы противника, осуществив несколько фланговых контрударов на левом крыле группы армий «Юг». 14-я и 62-я авиадивизии наносили удары по врагу, громили его подходившие резервы, способствуя действиям 5-й армии. Наши командиры переоценивали силы, прорвавшиеся на киевском направлении, и недооценивали угрозы дальнейшего наступления противника на юг. События развивались динамично, закручивая интригу, опасную для нас, напряжение нарастало. Летчики сражались в полную силу, не жалея

себя. Но уже не хватало боевых машин. Через несколько месяцев встанет проблема нехватки пилотов.

На наших общевойсковых КП отсутствовали авиапредставители. Оперативность передачи и обработки заявок была невысокой. От момента принятия решения до подъема самолетов в воздух проходили почти сутки. В это время наземная ситуация значительно изменялась. Экипажи, боясь поразить свои позиции, выбирали цели в глубине вражеской обороны. Командиры с трудом управляли подчиненными в воздухе, из-за недостатка бортовых радиостанций и неумения использовать их в полете. В документах того времени отмечались самоотверженность летчиков, их желание любой ценой выполнить задачу. Политрук П.С. Битюцкий из 66-го шап 28 июля не вернулся из неравного боя с «мессерами», уничтожив два из шести атакующих его самолетов противника. Его считали погибшим, а он на четвертые сутки прибыл в часть. Но 13.08.41 г. его «бис» не прилетел с боевого задания. Тогда он сразился с тремя Me-109, один из них летчик сбил, еще одного таранил. Сам погиб при таране. 05.11.42 г., когда 66-й шап входил в 1-й шак Рязанова, Битюцкому присвоили звание ГСС посмертно. А 66-й шап за отличия в обороне Киева получил наименование Киевский в мае 1943 года. 28 июля отличился мл. лейтенант М.Т. Забненков. Раненный при налете германской авиации 22 июня, он через несколько дней буквально сбежал из госпиталя и вернулся в строй. После успешного выполнения 50 боевых вылетов летчика наградили орденом Красного Знамени. Забненков еще будет служить под началом Рязанова. Еще не раз продемонстрирует стойкость, мужество. С ним произойдут невероятные события.

Летчики 66-го шап нанесли неприятелю немалый урон. Наши бойцы полностью реализовывали возможности устаревших самолетов. Или с бреющего полета, а в других случаях с пикирования, они пулеметным огнем и мелкими бомбами поражали живую силу противника. Если Рязанов инструктировал вылетающих летчиков, он учил действовать именно так. Потери неприятеля, – по отдельным трофейным документам, – были значительными. Так, в одной из зенитных рот 13-й танковой дивизии в строю осталось лишь 30 солдат и офицеров из 220. Основной урон был вызван действиями авиации.

Рос боевой опыт, и атаки неприятельских авиабаз выполнялись все чаще. Велись разведка белоцерковского аэроузла и атаки на него. Действовали ВВС 5-й армии. Налеты 26 июля планировал Рязанов. Уже 25 июля «чайки» сбили «мессер» в этом районе, а при штурмовке уничтожили огнем реактивных снарядов восемь Ju88, стоящих на аэродроме Фурсы. А 26 июля аэроузел (аэродромы Городище, Узин, Фурсы) подвергся ударам нашей авиации. Пожар охватил многие постройки. Уничтожили до 60 самолетов разных типов. Бомбы попарно лежали на летном поле для удобства их дальнейшего использования под «юнкерсами» и «мессершмиттами», – при попадании осколков они детонировали [4]. При атаках аэродромов неприятеля потери понесли и части 62-й бад. Особенно пострадало подразделение старшего лейтенанта Кривова из 227-го бап – зенитки и истребители сбили четыре Су-2, включая ведущего, а одна «сушка» совершила вынужденную посадку. В 224-м бап вечером 25 июля не вернулось домой пять СБ. При налетах на аэродром Фурсы авиаторов 20-го и 91-го иап 26 июля четыре «чайки» (ведущий Герой Советского Союза В. М. Курочкин) прикрывали шесть таких же машин с мелкими осколочными бомбами, ведомых ст. лейтенантом Г. Р. Павловым. После сброса бомб советские летчики насчитали на земле шесть сожженных вражеских самолетов, и, кроме того, им удалось подбить в районе аэродрома один Hs 126 и два Vf109. Не избежали потерь и наши: один И-153 стал жертвой зенитного огня, а три из четырех истребителей прикрытия были сбиты поднявшимися на перехват «мессершмиттами» из П/JG3; ведущий комэск капитан Курочкин, отличившийся и ставший Героем Советского Союза в период конфликта с Финляндией, 26 июля 1941 г. из вылета не вернулся.

Включилась в боевую работу 7-я ораэ. Полученные данные помогли генералу М.И. Потопову понять намерения противника. Среди лучших воздушных разведчиков был экипаж ст.

лейтенантов летчика К.Б. Радченко и летнаба М.М. Лобачева. 20 июля авиаторы обнаружили с высоты 4000 м скопление транспорта и танков у моста через реку Тетерев, но не смогли определить принадлежности войск. Радченко снизился. Немцы, убежденные, что над их позициями германский самолет, выложили опознавательное полотнище. Радченко обстрелял противника с малой высоты и поджег один автомобиль. Рязанов при разборе этого вылета похвалил летчика за инициативность и сделал замечание за чрезмерный риск.

Исполнявший обязанности начальника ВВС 5-й армии полковник В. Г. Шпагин требовал от комэска 7-й ораэ капитана А. А. Трошина организовать систематическую разведку в интересах объединения. Полученная информация помогла генералу М. И. Потапову понять намерения противника, действующего не только против войск 5-й армии, но и атакующего находившуюся северо-восточнее 21-ю армию Западного фронта.

Помощник командира 62-й бад, генерал Г.И. Тхор организовывал боевую работу и сам совершал вылеты. На Пе-2 он с бомбовой нагрузкой вылетел на разведку в район излучины реки Тетерев. Возле деревни Кухари Пе-2 настигли девять Вф 109F. Немцы взяли наш самолет в «клещи», намереваясь принудить летчика совершить посадку в расположении войск вермахта. Используя высокую скорость пикирования Пе-2, проявив мужество и незаурядное летное мастерство, Тхор не только ушел от преследователей, чем спас экипаж, но и сбросил бомбы на позиции германской артиллерии у села Пирожки.

В сентябре генерал Г.И. Тхор попал в окружение в районе города Пирятин. Он, командуя группой офицеров и сержантов тыла ВВС, с боями выводил их из окружения. В неравном бою с превосходящими силами врага он был тяжело ранен и взят в плен. В лагере Хаммельбург генерал возглавил подпольную организацию советских офицеров. В январе 1943 г. генерал Тхор был расстрелян. Приказом Министра обороны СССР генерал Г.И. Тхор навечно зачислен в списки первой эскадрильи 815-го тяжелого бап. За мужество и стойкость, проявленные за время пребывания в плену, так же, как и генерал Д.М. Карбышев, он стал одним из последних Героев Советского Союза лишь в 1991 г.

5-я армия вела напряженную борьбу на главной полосе Коростенского Ура, сковав 6-ю немецкую армию и 1-ю танковую группу. В донесении 5-й армии Военному совету фронта от 16 июля 1941 г. сказано: "Военный совет армии с гордостью докладывает, что 5-я армия, несмотря на серьезность положения, как один человек, верна своему долгу, понимает свою историческую роль в Великой Отечественной войне, и будет биться до последнего бойца за славу, честь и могущество Родины". Рязанов, проезжая через Киев, видел витрины магазинов, заложенные мешками с песком, народных ополченцев.

В срыве вражеского наступления важную роль сыграла и наша авиация. Летчики ежедневно совершали по 4-5 боевых вылетов. Их посылали Рязанов и другие командиры. Уничтожали войска на поле боя и авиацию на аэродромах, били по танковым и моторизованным колоннам на шоссе Житомир-Киев, прикрывали с воздуха Киев, Нежин и Чернигов, мосты через Днепр. Совершили до 5 тыс. самолетовылетов.

При атаках аэродромов неприятеля потери понесли части 62-й бад. Особенно пострадало подразделение старшего лейтенанта Кривова из 227-го бап – зенитки и истребители сбили четыре Су-2, включая бомбардировщик ведущего, а одна «сушка» совершила вынужденную посадку. Наиболее тяжелые потери понес 224-й бап. Вечером 25 июля не вернулось домой пять СБ из него. Вскоре часть вывели из состава 17-й авиадивизии и отправили в тыл на переформирование.

Начальник фотолаборатории 5-го авиакорпуса капитан В. Ригер, 53-летний немецкий офицер, участник Первой мировой войны, отец пятерых детей, решил сам проверить, насколько четкие фотографии можно получить при крутом снижении, и совершил два вылета, заменив бортстрелка в экипаже лейтенанта Хампе. Он на собственном опыте убедился в трудности фотографирования при пикировании, поскольку также не смог четко зафиксировать

объективом фотокамеры атакуемые цели. Кроме того, безрезультатными оказались оба вылета пикировщиков: утром 28 июля, когда бомбили склады боеприпасов (по словам Ригера, он не наблюдал ни одного сильного взрыва, хотя подразделение сбросило все бомбы), и вечером 29 июля при атаке железнодорожного моста через Днепр. На обратном пути от Киева самолет сбили советские истребители, что вынудило капитана воспользоваться парашютом. Его взяли в плен.

За активную помощь войскам в отражении наступления противника летчики 62-й бад и 36-й иад получили благодарность от Военного совета ЮЗФ. За период 1 июля – 10 августа 1941 г. ВВС ЮЗФ уничтожили на аэродромах 72 самолета, сами потеряв на аэродромах 44 машины. Командование, умело маневрируя силами авиации, добивалось численного превосходства на важнейших участках фронта, удерживая инициативу в воздухе. Рязанов с 1-го августа в соответствии с приказом Астахова имел дело уже не только с ВВС 5-й армии, которых и осталось то мало, а со всеми частями ВВС ЮЗФ.

Сохранились свидетельства противника, которые дают представление о налетах наших частей. Так, в дневнике погибшего унтер-офицера 36-го танкового полка можно прочитать: «Около 20 неприятельских бомбардировщиков атакуют нас. Мы прячемся за танками и видим, как падают бомба за бомбой. Убит один из мотоциклистов нашего взвода – осколок распорол ему спину. Не успели мы продвинуться на несколько сот метров от дороги, как бомбардировщики противника вновь настигают нас. Со всех сторон раздавались взрывы. Затем нас обстреляли русские истребители, а «мессершмиттов» не было видно. Война с русскими будет тяжелой».

Некоторые части и летчики прошли с Рязановым всю войну. Так, 226-й сбап, входивший с 24.06.41 г. в 62-ю бад, действовал против войск противника, наступавших в направлении Дубно, Ровно, Житомир, Киев. Героически и самоотверженно сражались в его составе М.П. Одинцов, С.Д. Пошивальников и другие пилоты. Когда штурман выводит машину на объект и прицеливается, бомбардировщик идет ровно, как по нитке. А в это время его бьют отовсюду, – свернуть же с курса нельзя. В начале августа полк, понесший большие потери, передал оставшиеся Су-2 в 227-й ббап, и в конце месяца был выведен на переформирование, при этом часть летного и технического состава была переведена в 52-й ббап. Этот полк вошел в состав 76-й ад под командованием Рязанова, а затем действовал в составе МАГ ЮЗФ, которой тоже командовал Рязанов. 26.03.42 г. 226-й полк был преобразован в 800-й шап и позже вошел в 1-й шак. Одинцов и Пошивальников были тяжело ранены в боях, но после лечения вернулись в строй.

За первый месяц войны экипажи 62-й бад сбили в воздушных боях 51 вражеский истребитель. 6 истребителей сбили экипажи эскадрильи Мигура, по две победы имели экипажи комэсков Ларионова, Макова, Русакова. Но удачных исходов меньше, чем потерь. 2 июля сбили зам. комэска 226-го полка капитана Б.Ф. Щербину и летчика – лейтенанта П.Ф. Горбачева, в 227-м – погибли комэск майор И.Г. Колокольников и его штурман – капитан И.С. Бикбаев. 3 июля три Vf 109 атаковали звено Су-2 мл. лейтенанта М.П. Одинцова со штурманом эскадрильи на борту ст. лейтенантом Н.В. Ефимовым. «Я был тяжело ранен, и пришлось садиться в поле. Пришлось долго лечиться в госпиталях», – вспоминал Одинцов. «Одинцов был в таком состоянии, – добавлял Ефимов, – что Су-2 пришлось сажать мне (самолет был с двойным управлением). С места вынужденной посадки нас доставили в житомирский госпиталь, потом в Харьков...».

В районе Славута – Полонное – Мирополь летчики 62-й бад нанесли эффективные удары по бронированным клинью врагов, задержав их продвижение на Киев. В период с 9 по 11 июля наша авиация рассеяла и частично уничтожила до танковой дивизии противника в районе Житомир – Коростышев – Юров. Во время сражений на подступах к Киеву ВВС фронта, параллельно с нанесением штурмовых ударов по моторизованным колоннам противника, бомбили его аэродромы и аэродромные узлы в Луцке, Дубно, Тернополе, Проскурове, Житомире и

другие. Главком Юго-Западного направления С.М. Буденный 30 июля приказывал: «Положение на фронте требует максимального напряжения авиации на решающих направлениях...2). Максимально увеличить количество сбрасываемых бомб, не допуская простоя исправных бомбардировщиков и штурмовиков».

До конца войны оставалась важной задача максимального напряжения авиации. Самолеты эскадр люфтваффе делали по несколько вылетов в день, воздействуя на разные цели. Такая же высокая интенсивность требовалась от ВВС РККА. Немецкие ВВС работали на пределе физических возможностей летного состава, но за счет этого успевали везде, создавая иллюзию господства в воздухе. Наши же ВВС часто делали один вылет в день, хотя в ВВС 5-й армии бывало и больше [7]. Позже Рязанов организовал дело так, что в его корпусе в дни напряженных боев летчики совершали до пяти вылетов в день. «Иногда было 4-5 вылетов. А один раз 6 вылетов! Каждый вылет 1 час 40 минут. Физически очень тяжело. А что делать?! Война», – говорил Бегельдинов.

В боях под Киевом особенно успешно сражались летчики 62-й бомбардировочной авиационной дивизии под командованием Героя Советского Союза полковника В.В. Смирнова и 36-й истребительной авиационной дивизии, которой командовал Герой Советского Союза полковник В.В. Зеленцов. Зеленцов получил высокое звание в финской войне, будучи командиром отдельного истребительного авиационного полка в той же армии, где Рязанов командовал воздушной разведкой.

За активную помощь войскам в отражении наступления противника летчики этих дивизий получили благодарность от Военного совета Юго-Западного фронта. 226-й и 227-й ББАП были переданы 24 июня 1941 г. из 36-й иад в состав 62-й БАД. Приблизительно к этому же времени произошла и смена командира дивизии. Генерал-майор авиации Борман стал заместителем начальника Киевской зоны ПВО по истребительной авиации, а дивизию принял полковник Зеленцов Виктор Владимирович. Генерал Борман Александр Владимирович по национальности – немец, а все командиры-немцы с началом войны, на всякий случай, были переведены с командных постов на должности заместителей командиров. Но затем «5-я графа» карьере Бормана не помешала. С 1942 г. он снова комдив – принял у В.И. Шевченко 216-ю САД, а войну закончил командиром корпуса.

В ходе 40-дневных боев немцы (4-й воздушный флот и 5-й авиакорпус) потеряли около 350 самолетов всех типов. Наши потери были больше. К 31 июля было безвозвратно потеряно 1750 самолетов, из которых 1240 составили боевые потери, а 510 машин – небоевые. В 16-й сад осталось всего 18 исправных машин и 15 неисправных. Авиация противоборствующих сторон сыграла важную роль на этом этапе и понесла существенные потери. Стало ясно, что ключевую роль сыграет поставка новых самолетов на фронт. «Первые два года войны мы продержались «на костях и крови»! ...Но, разозлились и продержались только вот на этой злости, на силе духа», – говорил летчик И. Кожемяко.

В конце июля 5-я армия удерживала левый фланг ЮЗФ, южнее железной дороги Коростень – Киев. Немцы рвались к Киеву с юга. 3 августа бомбили штаб фронта в Броварах, мосты через Днепр, Святошино, городские кварталы. Мощные налеты велись еще двое суток. Днем 11 июля для штурмовки аэродрома Жуляны немцы использовали истребители, приблизившись к летному полю с юга, со стороны солнца. В тот раз бдительным зенитчикам удалось сбить один из «мессершмиттов» – унтер-офицер Г. Бейер из II/JG3 стал первым летчиком-истребителем, погибшим в непосредственных окрестностях столицы Украины.

Утром 4 августа, после артиллерийской и авиационной подготовки, дивизии группы Обстфельдера перешли в наступление. Наши летчики сражались яростно, не щадя себя. Заметив сзади командира отряда 7/JG3 обер-лейтенанта К. Сохатци, младший лейтенант Ч.К. Бендилиани из 43-го иап развернулся на 180°. Фельдфебель Г. Шлееф наблюдал, как самолеты стремительно сближались, обстреливая друг друга, а затем столкнулись и стали падать. При-

мерно на высоте 1000 м Сохатци покинул штопорящую машину, раскрыв парашют. Бендилиани тоже использовал парашют и остался жив. В июле 1941 г. Сохатци уже дважды терял в бою свои машины, возвращаясь из-за линии фронта. Но в третий раз красноармейцы выловили его из Днепра [4].

В августе убыли в тыл без генерала И.А. Лакеева управление 14-й сад и ее 17-й и 46-й иап. Иван Алексеевич Лакеев воевал в Испании, под Халкин-Голом, в Финляндии. Федор Архипенко, он был тогда младшим лейтенантом, вспоминал о первом дне войны: «Запомнилось, что во время третьего в то утро налета, когда бомбардировщики в очередной раз нанесли удар по аэродрому, генерал Лакеев спокойно стоял на КП и давал по микрофону команду на взлет звену истребителей. Глядя на этого человека, на его грудь, где сверкала золотая звезда Героя Советского Союза и ордена, на то, как хладнокровно он наблюдал за взлетом звена, у меня прошел мандраж, перестали трястись ноги, и я успокоился. Спокойствие известного генерала помогло мне побороть страх, придало мужество в самый нужный момент, когда бомбы падали возле КП, с грохотом рвались, и земля ходила под ногами. Пример храброго генерала не раз помогал мне в трудные минуты моей военной жизни быть смелым и честным защитником нашей Родины...». Последнюю фразу говорили и многие свидетели поведения Рязанова на фронте. 29.04.43 г. Лакеев стал командиром 235-й иад, и командовал ей до конца войны. С Рязановым он встречался, видимо, потом в 5-й и 2-й воздушных армиях.

Рязанову 40 лет, возраст силы и мужества. Он, как и немецкие асы, уверен в своих силах. Но прямолинейный удар, как видно, не проходит. Надо искать нестандартные подходы, отходить от шаблонов, думать, творить в зависимости от складывающейся сиюминутной обстановки. Нужен и даже необходим был анализ происходящего. Нельзя воевать вслепую, безрассудно. Для Астахова становится ясным, что мы проигрываем в мастерстве, как командиров, так и летчиков. Выяснить, почему это происходит, как исправить положение, поручается Рязанову. Издаётся следующий приказ:

СЕКРЕТНО Экз. №2

ПРИКАЗ

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМ СИЛАМ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

1 августа 41 г. №8 м. Бровары.

§1.

С целью выявления, изучения и быстрейшего использования опыта текущей воздушной войны частями ВВС фронта,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Полковнику Рязанову Василию Георгиевичу непосредственно на месте в частях и соединениях ВВС фронта, путем опроса отдельных командиров, летчиков и экипажей, а также, используя имеющиеся документы, собирать и изучать опыт боевых действий ВВС фронта. Материал должен отражать тактику ВВС, как нашу, так и противника, какие тактические приемы вырабатываются, где слабые места у противника, а также недочеты и упущения в наших действиях.

Особое внимание уделять элементам военной хитрости.

По мере накопления материала, периодически докладывать мне выводы и предложения по использованию опыта и новых тактических приемов во всех частях ВВС фронта.

§2.

На полковника Рязанова В.Г. возложить проверку боеспособности и обеспеченности для боевой работы частей и соединений ВВС фронта, с ежедневным докладом мне.

§3.

В помощь полковнику Рязанову В.Г. для вышеуказанных работ выделить майора Левенберг Илью Александровича.

Командующий ВВС ЮЗФ Военный комиссар ВВС ЮЗФ
Генерал-лейтенант авиации (Астахов) дивизионный комиссар (Гальцев)
Начальник штаба ВВС ЮЗФ
Генерал-майор авиации (Шкурин)

С Астаховым Рязанов был знаком давно. В 3-й военной школе летчиков Астахов был начальником школы. Они вместе перелетали в Оренбург. До своего прибытия на фронт в 41-м Астахов занимал должность начальника учебных заведений ВВС, а Рязанов работал в Монинской академии. У Астахова положение нелегкое. Хрущев вспоминал: «Шутка ли сказать, противник подошел к Киеву, вышел на Ирпень! В городе началась паника. Это естественно. Помню, как ночью (я сидел на лавочке) ко мне подошел командующий воздушными силами КОВО генерал Астахов. Очень порядочный, добросовестный человек, внешне степенный и тучный. Он своей внешностью как бы олицетворял само спокойствие. Говорит: "Лишились мы в этих боях почти всей авиации. А сейчас противник не дает нам и носа показать". И разрыдался». В заслугу Астахову можно поставить этот приказ, когда все были растеряны. Но были и поиски эффективных и нестандартных решений, и сами эти решения тоже были. Поэтому заслуга командиров, Сталина, постоянно искавших такие нетривиальные результативные ходы, велика. Хотя сам этот приказ, скорее, пожелание. Как в анекдоте: совещание начальников штабов, все напряженно думают. Вдруг один генерал кричит: придумал! Я нажал кнопку, и корабль противника в другом полушарии разлетается на куски. Все восторгаются, спрашивают, как это сделать. Он говорит: это не моя забота. Я предложил, а инженеры пусть делают.

Какие элементы военной хитрости имелись в виду? Война сопряжена с обманом. Чтобы выиграть, прибегают к неправильным действиям. Существует, например, стратегия чуда, – выбирается план с большой степенью риска. Тогда требовалось прервать череду поражений любой ценой, дать отпор агрессору. Но сил и опыта не было. Была надежда на что-то пока неясное, но могущественное и победоносное. И надежда правильная. По воспоминаниям Хрущева, Сталин твердил что-то в это время о русской смекалке. «Нет ничего труднее, чем борьба на войне. Трудное в борьбе на войне – это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду», – написано в «Искусстве войны» Сунь Цзы. Но не следовало ожидать чудес, а, как всегда, надо было упорно и ежедневно работать. А хитрость это, в данном случае, прежде всего, отсутствие глупости. Хотя в таких сложных действиях, как военные, действительно, важную роль играли неожиданные ходы. Почему именно Рязанова посчитали хитрецом? Видимо, Астахов знал способность Рязанова находить оригинальные решения, самостоятельность его мышления.

Генералы понимали свое отставание, как в технике, так и в организации боевых действий и управлении войсками. Практически отсутствовала радиосвязь, не хватало даже карт и других важных вещей. Как правило, только ведущий группы знал боевую задачу на вылет и имел карту. При гибели ведущего остальные пилоты делались легкой добычей врага. В донесениях того времени бросаются в глаза фразы: «Наши летчики не знакомы с силуэтами отечественных самолетов. Случаи огневого воздействия по своим самолетам нередки» [3]. И в первые месяцы войны все это обернулось неоправданно высокими потерями. Летчики вели себя мужественно и доблестно, много случаев героизма и самопожертвования. Но война выигрывается в мирное время задолго до ее начала, промышленностью, экономикой, ресурсами. Неверная оценка какого-либо фактора, некомпетентность руководства многократно увеличивают человеческие жертвы.

От Рязанова требовались не детали и подробности – они получались по другим каналам, – нужен был анализ, нужны были замыслы, предложения, нестандартные идеи. Какие рекомендации, возможно, повысившие эффективность и успешность действий нашей авиации, последовали? Отмечались плохое применение радиосвязи, слабая работа штабов, удаление базовых

аэродромов от линии фронта, время от момента постановки задачи до удара по цели слишком велико. Противник же действует с аэродромов, расположенных рядом с линией фронта. Предложения не оригинальные, но необходимые. Отмечалось и то, что авиационные командиры не имеют и не стремятся иметь личный контакт с командирами общевойсковых соединений, не бывают на их командных пунктах в периоды тесного взаимодействия авиации с наземными войсками. Авиационные командиры, ставя задачу на вылет подразделения, сами детально не знают обстановки на фронте. Нет у них точных данных, где и к какому часу проходила линия фронта, о положении и задачах своих войск и положении противника. Тогда постановка задач общая («действовать по району»), что дает очень слабый боевой эффект. Все заботы Рязанова направлены на реализацию замечаний. И в том, что в августе улучшилась работа штабов в части оперативности передачи донесений, отработки вопросов взаимодействия родов войск, стали более согласованными действия штабов, есть заслуга и Рязанова.

Неурядицы и в тактике действий авиачастей. Бомбы для поражения цели выбирают без детального учета объекта и цели удара. На аэродромах нет комбинированных боевых комплектов бомб. При заходе на цель слабо используется обстановка для маскировки и для маневра. Мало практикуется заход на цель со стороны солнца. Неумело используется для маскировки облачность. Выход на цель часто производится прямо без маневра, бомбы сбрасывают по площади. При атаке противника повторяют одни и те же стандартные приемы. Необходимо разнообразить способы атаки противника, не повторять их, изменять маршруты, высоты. Случаи потери ориентировки, вынужденные посадки, поломки и катастрофы, во многом вызваны нечеткостью в работе и слабой требовательностью командиров авиасоединений и частей. В первые боевые вылеты молодой летный состав надо назначать так, чтобы в составе группы было большинство летчиков, имеющих боевой опыт. Сам Рязанов всю войну строго следовал этим рекомендациям. Но надо было подниматься на более высокий уровень, искать новые структуры организации и действий авиации, – в этом и состояла главная хитрость, – что было сделано только через год.

Документы того времени редко фиксировали грамотные, профессиональные действия командиров соединений и частей, работников штабов по планированию, управлению авиацией, организации боевых вылетов. Гораздо чаще отмечались самоотверженность летчиков, их готовность любой ценой выполнить поставленную задачу. Так, неоднократно действовали на устаревших И-15бис летчики 66-го шап. Звено лейтенанта Н. Я. Кратина 23 июля прорвалось к целям в районе Белой Церкви сквозь сильные заслоны «мессершмиттов». Ведущий получил 10 ранений, преимущественно в ноги, но посадил изрешеченный биплан на аэродром. Осмотрев самолет, инженер части вынужден был его списать. В представлении летчика к ордену Красного Знамени указывалось, что за 25 боевых вылетов он «пережил» три своих И-15бис. Майор Левенберг докладывал Рязанову об этом бое. Левенберг был ненамного младше Рязанова, 1907 года рождения. Затем он до конца войны служил с Астаховым, стал подполковником, был награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина.

По малинской группировке противника предприняло контрудар 5 августа левое крыло 5-й армии, а 6 августа войска 5-й армии были отведены на тыловой рубеж УРа. Задержать наступление в северо-западном направлении на Коростень не удалось.

Войска 5-й армии активно участвовали в боях 9-20 августа, сковывая крупные силы противника, отвлекая их от Киева. Часто контратакуя, они ломали планы противника. Эти действия поддерживали скорректированные огневые налеты артиллерии и удары авиации. В итоге противник нес потери, его личный состав держался в напряжении. Недаром Гитлер объявил Потапова своим личным врагом. Авиация работала на коростенском и малинском направлениях по подходившим резервам. К этому времени в авиаполках оставалось по 10-15 боевых

машин, летчиков было в три-четыре раза больше. Они летали все светлое время. Техники и вооруженцы едва успевали заправлять машины горючим.

Звено И-16 из 92-го иап 23 августа не дало звену Хе-111 произвести прицельное бомбометание в районе Чернигова. Младший лейтенант Г.С. Банченков израсходовал боезапас, но догнал "хейнкель", ударил его воздушным винтом по левой плоскости и левой стороне фюзеляжа. Бомбардировщик упал неподалеку от переднего края на территории, занятой противником. Рязанов наблюдал за боем с земли, невольно пытаясь руководить действиями пилота, хотя и понимал, что тот его не слышит. Тогда и потом утверждалась мысль: надо сделать так, чтобы слышал! Рязанов в своем докладе Астахову рекомендовал наградить Банченкова. Летчик был награжден. Но не успел получить награду. Банченков погиб через несколько дней при перебазировании.

К 5 августа противник вышел уже ко второй линии УРа, расстреливая прямой наводкой зенитной артиллерии наши бетонные доты. После выхода 8 августа частей 299-й пд к району Совки ряд немецких генералов, включая начальника Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдера, полагали, что Киев взят. Бои шли уже на Байковом кладбище. «При подходе противника к Киеву приходилось делать по 7-9 вылетов в день, т. к. с ходу была занята станция Жуляны и немцы ворвались на Соломенку», – писал в автобиографии М. Забненков. Но наше командование направило на угрожаемое направление резервы, а из действующих на этом направлении частей и соединений сформировало 37-ю армию во главе с генералом А.А. Власовым, затем вписавшим очень мрачную страницу в историю страны. Наша авиация бомбила и штурмовала неприятеля. Артиллерия также подавлялась авиацией [4]. Усилия летчиков были значимыми. Кстати, Рязанов и Власов были ровесниками и земляками. Но по-разному сложились их судьбы.

В ночь на 7 августа на направление главного удара наступавших на Киев немецких войск перебросили 5-ю воздушно-десантную бригаду полковника А.И. Родимцева, последний крупный резерв ЮЗФ. Десантники, построившись на Крещатике, двинулись в Голосеевский лес, заняли оборону, и не пропустили немцев. Поздним вечером 8 августа перешли в дерзкую контратаку и выбили противника из Голосеевского леса. Проведённая бригадой контратака на какое-то время стабилизировала положение. Десантники не имели боевого опыта и тяжёлого оружия, но пылал в них высокий боевой дух. В 1941-м у нас действовал устав, по которому штыковой бой применялся против пулеметов. Только в 42-м устав изменили. Об атаке бригады Родимцева вспоминает ее участник политрук А.П. Шапошников, – он воевал уже более месяца: «Эти авиаторы шли по лесу, как на параде – прямо вдоль дороги на Одессу, плотным строем, с винтовками наперевес. Они шли, чуть ли не чеканя шаг, в полный рост. На стрельбу немцев совершенно не обращали внимания, и поэтому их сильно косило, потому как у дороги лес был реже...». Немцы же бросились в бегство, полагая, что большевики бросили в бой летчиков, у десантников была летная форма. 10 августа новый сильный удар по бригаде Родимцева. Десантники вновь стоят насмерть. К концу дня в бригаде осталось 375 человек... «Полковник Родимцев не знал усталости. Он был там, где требовала обстановка. Он был там, где создавались трудности...», – написано в представлении Родимцева к ордену Красного Знамени. Рязанов был дружен с Родимцевым, бывшим его слушателем в Монино. Рязанов раньше полтора года летал под Оренбургом, откуда был родом Родимцев. Потом они сражались рядом под Харьковом, под Курском, освобождали Знаменку, стояли на Сандомирском плацдарме, помогали восставшей Праге. Рязанов дружил и с генералом Жадовым, командующим 5 гв. Армией, в которую входил корпус Родимцева и с которой часто работал корпус Рязанова. У меня сейчас в руках фотография А. С. Жадова, подарок Рязанову, на обороте которой написано: «В память боевой и личной дружбы и самых славных воспоминаний. А. Жадов. 12.3.44». В сорок пятом вторые свои Золотые Звезды Рязанов и Родимцев получили одним указом. И раньше в

наградных списках их фамилии стояли рядом. Например, в 1943-м, в списке о награждении орденом Суворова. И после войны, по рассказам мамы, они крепко дружили.

О боях тех дней вспоминал Архипенко: «...Скорее всего, удалось мне это за счет мгновенно принятого правильного решения, выполненного спокойно при хорошей технике пилотирования. Считаю, это природный дар, т.к. до сих пор в сложной обстановке порой принимаю решения мгновенно и чаще именно такие решения ведут к успеху. ...Я открыл счет сбитых мною самолетов противника. Из трех наших самолетов был исправен только мой, а у других двух не стопорился дутик. В силу этого мне приходилось одному сопровождать девятки бомбардировщиков СБ в район Кременчуга, где они бомбили переправы через Днепр. Сколько было потеряно наших самолетов СБ, главным образом от огня немецкой зенитной артиллерии, вспомнить страшно. Ведь летали они днем, в плотных строях, на высоте 1500 м, легко загорались...».

Только 4 августа 15-я сад, куда входили 28-й иап и 66-й шап, выполнила перед фронтом КиУРа 61 самолетовылет и сбросила на врага 1600 кг бомб [4]. Противник не оставался в долгу. Контрудар по группировке противника 5-го августа нанесли части КиУРа. Но наземные офицеры люфтваффе срочно вызвали по радио «юнкеры» и «хейнкели», те прорвались через небольшие заслоны «ястребков» и сбросили сотни бомб на советские войска. Наши части понесли от налетов серьезные потери в технике и личном составе. Среди получивших ранения были комиссар КиУРа Евдокимов, начальник артиллерии генерал Степанов [4]. Всего в течение 4–10 августа наша авиация выполняла по 250–300 вылетов в сутки и, конечно, помогла отражению штурма города.

В этот тяжелый период обороны активно работали авиаторы 16, 17, 36 и 62-й авиадивизий. С самолетов ТБ-3 из 14-го тбап несколько раз выбрасывались тактические десанты для подрывных действий во вражеском тылу во взаимодействии с партизанскими отрядами. Но гораздо чаще ТБ-3 применялись как ночные бомбардировщики, содействуя оборонявшим Киев войскам. Всего в течение 4–10 августа наша авиация выполняла по 250–300 вылетов в сутки (большинство на киевском направлении) и, конечно, помогла отражению штурма города.

Второй штурм города, в ходе которого обе стороны понесли тяжелые потери, удалось отбить. Наши части не раз успешно переходили в контратаки. Немцы захватили в Жулянах ценное авиационное имущество. Ополченцы с бронепоезда «Литер А» ночью прорвались на станцию, прицепили 10 стоявших вагонов и вывезли их к своим. В вагонах находились авиамоторы и разобранные самолеты. К 10 августа Красная Армия южнее Киева смогла частично восстановить положение, имевшееся к концу июля. Вернули населенные пункты Тарасовка, Чабаны, Пирогово и отбили ряд дотов КиУРа. Фронтальным ударом город взять не удалось. Неприятель временно перешел к обороне.

Усиленная и пополненная 26-я армия генерала Ф.Я. Костенко неожиданно для противника 7 августа продвинулись на 25–30 км и заняла г. Богуслав. Отошедшие ранее за Днепр части вновь переправились на правый берег и расширили плацдарм у Триполья. Немецкие подвижные соединения были разбросаны на большом расстоянии. Пришлось послать в бой пекарей, ветеринаров, военнослужащих разных вспомогательных подразделений. Значительную роль в дальнейших событиях сыграла немецкая авиация. Противник перебросил на автомашинах и тягачах легкую и тяжелую зенитную артиллерию, ранее оборонявшую подступы к белоцерковскому аэродромному узлу. А штаб 5-го авиакорпуса принял решение поднять в воздух все исправные самолеты для уничтожения прорвавшихся танков и кавалерии русских.

Уже в середине дня 7 августа бомбардировщики, пикировщики, истребители, действуя по одному, парами или звеньями, несмотря на плохие погодные условия, дождь и сильную облачность, бомбили и штурмовали советские войска с малых высот. Посадки выполнялись только для дозаправки горючего и загрузки бомб. Разведсводки штаба ВВС КА отмечали интенсивные действия «юнкеров» на поле боя. Неприятельские самолеты бомбили и обстре-

ливали опушки леса, рощи, стремясь поразить скопления наших войск. Они размыкали строй, атаковали одиночными экипажами и сбрасывали в каждом заходе одну-две бомбы, после чего снижались до 5–25 м и применяли бортовые пулеметы. Немецкая авиация нарушила управление войсками подвижной группы, и это крайне негативно сказалось на результатах ее действий.

Действия советской авиации планировалось массировать на участке армии генерала Ф.Я. Костенко утром 7 августа. Накануне для пополнения фронтовой авиации прибыли с Дальнего Востока 55-й бап (на СБ) и из Ростова 89-й иап (на ЛаГГ-3). От истребителей группы Т.Т. Хрюкина (44-я и 64-я иад) наземное командование потребовало надежно прикрыть сосредоточение войск ударной группы (кавалерии и танков), но, к сожалению, осуществить задуманное не удалось. В своем докладе генералу Астахову полковник Рязанов отмечал, что с перебоями работала связь между авиационными и общевойсковыми штабами, вылеты самолетов не были согласованы по времени и месту с действиями наземных войск. А многие авиационные части оказались серьезно ослаблены предыдущими непрерывными сражениями.

Под натиском наступающего неприятеля 88-й и 249-й иап (оба из 44-й иад) 2 августа перебазировались на левый берег Днепра. Теперь они находились на открытой степной местности, самолеты было трудно скрыть от взора неприятельских разведчиков, и те быстро их засекли. Неоднократно «мессершмитты» атаковали «ястребки» возле их аэродромов. Это приводило к излишним потерям при взлетах и посадках. Обобщая опыт и проверяя боеготовность частей ВВС, Рязанов видел разбой немецких истребителей, и рекомендовал перебазировать полки или прикрывать взлеты и посадки своих самолетов.

Железнодорожный мост через Днепр у Канева прикрывали летчики 88-го иап. 13 августа погиб мл. лейтенант И.И. Новиков, первым в полку таранивший Ju88. Тогда, 23 июля «юнкерс» попытался уклониться от Новикова левым боевым разворотом с резким набором высоты. Но Новиков ударил в левую плоскость рядом с мотором. Кромка плоскости истребителя на секунду замерла на сбрасываемой части фонаря кабины Ju88. Оба самолета как бы вклинились друг в друга. Бортстрелок и радист покинули Ju88 с парашютами. Удивительно, что оба пилота посадили свои машины. На И-16 Новикова погнуты лопасти винта, машину стало сильно трясти. Летчик не покинул И-16, а перевел самолет в планирование и посадил его на площадке в районе Смелы [4]. «Счастье нельзя отделить от войны, так как сама война составляет часть жизни», – Б. Лиддел Гарт.

На следующий день не вернулись из 58-го вылета мл. лейтенант В.Г. Липатов и из 48-го вылета мл. лейтенант В.Ф. Деменок. Он вылетал на задания не только на И-16, но и на УТ-1, проводя разведку на предельно малых высотах. 14.07 на самолет Деменка напали 8 Ме-109. Наш пилот сбил один Ме-109, остальных обратил в бегство. Раненый в ногу, сел на своей территории. Рязанов не раз пользовался полученными им данными. В книге «Долетим до Одера» Г.А. Пшеняника, начальника штаба 88-го иап, отмечено, что схватка в районе Канева 14 августа, когда погибли В.Г. Липатов и В.Ф. Деменок, завершилась уничтожением восьми неприятельских самолетов, одного из них – тараном. Липатов дрался тогда с четырьмя Ме-109. Их представляли к званию Героя, дали орден Ленина.

В документах 28-го иап отмечалось, что 7 августа в упорном бою мл. лейтенант А.К. Рязанов (как и его однофамилец Василий Георгиевич, будущий дважды ГСС) поджег немецкий самолет, а через два дня комэск капитан В.В. Боловленков в одном вылете сбил два Вf 109. Столько же сбил и его однополчанин лейтенант А.П. Подпрятков, однако и его собственный МиГ-3 вспыхнул. Летчик приземлился на парашюте в районе Соломенки на руки наблюдавших бой киевлян, начавших качать героя. Лейтенанты В. Чесноков и А. Соболев пали смертью храбрых. Чесноков погиб в истребителе, а Соболев покинул подбитую машину, но был расстрелян врагом при спуске на парашюте. Рязанов отражал эти бои в своих докладах, как и то, что 17 августа звено 43-го иап в составе лейтенанта А.Н. Мукомолова, мл. лейтенантов С.Д. Зайцева и Б.А. Борисова атаковали 15 Вf 109. Советские летчики вступили в бой, сбив

два вражеских самолета, сами потерь не понесли. 26 августа летчики М.А. Малахов и Н.Ф. Тучинский вступили в схватку с двадцатью вражескими истребителями. Советские летчики атакой в лоб сбили два Vf 109. Остальные гитлеровские самолеты уклонились от боя. Такие примеры не раз встречались в докладах Рязанова, и он приводил их с гордостью за мастерство и смелость наших авиаторов.

В командование авиацией 5-й армии 10.08 вступил полковник Н.С. Скрипко. Он в своих воспоминаниях описывал, как они шли через Днепр под осуждающими взглядами жителей. Как он и генерал Потапов ждали, пока не сгорит и не рухнет подожженный мост. Части 5-й армии начали движение на Чернобыль, к переправам через Припять. Скрипко писал, что в 62-й бад осталось только 27 Су-2 и 2 СБ. Эти силы временами удачно работали по земле, но не могли дать отпор противнику в воздухе. Но по сравнению с июлем наши суточные потери снизились почти в три раза. Активные действия 5-й армии и ее ВВС привели к смене стратегии «Барбароссы». Приостановив наступление на Киев, Гитлер 21 августа приказал: «Нашей целью является не оттеснение советской 5-й армии за Днепр частным наступлением 6-й армии, а уничтожение противника, прежде чем он отойдет на рубеж Десна – Конотоп – Сула». Планы группами армий «Юг» и «Центр» уничтожить главные силы ЮЗФ, к несчастью, вскоре осуществились.

Войска 5-й армии почти полтора месяца в Коростенском укрепрайоне отвлекали часть немецкой группировки от Киева [4]. 5-я армия часто переходила в контратаки, угрожая левому флангу группы армий «Юг». Генерал Потапов характеризовал действия армии как «наступательная оборона». Помогали и ограниченные силы авиации. Рязанов поручил майору Левенберг ознакомиться с боевой работой 94 бап, и майор доложил, что 94-й бап наносит большой урон противнику. Майор Левенберг летал с 1933 года, классный бомбардировщик. Авиация часто доставала немцев там, где не было советских войск, в прорыве, когда танкисты и мотоциклисты неслись по пыльным дорогам Украины, встречая только гарнизоны и охраняющих мосты бойцов НКВД. Например, в прорыве от Бердичева до встречи с 2-м мехкорпусом к северу от Умани, на 11 тд Крювеля влияли только самолеты поредевших авиадивизий ЮЗФ. Авиадивизии перенаправлялись на цели, отстоящие от предыдущих на сотни километров. Полное господство в воздухе не было завоевано немецкой стороной. С 1 по 10 августа налеты наших летчиков еще более усилились. Всего за десять дней на аэродромах противника было уничтожено 172 вражеских самолета. В связи с большими потерями, 1 августа 226-й и 227-й сведены в 52-й ббап полковника Турыкина. Часть личного состава убыла в тыл.

5-я армия ЮЗФ под натиском второй ударной группировки 6-й немецкой армии оставила юго-западный и южный секторы Коростенского укрепрайона. Но к 7 августа, закрепившись вдоль железной дороги Коростень – Киев, она остановила врага. Активные действия и упорное сопротивление 5-й армии в июле-августе сыграли важную роль в обороне Киева. Ее войска почти на полтора месяца сковали на своем участке фронта не менее 10 немецких дивизий. Прочность положения 5-й армии и ее активные действия заставили немецкое командование принять 10 августа решение о прекращении штурма. Были серьезные опасения о судьбе 6-й армии. Авиация 5-й армии наносила удары по наступающим соединениям врага. Полковник Рязанов докладывал генералу Астахову, что в боях под Киевом успешно сражались летчики 62-й бад ГСС полковника Смирнова и 36-й иад, которой командовал ГСС полковник Зеленцов. Полковник В.В. Смирнов в сентябре 41-го не получил приказ на выход из кольца. Под свою ответственность поднял самолеты. Сам выходил со штабом, при выходе из окружения, при прорыве второго кольца был ранен, его вынес адъютант. Погиб он 27.07.43 на Курской дуге, когда командовал уже штурмовой дивизией, и вел своих летчиков на прорыв обороны под Орлом.

Однажды согласованными действиями летчиков, артиллеристов, танкистов и пехотинцев удалось отбить атаку противника и нанести ему большие потери. При этом экипаж ст. сержанта

Гусейнова из 7-й ораэ корректировал огонь наших дальнобойных орудий, а эскадрилья ст. лейтенанта Горина из 94-го бап добилась прямых попаданий в машины с горючим и боеприпасами. Левенберг докладывал об этом Рязанову, а тот – Астахову. У майора Левенберг, когда он был инспектором ВВС ЮЗФ, было 8 боевых вылетов. Были они и у полковника Рязанова. Опыт боевых действий и элементы военной хитрости надо изучать и в этих действиях. Все же силы на земле и в воздухе были неравными, и постепенно противнику удалось оттеснить советские войска на северо-восток на 20–35 км.

Фронты отходящих 5-й и 6-й армий лоскутами огибали вбитый в оборону войск ЮЗФ клин. Отход 5-й армии на Коростень и 6-й армии на Бердичев под нажимом противника на стыке двух армий шел в расходящихся направлениях. К 8 августа в окружение попали 6-я и 12-я армии, был образован, а затем ликвидирован Уманский котел. Противником было захвачено 103 тыс. пленных, включая обоих командармов, 4 комкоров и 11 комдивов. В боях погибли 2 командира корпуса и 6 командиров дивизий.

Вечером 19 августа была получена директива штаба ЮЗФ на отвод войск 5-й армии за Днепр. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Для прикрытия районов переправ Потапов привлек 9 И-16 из 92-го иап, которые днем барражировали в воздухе. Люфтваффе не смогли серьезно помешать маневру наших войск.

В обширном докладе командующего ВВС ЮЗФ командующему ВВС КА от 21 августа говорилось: «За исключением первых трех дней войны, части Военно-Воздушных сил фронта в боевых действиях были достаточно активны, летали много и боевые задачи выполняли хорошо». Экипажи Do17 и He111 выявили слабое место в обороне – стык 27-го отдельного ск с частями 22-го мк 5-й армии. Если бы 27-й ск подчинили генералу М.И. Потапову, удалось бы избежать очень тяжелых последствий. Поредевшие в непрерывных боях соединения 5-й армии отходили по переправам через Десну на юг. 29 августа КП командующего ВВС армии перенесли на аэродром Веркиевка, расположенный в 50 километрах юго-восточнее Чернигова. Здесь Рязанов и другие офицеры встретились с командующим войсками ЮЗФ М.П. Кирпоносом, который был родом из этого села.

Скрипко в своих воспоминаниях писал, что развитие обстановки не вызывало оптимизма. Штабам трудно было организовать боевую работу на новых местах. В конце августа в 74-м шап осталось всего три Ил-2 и 19 летчиков, хотя он недавно получил 8 машин. Много Илов было разбито на вынужденных посадках и из-за потери ориентировки авиаторами [5]. Это потом, уже при участии и Рязанова, недостатки устранялись. А в 41-42-м годах потери у штурмовиков были очень большими. Рязанов докладывал Астахову, что в эти дни отмечались случаи невыполнения задания из-за отказа матчасти, а 30 августа самолет лейтенанта В.Г. Сливы сорвался в штопор, летчик не смог вывести машину, и она разбилась. Рязанов отмечал, что в августовских боях особенно отличились авиаторы 43-го иап капитан А.Ф. Зинкин, лейтенант А.Н. Мукомолов, лейтенанты Ч.К. Бенделиани, В.И. Шишкин и С.Ф. Зайцев. Его однофамильцу Д.А. Зайцеву из 2-го иап в эти дни первому среди летчиков, защищавших Киев, вручили «Золотую Звезду» Героя Советского Союза.

Успехи той или другой стороны определялись, прежде всего, смелостью, ясностью, дальновидностью, прозорливостью командирских решений. Например, отказ немцев от форсированного наступления на Киев и поворот танковых группировок с брянского направления на юг привели вскоре к оглушительному поражению наших войск в киевском котле. Но смелость решений должна быть подготовлена, она обязана покоиться на прочном фундаменте опыта, раздумий, учебы. На этой почве надо спокойно и мужественно противостоять и растущему хаосу среды, и действиям противника.

Спустя год с небольшим на счету лейтенанта Г. Графа будет 202 победы и его наградят всеми высшими на тот период наградами Рейха. В начале августа 41-го он прибыл на киевское направление. Позже он вспоминал, как утром 5 августа германская разведка сообщила, что

на один из советских аэродромов на восточном берегу Днепра должен прибыть маршал С.К. Тимошенко. Штаб 5-го авиакорпуса выделил группу пикировщиков для немедленного удара по аэродрому и штабу Юго-Западного фронта в Броварах. Едва немецкая группа перелетела Днепр, как ее атаковали И-16. «Мессершмитты» немедленно вступили в бой. Удача сопутствовала Графу, которому удалось сбить одну из «рат». Судя по советским данным, упавший севернее Троещины истребитель принадлежал 255-му иап. Маршал Тимошенко не пострадал.

Но работала и наша разведка. Так, 28 августа группы I и III/JG3 получили приказ перебазироваться из Белой Церкви в Умань, чтобы обеспечить безопасность Гитлера и Муссолини, решивших на транспортных самолетах посетить наступающие победоносные войска группы армий «Юг». Фюрер и дуче не задержались в Умани, быстро покинув Восточный фронт. Вечером 29 августа истребители двух групп вернулись в Белую Церковь, готовясь вести бой в районе Киева. А следующим утром над летным полем появились «сушки». Из отчета генерал-квартирмейстера люфтваффе следовало, что несколько авиабомб разрушили ремонтную базу вместе с находившимися там машинами. Десять Vf109F сгорели на аэродроме.

Н. Бердяев в своей «Философии неравенства. Письмо одиннадцатое. О войне» писал: «Жизнь в этом мире есть борьба. Борьба дитя греховного раздора, она происходит от неполноты. Но через борьбу преодолевается этот раздор и происходит восполнение жизни. Война одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война антиномична по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни... Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нём окончательного устройства, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия...».

П. Вершигора, кинорежиссер, ставший партизанским командиром, писал: «После этого случая я, в ходе войны, начал смутно, изнутри понимать, что война – сложнейший механизм. Это я знал и раньше из книг и газет, но понимать по-настоящему стал только в дни августа 1941 года. В те несколько дней я понял, что не только храбростью и удалью воюют люди, но и умением. Понял, что, командуя батальоном, нельзя надеяться на то, что тебя вывезет твоя военная безграмотность. Это может случиться раз в жизни. Нужно знать, что война идет не только в окопах, не только в воздухе. Война не ограничена той узкой полосой, где противники скрещивают оружие, – она нередко забирается и в тылы войск, где части отдыхают после боев или готовятся к новым сражениям».

Корабли днепровского отряда речных кораблей Пинской флотилии содействовали войскам Юго-Западного фронта в междуречье Припяти, Днепра и Десны. Основные силы кораблей прикрывали отход наших войск через действовавшие переправы. В большинстве случаев отход носил организованный характер, несмотря на систематические бомбежки, но в районе Окуниново неожиданно сложилась непредвиденная и критическая ситуация.

Отступление – один из самых сложных маневров в военной оперативной науке. Незначительные неточности в его планировании и проведении приводят к тому, что противник на плечах отступающих врывается в города, громит их части и тылы. 22 августа противник обнаружил отход 5-й армии, а также то, что 27-й корпус продолжал оставаться на месте, и правый фланг этого корпуса обнажился. В этот разрыв между смежными флангами 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса была брошена 11-я танковая дивизия. Произошел прорыв подвижных войск противника по дороге вдоль реки Тетерев.

Передовой отряд противника: мотопехота, 30 бронемашин и 40 танков, прорвал оборону на реке Тетерев, захватил райцентр Горностаеполь и к вечеру 23 августа вышел к Печкинскому мосту на Днепре у Окуниново. Деревянный настил длиной 2,5 км держали три металлических фермы. Мост обороняло стрелковое подразделение, а также два отдельных зенитных дивизиона с 18 зенитками. Накануне один дивизион перебросили на другой участок фронта, а у второго не было бронебойных снарядов. Захват неповрежденным важного моста относится

к критическим моментам операции, определяющим ее развитие в целом. Такой проигрыш не исправляется.

Части 11-й германской тд приблизились к мосту неожиданно и смогли в коротком ожесточенном бою, в ходе которого был ранен командир соединения генерал-майор Г. Ангерн, овладеть мостом, не позволив его взорвать. Мост был заминирован, но перебили и телефонную и телеграфную линии, приказ о взрыве не поступил. Войны выигрываются не грубой силой (хотя этот компонент важен), а силой духа, дальновидностью решений командиров. И если в 41-м мы в чем-то проигрывали немцам, то в итоге победили вовсе не из-за погоды или множества жертв, а именно силой духа. Сталин, бывший семинарист, знал, что в основе многих событий в мировой истории лежат религиозные мотивы, что источник сопротивления агрессору в душе. Поэтому он и вспомнил о православных святых; «потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной», – сказано в главе 6 Послания к Эфесеянам Святого Апостола Павла. Неприятель создал предмостное укрепление на левом берегу Днепра. Необходимо было, уничтожив врага, разрушить мост. Но достаточных сил авиации тогда в резерве у командующего ЮЗФ не имелось. Он приказал командующему флотилии: «Любой ценой, вплоть до гибели кораблей, уничтожить окуниновскую переправу противника; не допустить переправы вражеских войск через Десну у города Остер...». Аналогичный приказ получили и авиаторы. Скрипко и Рязанов еще до рассвета послали ночников из 33-го бап 5-й армии. Экипажи нанесли удар по мосту. Затем в небо поднялись два Ил-2 из 74-го шап 5-й армии, – все исправные самолеты в полку. Ил лейтенанта С.И. Колыбина, сбитый зениткой, упал в расположении противника. Его ведомый мл. лейтенант В. Олейников не знал, что Колыбин остался жив, попал в концлагерь Флессебург. После плена вернулся на Родину. Авиация не изолированный род войск. Даже авиации дальнего действия, например, нужны данные разведки, связь и прочее. В этой войне летчики работали, в основном, с пехотой и танками, и это взаимодействие оказалось плодотворным и эффективным. Но сотрудничали и с конницей, артиллерией, и с другими войсками. В этот раз, скорее всего, не часто это случалось, авиации пришлось тесно поработать с речной флотилией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.